

[Polaris]

Павел Карелин

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Повести и рассказы

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXXXVI

Salamandra P.V.V.

П. КАРЕЛИН

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Повести и рассказы

Составитель
Александр Степанов

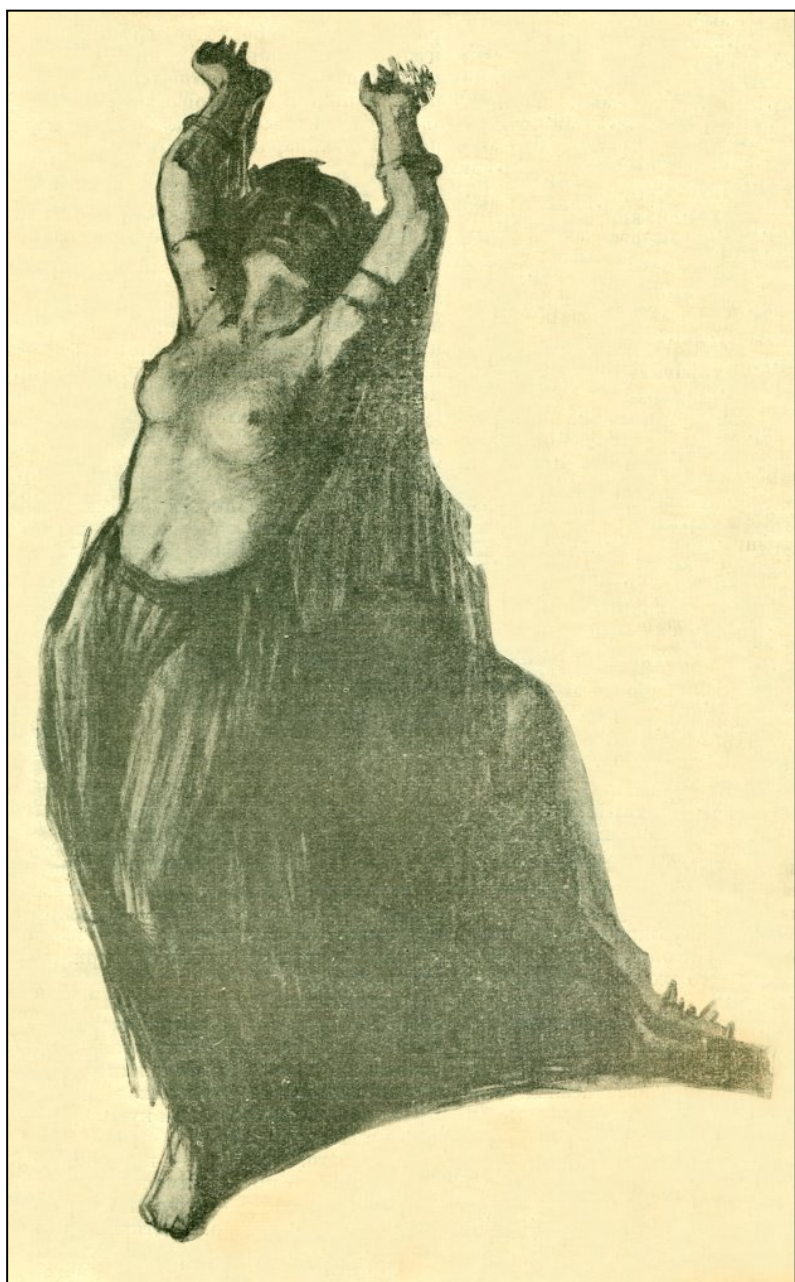
Salamandra P.V.V.

Карелин (Красник) П. С.

Таинственный остров: Повести и рассказы. Сост. А. Степанова. Подг. текста и прим. М. Фоменко. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. – 220 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССXXXVI).

Чудовищные реликтовые существа, оружие четвертого измерения, магическое путешествие в Древний Египет – таковы темы фантастических повестей и рассказов П. Карелина (Красника), чьи произведения впервые собраны в этой книге. Все они увидели свет в журнале «На чужбине», который автор редактировал в Шанхае в 1920-1921 гг. и несомненно станут открытием для любителей фантастического жанра.

Издание продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

ТАЙНА БЕЛОГО ДОМА

Повесть

Долго я не решался опубликовать эти заметки, отчасти из боязни, что мне не поверят, отчасти же из опасения, что профессор Манутин, появления которого я ждал и жду с минуты на минуту, будет недоволен оглашением его тайны.

Во всяком случае, все это так невероятно, что я минутами сомневаюсь, действительно ли это было.

И только лежащие передо мной газеты, в которых говорится об известных мне взрывах, подтверждают действительность всего случившегося...

Но начну по порядку.

Будучи тяжело раненным в дни великой разрухи нашей армии, в июле 1917 г. я был эвакуирован на южный берег Крыма, где дивный горный воздух и отличный уход Н-ского лазарета скоро поставили меня на ноги.

Раны затянулись, кровохарканье прекратилось и я перешел в разряд выздоравливающих.

Батарея, которой я командовал на фронте, потому ли, что состав ее офицеров с первого дня революции отдавал все свободное время беседам с солдатами, разъясняя им каждый переживаемый момент, или по какой другой причине, до последнего момента исполняла свой долг, как то подобает солдатам революционной армии, сознательно борющимся за свободу и родину.

С небольшой горсточкой пехоты, оставшейся верной долгу, батарея прикрывала бегущие армии, подпуская неприятеля почти вплотную и расстреливая его в упор картечью.

В один из таких моментов, отходя под давлением превосходящих масс австро-немцев, я и был ранен в грудь и в голову ружейными пулями и эвакуирован в Крым.

Лазарет, в котором я помещался, находился в горах, вдали от населенных пунктов и единственным развлечением выздоравливающих были небольшие прогулки в окрестностях.

Кругом, на расстоянии нескольких верст, за исключением пяти или шести небольших домов не было ничего. Эти дома и их хозяева были нам отлично известны, иногда мы во время прогулок заходили к ним выпить стакан воды или просто отдохнуть и всегда встречали радушный прием.

Только один дом оставался для нас загадкой. Сколько раз мы ни пытались проникнуть в него, всегда получали один и тот же ответ:

— Нельзя! Хозяин не принимает...

Слуга, отворявший дверь, старик, хромою на одну ногу, с физиономией рассерженного бульдога, так решительно при этом запирал дверь, что настаивать далее мы не решались.

Окольными путями нам удалось узнать, что фамилия хозяина дома Манутин, что он бывший профессор одного из университетов, известный в ученом мире своими работами в области электричества.

Это все, что мы узнали о таинственном соседе, причем никто из нас не мог похвастаться тем, что видел профессора.

Чем он занимался, что делал, как жил, все это было для нас загадкой.

Таинственное всегда меня привлекало, и этот странный дом как-то невольно тянул к себе своей таинственностью. Поэтому каждый раз я выбирал место для прогулок в окрестностях жилища профессора, пока, наконец, у меня не созрело решение во что бы то ни стало проникнуть в тайну белого дома.

Всевозможные, в большинстве крайне нелепые слухи еще более укрепили мое решение и я стал уже регулярно ходить к дому не только днем, но и по ночам.

Таинственный дом помещался в лощине, одной своей стороной примыкая к группе скал, а другой выходя на небольшую поляну. На поляне, шагах в ста от дома, находился большой деревянный сарай с не потемневшими еще досками, очевидно недавно выстроенный.

Сарай был окружен высоким бревенчатым забором и выходил широкими, как у гаража, дверями к дому.

Как-то раза два, во время прогулок, я слышал доносившиеся до меня из сарая характерные звуки вертящегося пропеллера, иногда слышал стук от ударов молотка по чему-то твердому, лязг металла...

Подойти близко к ограде, за которой помещался сарай, мне мешала большая злая собака, жившая за изгородью и поднимавшая каждый раз, при приближении кого-либо, страшный лай.

Мне казалось, что ключ к разгадке должен находиться обязательно в сарае и я решил сдружиться с Цербером таинственного дома.

На это мне понадобилась целая неделя. Вначале пес, хотя и принимал от меня приношения в виде сосисок и колбасы, но каждый раз встречал ворчанием и лаем. Потом мало-помалу, привыкая ко мне, перестал ворчать и даже позволял ласкать себя в широкую щель, проделанную мною в заборе.

Все эти упражнения я производил за группой больших кипарисов, росших позади сарая и скрывавших меня от взоров обитателей таинственного дома. Как-то на рассвете, часа в четыре утра, я проснулся и, не будучи в состоянии больше заснуть, решил пойти к таинственному дому.

Едва только я поравнялся с домом, как дверь его внезапно отворилась и я увидел высокого человека в странной накидке, без шапки, с всклокоченными седыми волосами, направляющегося по дороге, ведущей в горы. Человек этот шел медленно, не оглядываясь по сторонам, весь погружен-

ный в себя. Казалось, что если бы кругом обрушились горы, он бы не заметил этого.

Я последовал за незнакомцем и, нагнав его, подошел вплотную. Человек продолжал идти, не замечая меня.

— Виноват... Вы, вероятно, хозяин этого дома?..

Минуты через две, видя, что ни покашливания, ни другие приемы обратить на себя внимание не действуют, я, взяв руку под козырек, вежливо обратился к седому господину:

— Виноват... Вы, вероятно, хозяин этого дома?..

Лохматый человек вздрогнул, дико посмотрел на меня и потом, видно, отчасти сообразив, в чем дело, быстро заговорил:

— Да, да... Я хозяин... Только, извините, я занят, очень занят сейчас... — и, повернувшись, быстро, чуть не бегом, пошел обратно.

Следовать за ним я не посмел, но странности этого человека, гуляющего на рассвете по горам и ничего не замечающего вокруг себя, еще больше укрепили меня в решении разгадать тайну.

Я участил визиты к таинственному сараю и скоро настолько подружился с собакой, что она нисколько не препятствовала мне не только ласкать ее сквозь щель в заборе, но даже перелезать через забор и осматривать издали сарай.

Профессора я несколько раз встречал, гуляющего по горам на рассвете. Как и в первый раз, он никого и ничего не видел, весь погруженный в какую-то мысль.

Из нескольких слов, случайно сорвавшихся с его губ, я решительно ничего не понял. Он говорил про какую-то невесомость, корабль, переменные токи и чуть ли не после каждого слова повторял:

— Да, да... Это так... Совершенно так.. Иначе не может быть...

Далее следовали какие-то недосказанные формулы...

В общем, ничего нового я не вынес.

Через несколько дней, совершая послеобеденную прогулку, по обыкновению около таинственного дома, я проходил мимо ограды, за которой помещался сарай, привлеченный туда характерным звуком быстро вращающегося пропеллера. Звук внезапно замолк, как бы оборвался. Вдруг калитка ограды с шумом распахнулась и из нее выбежал хозяин дома, еще больше лохматый, с диким видом и, размахивая руками, не замечая ничего, бросился по дороге.

Я не успел уклониться, профессор налетел на меня и, бросив на ходу — «Извините», — побежал дальше, продолжая нелепо размахивать руками, и исчез за поворотом.

Калитка осталась незатворенной, далее была видна полуоткрытая дверь сарая.

Соблазн был велик. Я не выдержал.

Подозвав собаку, которая подбежала ко мне, виляя хвостом, я быстро прошел в калитку и, почти не владея собой, вбежал в полуоткрытую дверь сарая.

Наконец-то тайна будет в моих руках! Наконец-то я узнаю, что заключается в загадочном сарае, столько времени интриговавшем меня.

Я остановился в недоумении.

Громадный сарай, типа автомобильного гаража или ангара для аэропланов, был ярко освещен большими окнами из толстого стекла, устроенными в потолке. Несколько перекладин поддерживали всю систему деревянного настила. С боков окон не было.

Но самое главное, чего я никак не мог ожидать — сарай был пуст... пуст, за исключением небольшой машины, по-видимому, электрической, помещавшейся в углу. Несколько инструментов, какие-то ключи, гайки, отвертки небрежно разбросаны на столе и на полу. Вот и все.

Я довольно внимательно, насколько это позволяло время и страх возвращения хозяина, осмотрел машину.

Катушки Румкорфа, небольшие стеклянные диски, но ничего, напоминающего пропеллер, ничего, напоминающего какое-либо колесо, могущее воспроизводить слышанный мной шум, когда я подходил к сараю, тем более, что вся машина была величиной около полутора аршин в длину и немного более аршина в ширину.

Едва я успел поверхностно осмотреть сарай, как вдали послышались торопливые шаги возвращающегося профессора.

Выходить за ограду было поздно, и я едва успел спрятаться за кипарисами, росшими позади сарая, как во двор вошел профессор, захлопнул калитку и быстрыми шагами направился к сараю, где и скрылся, притворив за собой дверь.

Я весь обратился в слух.

Через несколько минут раздалось потрескивание, как бы от разряда электрической искры, прерываемое возгласами профессора, затем глухой шум, напоминающий отдаленный взрыв; спустя некоторое время до моего слуха ясно донесся отчетливый свист пропеллера и движение по сараю какого-то очень громоздкого тела.

...Я подошел к таинственному дому...

Пропеллер то работал, то замолкал, то развивал бешеную скорость, то крутился медленно. Видно, что пробовали машину, пробовали совершенно так, как летчик проверяет аэроплан перед полетом.

Игра с пропеллером продолжалась минут десять, затем послышалось легкое потрескивание, взрыв, какой-то дикий не то возглас, не то вопль профессора, и все смолкло.

Я прождал минут пять. Полная тишина.

Думая, что с профессором случилось что-нибудь неладное, я вышел из своей засады, тихо прокрался к двери сарая и осторожно, со страхом приотворил ее.

Сарай был пуст.

В углу тоскливо стояла непонятная мне электрическая машина, стол с разбросанными инструментами и больше ничего. Никакого громоздкого аппарата с пропеллером не было. Профессор исчез.

Я осмотрел пол, стены сарая. Ни намека на подземелье. Земляной пол был везде ровен и исключал возможность какого-нибудь подземного люка или чего-нибудь в этом роде.

Только посередине сарая были заметны четыре глубоких колеи, как бы от колес очень тяжелой машины.

Колеи эти шли зигзагами вперед и назад, впечатление получалось такое, что кто-то катал по сараю чудовищной величины экипаж.

Я положительно недоумевал, тем более, что раньше этих следов не было. В этом я готов был поклясться. Но если так, то куда же этот экипаж девался? Куда девался профессор?

Медленно вышел я из сарая, осмотрел его со всех сторон и, не найдя ничего существенного, вышел за ограду.

Едва я успел сделать несколько шагов, как послышался знакомый мне треск, глухой взрыв и из сарая скорыми шагами вышел профессор. Лицо его, вопреки обыкновению, сияло и он громко разговаривал сам с собой.

Я едва успел спрятаться за камень, как профессор прошел, вернее, пробежал мимо меня и направился к дому.

Подождав, пока профессор скроется за дверями, я медленно пошел по направлению к лазарету, напрасно стараясь уяснить себе все происшедшее.

Я ясно слышал стук пропеллера, ясно слышал передвижение по сараю какого-то громоздкого предмета, около которого возился профессор. Момент, и ни профессора, ни тяжелого предмета, ни пропеллера, ничего... Куда они делись?.. Я не допускал мысли о галлюцинации: все, что я слышал, было слишком отчетливо, ясно и... столь же непонятно.

На следующий день, на рассвете, я по обыкновению направлялся к таинственному дому. Последнее время я каждый день ходил «выслеживать» профессора, решив во что бы то ни стало разгадать его тайну.

Утро было ясное и тихое, какое только бывает в Крыму. Ни одного облачка, ни малейшего ветерка, ни одного звука. Эта тишина невольно создавала непонятную близость между природой и человеком, навевала грусть, напоминала одновременно и о жизни и о смерти...

Я тихо шел, задумавшись, как вдруг, приблизительно в версте от меня, послышался резкий звук взрыва, заставивший меня невольно вздрогнуть.

Когда дым немного рассеялся, я увидел на месте хорошо знакомой мне, отдельно стоявшей, вероятно, уже много веков скалы ровное, гладкое место.

Почти тотчас же раздался другой взрыв в полуверсте от первого, затем третий, четвертый.

Ни людей, никого не видно. Везде полная тишина, за исключением этих взрывов. Я посмотрел вверх. Небо ясное, чистое. Аэроплан, как бы он высоко ни летел, был бы виден, да и во всяком случае слышен был бы звук пропеллера, столь знакомый каждому, побывавшему на войне.

На море тоже ничего. Гладкая синева вод застыла в полном покое. Ни паруса, ни дымка, ни малейшей ряби, указывающей на присутствие подводной лодки.

Я бросился к месту ближайшего взрыва.

Большая воронка, диаметром около четырех аршин, говорила за себя. Ясно. Здесь упал снаряд. Но откуда?

Еще особенность: скалы, окружавшие воронку, были положительно измельчены силой взрыва. Два дерева, росшие сажень в восьми от скалы, превратились в мелкие щепки. Такого действия снаряда я не мог себе представить. Это было что-то новое...

Я осмотрел места других взрывов: то же самое. То же ужасное действие какого-то неведомого, фантастически сильного взрывчатого вещества.

В одном месте я нашел осколок от бомбы, в другом два осколка. Сомнения не могло быть. Кто-то бросил бомбу, но откуда?..

Характерная подробность: сбрасывающий бомбы, очевидно, выбирал точки попадания, так как каждый взрыв происходил обязательно около какой-нибудь отдельной большой скалы.

Я на мгновение допустил было мысль, что аппарат летел на громадной высоте, настолько высоко, что его не было видно, но тотчас же откинул, так как места попадания бомб говорили о точном прицеле, а это, при большой высоте, являлось положительно невозможным.

Опять неразрешимая загадка.

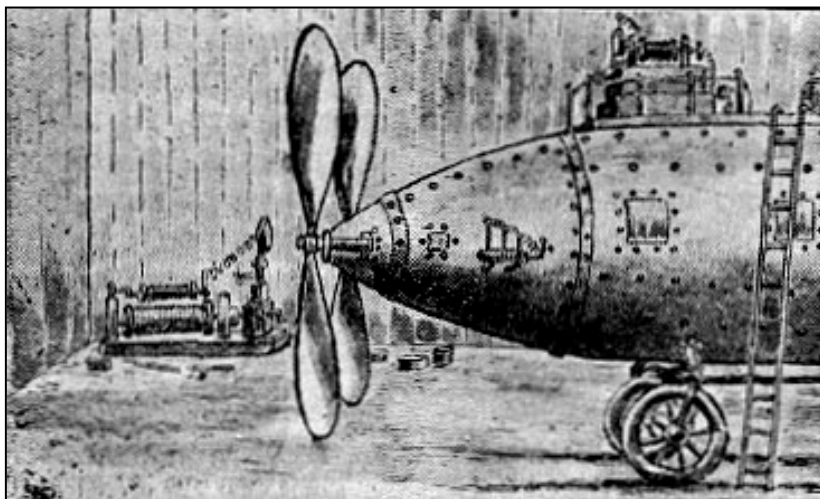
В голове, помимо воли, эти взрывы связывались с таинственным сараем профессора и, не сделав никаких выводов, я решил усилить наблюдения.

В этот же день, вооружившись буравчиком, взятым на время у служащего лазарета, я перелез через забор, предвзвешенно угостив собаку хорошей порцией колбасы, и

тихо прокрался к кипарисам.

Около часа просидел я под сараем, прислушиваясь к каждому шороху, но все было тихо; очевидно, профессор или отдыхал, или работал у себя дома.

Наконец я решился и стал, соблюдая по возможности тишину, просверливать отверстие в доске сарая. Работа двигалась успешно и через каких-нибудь десять минут я жадно прильнул к отверстию. В поле зрения оказалась небольшая часть сарая, но и этого было достаточно.

...Передо мной ярким контуром вырисовывалась машина неведомой мне дотоле конструкции...

Передо мной ярким контуром вырисовывалась машина, напоминающая какой-то, по-видимому, воздушный корабль неведомой мне дотоле конструкции. В щель была видна только часть корабля с двумя огромными пропеллерами. По этой части я приблизительно мог судить о величине всей машины, которая занимала более чем половину сарая.

В это время вдали послышались скорые шаги. Шел профессор. Я отскочил от стены сарая и спрятался в зелени кипарисов.

Когда профессор вошел в сарай и притворил за собой дверь, я одним прыжком очутился около наблюдательного пункта. Сердце мое усиленно билось. Возможно, что я сейчас окончательно разгадаю тайну белого дома.

Фигура профессора несколько раз появлялась в поле зрения. Было видно, как профессор что-то делал около корабля.

Наконец, по-видимому, окончив работу, профессор вытер лоб платком и, не торопясь, влез на корабль, поместившись недалеко от пропеллера. Раздался знакомый уже мне треск, причем по кораблю пробежали небольшие голубоватые огоньки, звук как бы взрыва... и... корабль вместе с профессором исчез.

Я протер глаза и снова посмотрел в щель. Ни корабля, ни профессора не было.

Тут я не выдержал и, не соблюдая больше мер предосторожности, бросился в сарай. Двери были закрыты наглухо и я с шумом распахнул их.

Сарай был пуст.

Только свежие следы от колес указывали на то, что корабль действительно существовал и несколько минут тому назад был в сарае.

Вместо разгадки еще больше необъяснимого, еще больше непонятного...

Я вышел на двор. Небо было ясно, и, как я ни приглядывался, ничего заметить не мог, ничего, за исключением двух или трех небольших облачков.

Страннее всего, что если бы корабль и улетел, то я все-таки должен бы был слышать звук вращающегося пропеллера, а между тем, с момента взрыва наступила полная тишина, как будто бы ни корабля, ни профессора никогда не существовало.

Я решил дожидаться прибытия корабля. Расширил немного отверстие, наскоро проделанное буравчиком, и спрятался в густой зелени кипарисов.

Сколько я ждал, не знаю. Мне показалось, что очень долго. Кругом царил мертвая тишина, даже собака куда-то исчезла.

Вдруг до моего слуха донесся знакомый треск. Я бросился к отверстию и едва только успел заглянуть в сарай, — раздался глухой взрыв и перед моими глазами появился корабль и профессор, стоявший на палубе недалеко от пропеллеров и готовившийся слезть с корабля по небольшой лестнице, сделанной из белого металла.

Но я ясно помню, что когда я приложил к отверстию глаз, то одно мгновение сарай был пуст и затем, внезапно, появился корабль.

В это время до моего плеча коснулась чья-то рука и сухой надтреснутый голос грубо произнес:

— Я вас спрашиваю, чего вам тут надо? Чего вы тут делаете?..

Я вздрогнул, обернулся и увидел перед собой хромого слугу профессора.

Бульдогообразное лицо старика было искажено злобой и ненавистью. Я не мог оторвать от него взгляда. Вдруг это лицо начало увеличиваться, расплываться... нервы мои не выдержали, я вскрикнул и последнее, что я помню, это верхушки кипарисов, ярко вырисовывавшиеся на синеве неба...

* * *

Очнулся я в незнакомой мне комнате на диване. Кто-то мочил мне голову холодной водой. Во рту чувствовался вкус чего-то острого, напоминающего спирт.

— Кажется, приходит в себя... Перемени-ка компресс, Мартын... — послышался низкий грудной голос.

— Ничего, и так очнется... Не ходи, куда не просят... — раздался в ответ скрипучий ворчливый тенор, в котором я узнал голос странного слуги профессора.

Я открыл глаза.

Чья-то сильная рука приподняла меня слегка с дивана, и я почувствовал около рта стакан. Машинально сделал глоток и тотчас же выплюнул. Коньяк с примесью каких-то

капель ожег мне рот, но зато я сразу пришел в себя.

— Как вы себя чувствуете? — слышался тот же низкий грудной голос.

— Благодарю... Мне лучше... — пробормотал я. — Что со мной?

— Пустяки! Небольшой обморок... Выпейте вот глоток, все пройдет...

Я последовал совету и через пять минут, уже вполне оправившись, сидел на диване.

— Как вы попали к сараю? Что вы там делали? — внезапно изменив обращение, строгим голосом спросил профессор.

Я рассказал все без утайки... о том, как с первых же дней моего пребывания в лазарете я заинтересовался таинственным белым домом, обо всех попытках открыть тайну вплоть до последнего дня, когда голос слуги заставил меня так нелепо упасть в обморок.

Профессор выслушал молча, не перебивая.

— Вы артиллерист? — внезапно спросил он, когда я окончил свой рассказ.

Я отвечал утвердительно.

— А знакомы вам взрывчатые вещества? Устройство ручных гранат? Аэропланные бомбы?..

— Конечно, я над этим специально работал.

Профессор задумался.

— Ну, хорошо, — сказал он наконец. — Если уж случай дал вам возможность проникнуть в мою тайну, то — что делать?.. Приходите ко мне, мы с вами побеседуем... Часть тайны вы уже знаете, а узнать остальное зависит от вас... Только одно условие: никому ни одного слова. Полная тайна до тех пор, пока я не разрешу вам говорить... Теперь пойдите отдохните, а завтра я буду вас ждать...

На следующий день, на целый час раньше назначенного времени, я был уже у профессора.

Профессор принял меня спокойно, с достоинством, ничем не намекая о случившемся накануне, когда я, уподобясь сыщику или вору, подсматривал за ним.

Это был высокого роста старик с гладкими, на этот раз зачесанными назад волосами, с крупными энергичными чертами лица. Большой лоб, свидетельствующий о недюжинном уме, красивые, черные, еще полные жизни глаза, особая манера держаться с достоинством, — все это ничем не напоминало безумца или маньяка и всецело говорило в пользу профессора, заставляя невольно относиться к нему с уважением.

Эта разница между тем профессором, который сидел против меня и тем, которого я встретил в горах, растрепанного, с блуждающими глазами, никого и ничего не замечавшего, была настолько резка, что я невольно усомнился в тождестве этих двух лиц.

Профессор заметил мой недоумевающий и удивленный взгляд и, улыбнувшись, спросил:

— Вы, вероятно, сопоставляете нашу встречу в горах (другие встречи профессор, очевидно, не замечал) с настоящим?

Я невольно покраснел.

— Не удивляйтесь! Когда вы меня встретили, это был период, во время которого я делал последние шаги в области тех открытий, результаты которых вы отчасти видели... Естественно, что в те минуты я ни о чем другом думать не мог... Ну, а ваше решение отгадать мою тайну не прошло еще?

— О нет! — живо отозвался я. — То что я уже узнал и чего вы не отрицаете, настолько заинтересовало меня, что я готов отдать полжизни, лишь бы узнать все остальное.

— Я отдал за это всю свою жизнь... — задумчиво сказал профессор. — Когда-нибудь, со временем, может быть, вы узнаете все... даже больше, чем предполагаете... а теперь скажите мне, слышали вы что-нибудь о четвертом измерении?

— Конечно, — отозвался я.

— А какого вы мнения?.. Что вы думаете об области этого измерения?..

— Я думаю, — ответил я, — что четвертое измерение — это фантазия, фантазия предположений, не имеющая под собой твердой почвы... Насколько мне известно, нет никаких серьезных данных, подтверждающих существование это-

го измерения...

— Неправда, — снисходительно улыбнулся профессор. — Сразу видно, что вы никогда не вникали в сущность вопроса... Прежде всего, если бы существование четвертого измерения было бы столь неправдоподобным, им не занимались бы такие умы, как Цельнер, Гаус, Гельмгольц, Риман, эти корифеи математической науки... Наш гениальный Лобачевский, великий Кант и другие... Вспомните их работы в области, родственной с учением о четвертом измерении... Я уже не говорю о трудах по этому вопросу ученых последних дней... Такой солидный научный американский журнал, как «Scientific American», предложил даже в 1909 году премию в тысячу долларов за лучшее сочинение о четвертом измерении.. Из всего этого видно, что вопрос о четвертом измерении не так уж фантастичен... Есть даже реальные доказательства. Возьмите, например, ясновидение... Чем вы объясните, что человек мысленно переносится за сотни и тысячи верст, как будто для него не существует пространства. Он все видит, слышит, понимает... Чем вы это объясните?.. Да, ясно! Он перешагнул границы мира трех измерений, и то, что для вас кажется чудом, для него так просто, естественно... Правда, он переносится в область четвертого измерения бессознательно, под влиянием того или другого обстоятельства, независимо от своей воли, но важен сам факт, факт, удостоверяющий существование четвертого измерения, указывающий на то, что это измерение где-то есть... А раз есть, значит, его надо искать, значит, его можно найти...

На этом оборвалась наша беседа. В следующий раз, едва только я вошел в комнату, профессор первым начал разговор о себе.

— Вас интересуют мои работы? Ну, а если бы я производил изыскания в области четвертого измерения, вам бы это показалось нелепым? Не правда ли?

— Нисколько... — неуверенно ответил я. — Наука может преподносить такие сюрпризы... То, что вчера казалось явно абсурдным, сегодня истина...

— Вот, вот, — обрадовался профессор. — Именно... Если несколько сотен лет тому назад вам сказали бы, что вы будете переговариваться с вашими знакомыми, находящимися на расстоянии многих верст, вы поверили бы?.. Или за несколько десятков лет до настоящего момента вы поверили бы в возможность телеграфа без проводов?.. Ведь нет?..

Я согласился.

— Да и что такое четвертое измерение? — продолжал, оживляясь, профессор. — Представьте себе следующее. Наш мир и все живущее в нем измеряется тремя мерами: длиной, шириной и высотой... Теперь вообразите, что в наш мир трех измерений каким-либо образом перенесся бы клочок другого мира двух измерений. Жители этого мира не были бы в состоянии представить себе третье измерение, и все, что граничило бы с этим, казалось бы им чудом. Их здания состояли бы, очевидно, из одних линий, нанесенных на плоскости, так как ни верха, ни низа для жителей мира двух измерений не существовало бы. Представьте, вы бы явились в такой мир. Для того, чтобы войти в дом, вы свободно перешагнули бы через линию стены... Это так просто, а обитателям казалось бы, что вы проникли сквозь стены. Немного приподняв голову, вы бы увидели все, что делается в домах, так как верха, а следовательно крыш, в домах не существовало бы. Опять впечатление, что вы видите сквозь стены...

— Действительно... Это так, — подтвердил я.

— Теперь представьте себе, что вы бы взяли и осторожно приподняли кого-либо из жителей этого мира: каков был бы эффект?.. Его впечатления обсуждали бы ученые, печатали бы газеты, о них говорили бы всюду и в конце концов решили бы, что этого не могло быть, это показалось, плод расстроенного воображения и т. п., чем всегда объясняют ученые непонятное для них. Вы спросите, а почему кому-нибудь из жителей мира двух измерений не попытаться приподнять немного голову и этим небольшим, чисто механическим актом не очутиться сразу в области трех измерений? Ведь кажется, так просто!.. Слегка приподнялся и только... Да просто потому, что это слишком просто!.. По-

нимаєте?.. Вот так же и область четырех измерений. Мы знаем, что такая область существует, что есть люди, переносющиеся в эту область, например ясновидящие, факиры, а попытки перенестись туда самим называем бессмысленностью... Где же тут логика?..

Профессор замолчал. Я, подавленный простотой доказательств профессора, не знал, что возразить. Так прошло минут пять.

— Вы артиллерист? — внезапно обратился ко мне профессор каким-то особенным голосом, забывая, что этот вопрос он мне уже задавал раньше.

— Да, артиллерист.

— Вам знакомы взрывчатые вещества, ручные гранаты, бомбы?..

— Это моя специальность. Я долго работал на заводе... еще до войны...

— Отлично, отлично!.. — перебил профессор. — Знаете, что я вам предложу?.. Хотите быть моим сотрудником? Мне нужен человек, хорошо знающий взрывчатые вещества... Слушайте... Я посвящу вас в мои работы... Вот уже много лет я работаю над разрешением проблемы четвертого измерения... Путем ряда опытов я пришел к тому заключению, что для перемещения какого-либо тела в область четвертого измерения достаточно чисто механического толчка, но этот толчок должен быть дан не только телу, но и каждому атому его. Вы знаете, что каждое тело состоит из мельчайших атомов, от быстроты вращения которых, между прочим, зависит твердость тела. Некоторые насильственные изменения во вращении этих атомов и приводят к тому, что тело переносится в мир четырех измерений. Надо было только найти этот механический способ, этот толчок, равномерный для всех атомов предмета, и я нашел этот способ.

Я весь обратился в слух.

— Путем долгих размышлений я пришел к выводу, что единственная сила, могущая дать желаемый толчок, это электричество. И вот, после шестнадцати лет упорных трудов в этой области, мне удалось наконец найти. Это был великий день моей жизни... Вы, помните, мне говорили, что

как-то случайно, заинтересовавшись шумом в сарае, вы подошли к нему и сквозь щель увидели очертания какого-то не то воздушного корабля, не то подводной лодки, которая внезапно исчезла из ваших глаз. Я вам до сих пор ничего положительного не сказал об этом... На самом же деле вы правы, вы действительно видели воздушный корабль моей конструкции, который я мгновенно, одним нажатием кнопки, перенес в область четырех измерений и сделал его невидимым для глаз обыкновенного смертного... Впрочем... лучше пойдемте, я покажу вам все... но только прежде еще раз дайте мне честное слово, что вы никому не откроете моего секрета до тех пор, пока я не разрешу вам сделать это.

Крайне заинтересованный словами профессора, я не задумываясь дал требуемое слово и, сгорая от любопытства, последовал за профессором в сарай.

В сарае ничего не было, кроме знакомой уже мне электрической машины.

— Где же корабль? — невольно вырвалось у меня.

— Он здесь, перед вами... посредине сарая... но вы его не только не видите, но можете проходить сквозь него, совершенно не замечая его существования, так как он в области четвертого измерения.

— Но каким же образом вы его переводите в наш мир?..

— Видите эту машину, стоящую в углу? Над ней я работал долгих шестнадцать лет. Это результат всей моей жизни. Ток этой машины заставляет атомы предмета, сквозь который пропущен ток, изменить свое движение и предмет почти мгновенно переносится в область четвертого измерения. Вот глядите, я поворачиваю кнопку...

Сердце мое усиленно забилося...

Внезапно послышался треск, голубоватые искры забегали по сараю. Сильный звук, похожий на взрыв, и перед моими глазами, вдруг, как бы мановением волшебного жезла, очутился громадный корабль, напоминающий своим видом скорее подводную лодку, чем воздухоплавательный аппарат.

Я не мог произнести ни слова.

— Но откуда... он взялся?.. — наконец нашел в себе силы спросить я.

— Из области четвертого измерения... — спокойно улыбаясь, ответил профессор. — Вы поражены? Не правда ли?.. Вот так же был бы поражен и обитатель мира двух измерений, если бы его приподняли с земли... Теперь слушайте главное: видите, я люблю родину так, как должен любить ее каждый русский, и, видя ее истекающей кровью под ударами жестокого Вильгельма, я с первых же дней войны решил все свои силы приложить для изобретения чего-нибудь такого, что бы дало перевес на нашу сторону и тем заставило бы зарвавшихся немцев быстрее заключить с нами мир. И вот, делая изыскания в области четвертого измерения, я, когда увидел, что моя работа приходит к благоприятному концу, стал думать, как бы применить добытые мною данные к войне, и в один прекрасный день у меня блеснула мысль построить воздушный корабль, который, будучи перенесенным за грани мира трех измерений, делался бы невидимым для глаз людей.

Я слушал, пораженный.

— Развивая далее эту мысль, мне пришло в голову изобрести такие бомбы, которые, будучи брошенными с невидимого корабля, под влиянием тех или других обстоятельств самостоятельно переходили бы в мир трех измерений и при этом взрывались. Видите вот эту бомбу, — продолжал профессор, доставая с корабля небольшой снаряд весом немногим более полупуда, — она начинена особым веществом, изобретенным мною. Действие этого вещества ужасно... Впрочем, вы сами могли убедиться в этом, рассматривая следы взрыва таких бомб на скалах, как вы рассказывали...

— И недоумевал, — dokonчил я, — так как такого действия снарядов я не мог себе представить.

— Теперь видите вы эту герметически закрытую крышку? Если вы ее отвинтите, то кислород воздуха, проникая сквозь отверстия, действует на состав, находящийся внутри бомбы в особом аппарате, возбуждая ток, подобный тому, какой получается от работы вот этой машины в углу;

атомы бомбы изменяют свое вращательное движение, и бомба, под действием тока, в момент взрыва переходит в наш мир... Для материализации ее действуют, следовательно, два начала: ток изменяет вращательное движение атомов, и взрыв, дающий телу окончательный толчок... Вам понятно действие этих бомб?..

— Да, конечно!.. Ну, а какая роль корабля на фронте?..

— Громадная! — ответил профессор. — Помимо разведывательной службы, корабль будет выполнять чисто боевые задачи. Находясь в области четырех измерений, аппарат свободно может проходить сквозь стены зданий, так как препятствий для него не существует, и разбрасывать бомбы внутри зданий. Взрывы всевозможных складов, взрывы поездов, паровозов, мостов, порча путей сообщений, — вот главные задачи корабля, и, я думаю, что две-три таких машины на фронте могли бы быстро решить судьбу кампании...

Зная теперь приблизительно все, я спрошу вас, желаете ли вы быть моим помощником, помощником здесь в гараже и лаборатории и помощником на фронте, где мы с вами, в течение какого-нибудь месяца, вызовем такую панику у врагов, что они принуждены будут просить мира на каких бы то ни было условиях?

— Конечно, конечно! — с восторгом согласился я. — Располагайте мной, как хотите!.. Я весь ваш!..

— Видите, мне давно необходим интеллигентный помощник, обладающий кое-какими знаниями. До настоящего времени, погруженный в свои опыты, я положительно не имел времени ни искать, ни выбирать... Случай натолкнул вас на меня... Пусть же так и будет...

— Какую же роль предназначите вы мне теперь?.. Что я буду делать?..

— Вам я поручу работу в сфере, более или менее вам знакомой. Пока вы будете готовить бомбы, первое время, конечно, под моим наблюдением. Я вам дам рецепт взрывчатого вещества, оболочки, покажу способ набивки. Работа чисто механическая... Когда вы усвоите и начнете работать самостоятельно, я займусь устранением главного и очень

важного дефекта моего аппарата. Видите, я от вас не скрываю ничего... Дефект этот состоит в том, что, будучи перенесенным в область четвертого измерения, корабль со всеми и всем находящимся на нем может вернуться в наш мир только при помощи вот этой машины, стоящей в углу.

— Но почему же вам не взять машину с собой на корабль? — поинтересовался я.

— А, видите, перенесенный в мир четырех измерений, ток, вырабатываемый машиной, изменяется и не производит желаемого действия на атомы. Я теперь и хочу изобрести какой-нибудь способ, который бы избавил меня от необходимости... от зависимости каждый раз прибегать к аппарату, находящемуся в другом месте. Короче, я хочу найти возможность материализоваться там, где мне захочется и когда я этого пожелаю. Без этого корабль не будет совершенен, да и кроме того, будет зависеть от ряда случайностей. Представьте, пожар или какая-либо порча машины...

Я невольно задрожал.

— Ну, а разве нельзя сделать несколько таких машин?.. В случае порчи одной, другая могла бы заменить ее.

— Возможно, но для этого надо время... Я употребил четырнадцать лет для того, чтобы добыть то количество вещества, из которого сделана главная пластинка — коллектор машины... Ждать столько времени я не могу, так как война требует моего вмешательства... Подумайте, столько жертв стоит каждый день войны, каждый день, отсроченный нами для выполнения задачи, возложенной на нас судьбой...

Прошло несколько дней.

Мало-помалу профессор посвятил меня в детали своего изобретения, так что в конце концов я узнал устройство корабля не хуже самого профессора, за исключением, правда, способа переносить машину в область четвертого измерения.

Эту тайну профессор Манутин ревниво берег и, как я ни старался навести его на разговор об этом предмете, иногда, сознаюсь, даже слишком настойчиво, Манутин ни разу

не проговорился. Один раз, когда я был слишком уж настойчив, профессор просто сказал:

— Приняв вас в свои сотрудники и открыв вам свою тайну, я тем самым связал свою судьбу с вашей и, если я вам не открываю это последнее звено в цепи, то поверьте, не потому, что я не доверяю вам... нет... А просто я дал себе клятву до конца войны никому, положительно никому не открывать то, что могло бы дать так много шансов на победу в руки врагов, если бы они узнали мою тайну... Время, когда процветали Мясоедовы, Штюрмеры, Сухомлиновы и другие при прежнем, слава Богу, канувшем в Лету, самодержавном строе, слишком еще близко... Я знал в Ялте, — продолжал профессор, — одного ученого, открывшего способ отклонять траекторию летящего снаряда путем создания особого электрического магнитного поля. Ученый подал заявление с приложением объяснения и чертежей лично бывшему военному министру Сухомлинову — и что же?.. Через семь или восемь месяцев он прочитал в русском журнале подробное описание своего изобретения с примечанием, что это новое изобретение немцев, которое случайно удалось перехватить французам при наступлении союзных армий... Вот поэтому я и решил никому, положительно никому, не доверять секрета своего изобретения... по пословице, — улыбаясь, закончил Манутин, — старой, избитой, но правдивой пословице: «Если знают двое, то это уж не тайна»... А вот что, — переменял он тему разговора, — не хотите ли завтра сделать со мной пробный полет... в область четвертого измерения?

Я отвечал утвердительно, хотя сердце у меня забилося сильнее и на лбу выступил холодный пот.

До этой минуты я как-то не представлял себе, что мне придется совершить полет в эту таинственную область, уйти из этого мира... в какой-то другой, неведомый... пережить смерть, будучи живым...

Я задрожал.

— Да вы не бойтесь! Это вовсе не так страшно! — сказал профессор, заметив мое волнение. — Ведь я же совершил несколько полетов и, как видите, жив и здоров.

Это меня несколько успокоило, хотя в лазарете я всю ночь не мог уснуть. Мне мерещились какие-то тени, видения, чудовища, ужасы...

Полет был назначен утром и, едва только взошло солнце, как я, нисколько не отдохнув после бессонной ночи, направился к белому дому.

По дороге, независимо от моей воли, я все время замедлял шаги, стараясь оттянуть минуту перехода в другой мир.

Когда я постучался, профессор был уже готов, и мы тотчас же направились к сараю, захватив с собой какие-то странные инструменты, часть которых профессор заставил меня нести.

Собака встретила нас веселым лаем, который как похоронный звон отозвался в моей душе и напомнил мне, что через несколько минут я буду где-то далеко, в неизвестности..

Утро было великолепное. Мир казался таким прекрасным. Я с грустью взглянул последний раз на небо, на горы, на группу кипарисов и решительно перешагнул порог сарая, плотно притворив за собой дверь.

Корабль величественно возвышался посредине сарая и профессор возился около, прилаживая на корме принесенные с собой предметы. Окончив свою работу, профессор взял у меня ящик, который я нес и, вынув из него какой-то инструмент, показал его мне. Инструмент имел форму усеченного конуса, внутри которого был виден небольшой величины круглый диск, слегка флуоресцирующий, из странного голубоватого металла.

— Видите этот голубой диск? — обратился ко мне профессор. — Это коллектор, собирающий и перерабатывающий токи машины, которая стоит в углу. Для получения куска металла, из которого сделан этот коллектор, мне пришлось работать четырнадцать лет. Это душа нашего корабля... душа, которая поможет нам перешагнуть через границу, отделяющую наш мир от другого, до сих пор неизвестного нам, мира четырех измерений...

Говоря так, Манутин быстро прикрепил коллектор к машине и взошел на корабль, предлагая мне следовать за ним.

— Видите этот голубоватый диск? — обратился ко мне профессор. — Это душа моего корабля...

Волей-неволей пришлось и мне последовать его примеру, хотя, сознаюсь, несколько раз у меня мелькала мысль бросить все и уйти в свой лазарет... но самолюбие побороло и я остался.

— Ну-с, все готово, — заявил профессор, когда я взобрался на площадку корабля.

Я со страхом посмотрел на маленькую машину, ища провод, соединявший ее с кораблем, эту последнюю нить, связывающую нас с жизнью в этом мире, но как я ни приглядывался, провода не было.

Я спросил Манутина.

— Вы задаете нелогичные вопросы, мой друг, — ответил тот. — Если бы мы переносились в другой мир и возвращались в наш посредством провода, то туда бы мы еще могли перенестись, но оттуда?.. Каким образом вы бы нематериальный конец провода с корабля соединили бы с материальным от машины? Это было бы совершенно невозможно... Вы видите вот здесь, около пропеллера, небольшую

машину? Она добывает электрический переменный ток, который, как в беспроводном телеграфе, действует на приемник в машине, возбуждая в свою очередь ток в аппарате. Коллектор собирает ток, перерабатывает... Боковой приемник корабля принимает новый ток и... когда я нажму вот эту кнопку... вот так...

Мгновенно в глазах моих потемнело, кровь прилила к вискам... Где-то, как будто вдали, я услышал заглушенный шум взрыва... Красные круги заходили предо мной... Я чувствовал, что лечу в пропасть... какие-то темные лапы тянут меня вниз, стараются удержать, но огромным усилием воли я вырываюсь... Затем ощущение легкости, какой-то особенной легкости, как будто тела моего не существовало и чувство радости... бессознательное чувство радости человека, сбросившего со своих плеч тяжесть материального тела, которую он носил столько лет...

Мрак заменился мягким ровным светом, успокаивающе действовавшим на нервы... Возбуждение первого момента прошло. Меня охватило чувство блаженного покоя. Земная жизнь, с ее мелочами и тревожностями, осталась где-то далеко позади, казалось чужой, далекой...

Я понемногу стал приходить в себя.

Кругом, как будто подернутые легким туманом, виднелись стены сарая, но странно — стены были прозрачны: я ясно видел сквозь них... Вот группа кипарисов, дача профессора... далее — знакомые скалы, из-за которых ярким пятном вырисовывалась, вся облитая лучами восходящего солнца, красная крыша нашего лазарета.

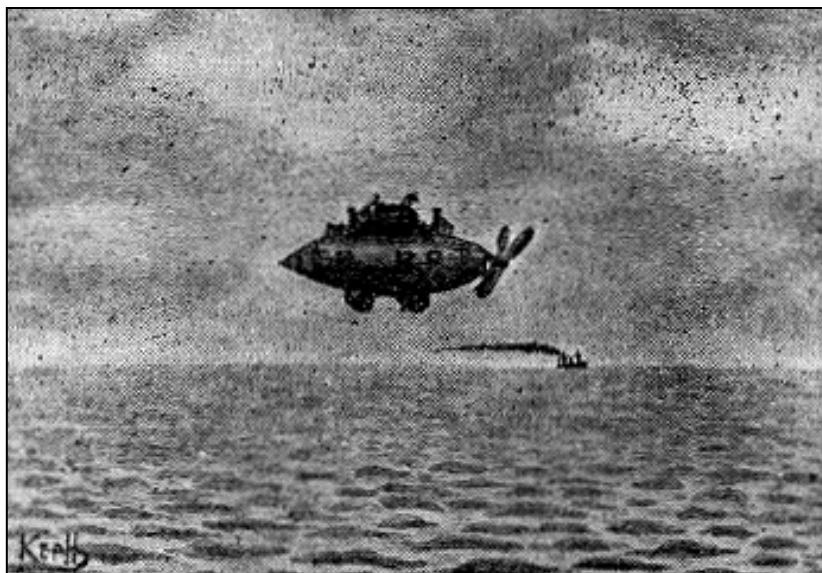
Я с грустью подумал о своей комнате, стараясь представить ее, и... вдруг увидел... ясно, отчетливо увидел свою комнату... Вот сбоку, неприбранная еще после ночи, кровать, умывальник, письменный стол, на котором лежит недописанное письмо, начатое еще третьего дня.

Странное ощущение. Я чувствовал, что нахожусь на корабле, видел его, и в то же время видел свою комнату в лазарете... Эта двойственность впечатления была так необычайна...

— Мы двигаемся, — перебил мои мысли или, вернее, переживания профессор. — Смотрите!..

Бесшумно, как тень, корабль двинулся с места, прошел сквозь стену сарая и направился в самую гущу кипарисов. Я инстинктивно зажмурился, ожидая толчка, но ничего... Корабль прошел сквозь кипарисы, которые даже не шелохнулись, и стал медленно подниматься кверху.

Ощущения полета трудно передать... Чувство какой-то обособленности, независимости, неведомости... Я смотрел на землю и она казалась мне чужой, далекой... И чем дольше продолжался полет, тем связь с землей становилась все меньше... тем больше я начинал чувствовать себя обитателем совершенно другого, ничем не связанного с землей мира.

...Далее простиралось открытое море...

Профессор молча управлял кораблем, направляя его в разные стороны. Быстрота полета была изумительная. В несколько минут мы пролетели, по моим расчетам, более

ста верст, сделав громадный круг.

Внизу, как в калейдоскопе, мелькнули Гурзуф, Ялта, Алупка... Вот форты Севастополя, далее гладкая равнина моря...

Профессор нажал на руль. Машина плавно повернула и бесшумно понеслась обратно, опускаясь все ниже и ниже...

Перед нами гряда скал. Корабль проходит сквозь скалы, не замедляя хода, проносится мимо лазарета, минует белый дом и опускается в сарай.

Легкий треск электрического разряда, взрыв, ощущение головокружения, близкое к потере сознания, и я снова на земле...

Пораженный всем пережитым, я без движения стоял на палубе корабля, пока голос профессора не заставил меня очнуться:

— Слезайте! Для вас есть работа.

Я послушно сошел на пол сарая.

— Видите, вон в углу сарая стоит ящик. Его только вчера привезли. Это пустые оболочки двадцати бомб. Вы должны завтра к вечеру их набить. Взрывчатое вещество, с действием которого вы уже знакомы, возьмете у меня в кабинете. Там его достаточное количество...

— А аппарат, возбуждающий ток и производящий взрыв?

— Это все я сделаю сам... — ответил профессор. — Вы только набейте оболочки... Но завтра к вечеру обязательно все должно быть готово, так как послезавтра мы с вами совершим первую боевую экспедицию на турецкий фронт. Я уже наметил ряд пунктов, где мы произведем взрывы, а теперь за работу.

К вечеру одиннадцать бомб были закончены. Профессор лично ввинтил в каждую бомбу по небольшой металлической коробке, герметически закрытой посредством навинтованной крышки из того же белого металла.

— Для того, чтобы произвести взрыв, — сказал, между прочим, профессор, помогая мне перетаскивать вполне уже готовые бомбы на палубу корабля, — достаточно только слегка отвинтить эту крышку, чтобы туда проник воздух.

Я покосился на крышку бомбы, которую нес...

На следующий день... О, этот следующий день!.. Пока жив, никогда я его не забуду, так отчетливо и резко он врезался в мою память...

С утра я занялся набивкой бомб и, когда уже заканчивал работу, вошел профессор, неся с собой несколько аппаратов, которые он ввинчивал в бомбы для производства взрывов. На пороге профессор споткнулся, один аппарат вырвался из его рук, с треском ударился о металлический стержень, лежащий на полу, и покатился к моим ногам.

— Какая досада!.. — воскликнул профессор. — Если коробка попортилась, ее нечем заменить, так как больше готовых аппаратов у меня в данное время нет...

Я поднял аппарат и передал профессору. Коробка была цела, только трубка немного погнулась.

— Как жаль, что нечем заменить, — вздохнул Манутин. — Ну, да нечего делать, давайте приделаем эту машинку к бомбе... Авось сойдет...

Мы провозились минут сорок, так как согнутая трубка не хотела входить в отверстие, прорезанное для этой цели в бомбе, и только после нескольких ударов молотка, сделанных профессором, встала на свое место.

— Ну! вы теперь идите домой, — сказал профессор, когда мы окончили возиться с бомбой, — а я, пока еще не совсем стемнело, сделаю небольшой полет, последний перед экспедицией... а завтра в путь...

И, пожав мне руку, профессор начал взбираться на корабль.

— Плотнее закрывайте дверь... — крикнул он мне вслед, когда я выходил из сарая.

Это были последние слова профессора Манутина, которые я от него слышал.

Едва только я вышел из ограды, за которой помещался сарай, послышался треск, глухой взрыв и все замолкло.

— Счастливого пути и скорого возвращения, — не удержался я, махая рукой невидимому профессору.

Но тут сердце мое внезапно сжалось, что-то подкатило к горлу, и я вдруг почувствовал, что профессора я больше уже никогда не увижу...

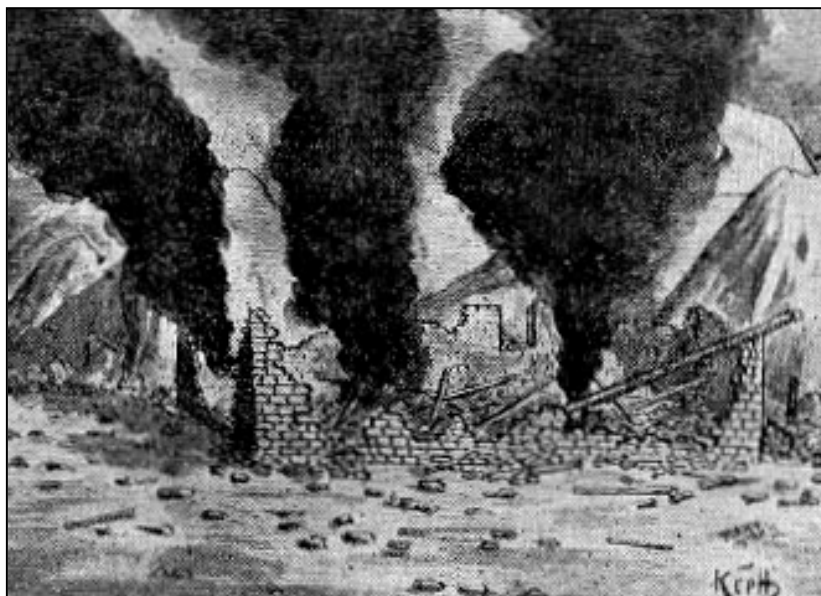
— Ну, что может случиться?.. — успокаивал я себя и, поборов охватившее предчувствие, закурил папиросу и быстрыми шагами направился к лазарету.

Пройдя больше половины расстояния, я оглянулся и в этот момент увидел громадный столб огня и черного дыма над сараем таинственного дома.

Еще момент, оглушительный гром взрыва и вихрь свалили меня с ног...

Когда я пришел в себя, первым моим побуждением было броситься к дому профессора.

Но ни дома, ни сарая не было...

...Ни дома, ни сарая не было...

На поляне, где возвышался когда-то таинственный белый дом, было гладкое ровное место...

Чудовищная сила взрыва уничтожила все, не оставив ни малейшего следа. Таинственный белый дом не существовал больше, и с ним погибла тайна величайшего изобре-

тения, тайна, которая сделала бы переворот в науке и доставила бы нам легкую и быструю победу над нападающим на нас врагом...

Где теперь профессор?.. Часто я задаю себе этот вопрос, и глубокая уверенность живет во мне, что великое открытие не пропало, что профессор в конце концов найдет способ вернуться в этот мир, и я снова увижу его.

И я жду этого момента, глубоко уверенный, что когда-нибудь он наступит...

* * *

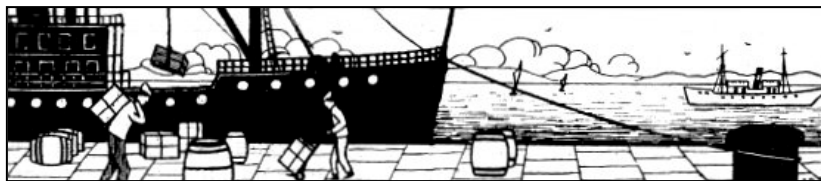
Спустя две недели я узнал из газет, что на турецком фронте в один день в разных местах наблюдались одиннадцать грандиозных взрывов, уничтоживших некоторые важные сооружения в ближайшем тылу противника.

Одиннадцать... По числу бомб, сооруженных мной и находившихся на корабле в момент отправления профессора в его последнее путешествие...

Только я один в целом мире з н а л причину этих взрывов...

ИНДУС

Повесть

I

Вступление

То, что я хочу здесь рассказать, до того странно и необычайно, что я никогда не решился бы напечатать эти мои заметки, если бы не свидетельство сэра Артура Невилля, в словах которого никто не может усомниться.

Он живет в Лондоне на Беккер-стрит и всегда может подтвердить изложенное здесь.

Само собой разумеется, я изменил имена, так как семья distinguished профессора Перкинса до сих пор жива и младшая дочь его недавно вышла замуж за известного спортсмена Генри Стройта, которому была бы неприятна вся эта история, тем более что он, как истый англичанин, от всей души презирует все, что нельзя назвать английским... а тем более индусов, не считая их даже за людей... И если огласить эту историю, то он, пожалуй, готов бы был развестись со своей женой, хотя, насколько мне известно, они живут очень дружно и он ее сильно любит.

Постараюсь не пропустить ни одной мелочи, в достоверности которых ручаемся как я, так и уважаемый Артур Невилль, а его слово уж во всяком случае имеет цену, тем более что, в сущности говоря, в природе много еще неразгаданного и туманного, до которого ум человеческий только еще пытается дойти.

II

Встреча с индусом

Итак, постараюсь припомнить все по возможности лучше.

В одно солнечное весеннее утро я сидел у себя в столовой за стаканом кофе, перелистывая газету, когда горничная подала мне на подносе пакет с казенным штемпелем.

В коротких официальных выражениях министр предлагал мне немедленно ехать в Индию вместе с сэром Артуром Невиллем для исследования флоры полуострова, причем нам предлагалось сделать попытки акклиматизации некоторых полезных растений в Европе, предварительно изучив их культуру на месте.

В денежном отношении командировка была очень выгодна, к Лондону меня ничто не привязывало, так как я был в то время холост и одинок, и я не задумываясь согласился, тем более, что общество сэра Невилля, кроме удовольствия, ничего не могло доставить.

Наскоро допив кофе, я взял шляпу и отправился сначала к сэру Артуру Невиллю, а затем с ним в министерство, где мы и получили подробные инструкции и деньги.

Помню, мы еще немного поспорили с Невиллем из-за того, какие вещи нам были необходимы.

Я настаивал, чтобы все инструменты и вообще необходимые нам вещи приобрести в Лондоне, Невилль же советовал брать только самое необходимое, говоря, что в Индии мы достанем все и та разница в цене, которую нам придется переплачивать, не окупит всех хлопот и возни, сопряженных с покупкой, упаковкой и перевозкой вещей.

В конце концов, ко взаимному удовольствию, решили кое-что купить в Лондоне, кое-какие покупки отложить до приезда на место назначения.

Зайдя по дороге в контору, мы узнали, что пароход отходит из Гавра через три дня.

Это был великолепный океанский гигант «Виктория», на котором мы и решили ехать, тем более что следующий пароход одного типа с «Викторией» отправлялся только через десять дней.

Наскоро устроив свои дела, мы к концу третьего дня были в Гавре, где тотчас же заняли отдельную каюту первого класса.

До отправления оставалось часов семь, так как пароход отходил только ночью, и мы использовали время, блуждая по Гавру, этому величайшему порту мира.

Тысячи судов всех национальностей, целый лес мачт, запах просмоленных канатов, разношерстная толпа, говорящая на всевозможных наречиях, — все это после Лондона, хотя и шумного, но все-таки прилизанного европейского города, давало массу новых впечатлений и мы без усталости бродили по набережной, наблюдая, восхищаясь и с наслаждением вдыхая свежий морской воздух.

Внезапно, на повороте одной из улиц, нам навстречу показался индус, невольно заставивший обратить на себя внимание. Одет он был в восточный костюм с тюрбаном на голове. Ничем особенным он не отличался, казалось бы, от сотен других индусов, переполнявших город, если бы не вид особенной величавости, скрытой мысли, силы, достоинства, что проявлялось в каждом его жесте, в каждом движении, особенно же во взгляде его черных глаз, которые сверкали, как раскаленные угли, под густыми седыми бровями.

Сэр Артур даже остановился:

— Вот библейская фигура!.. Такого величественного старца мне никогда не приходилось видеть, — сказал он, поправляя на носу золотое пенсне. — Наверное, какая-нибудь важная особа индусского мира... Посмотрите, с каким уважением его встречают индусы.

И действительно, встречные индусы провожали старца низкими поклонами, касаясь рукой земли с выражением особенного почтения и страха.

Индус скрылся за поворотом улицы и через минуту мы забыли о нем, заинтересовавшись подходящим судном.

— Вот библейская фигура!.. — сказал сэр Невиль...

К вечеру, нагуляв хороший аппетит и такую же усталость, мы вернулись на корабль и первое, что нам бросилось в глаза, это знакомая величественная фигура индуса, который стоял, облокотившись о борт, и задумчиво смотрел в даль. Казалось, он никого и ничего не видел.

— Посмотрите, наш патриарх!.. — заметил сэр Артур, немного приостанавливаясь. — Кажется, он едет с нами... Ну, надеюсь, это не отобьет у вас аппетит?..

— Наоборот! скорее возбудит, — ответил я в тон Невиллю, — в доказательство чего пойдем обедать!

Но за обедом, хотя и съеденном нами с аппетитом, разговор все время вертелся около индуса, заинтересовавшего

нас той особой манерой, полной достоинства, с которой он держался.

Едва только мы успели выпить послеобеденную чашку кофе, как беготня наверху, крики и дрожание судна показали, что мы отчаливаем.

Мы вышли наверх. Индус стоял на прежнем месте. Его высокая белая фигура ярко обрисовывалась на фоне сумерек и была полна какой-то таинственности.

Незаметно для себя, с уважением обойдя индуса подальше, чтобы не задеть его и не помешать размышлениям, мы прошли мимо и смешались с толпой пассажиров.

Последний свисток. Пароход, пеня воду мощными винтами, грузно, как бы нехотя, оторвался от пристани, вызывающей его с землей и, постепенно ускоряя ход, устремился вдаль, оставляя за собой Гавр, залитый миллионами огоньков бесчисленных фонарей на судах и на берегу. Огоньки становились все меньше и меньше, пока не слились с темнотой наступившей ночи.

Пароход вышел в открытое море.

Возвращаясь в каюту, мы индуса уже не встретили.

III

Профессор Перкинс

На следующий день за обедом мы были приятно удивлены, встретив нашего общего знакомого профессора Перкинса, живого подвижного старика лет шестидесяти, пользовавшегося общей любовью за свой открытый, веселый характер.

Проведя почти всю свою жизнь в путешествиях, исследованиях и изысканиях, он, несмотря на свои годы, был еще очень крепок. Во время частых странствований ему не раз приходилось бороться с врагами и со стихиями, благодаря чему профессор был отличный стрелок, великолепный пловец, мог без отдыха провести сутки верхом. Таким мы его,

по крайней мере, знали, хотя в последнее время он жаловался, что годы дают все-таки себя чувствовать и что силы и здоровье уже не те.

Несмотря на все это, профессор выглядел еще вполне молодцом и ехал вместе с нами в Индию для каких-то изысканий, заинтересовавшись в последнее время оккультными науками.

— Индия, — говорил он, — это единственная страна, где оккультные науки стоят высоко. В Египте мы находили только памятники, напоминающие о прежнем величии страны, о высоком умственном развитии жрецов, об их таинственной науке, граничащей с божественностью... Индусы восприняли от египтян эту тайную науку, сохранили, разработали, и всю добытую веками мудрость держат в тайне от чужих взоров, сосредоточив в руках нескольких избранных и отмеченных природой людей. Посмотрите, какими знаниями обладают даже низшие факиры, я не говорю уже о высших. В их руках сосредоточилась вся мудрость мира... Представители нашей европейской науки, в большинстве случаев засушенные педанты, отрицают все то, чего не могут понять... Разработка всевозможных таинственных явлений, которые они называют или фантазией, или плодом больного воображения, дала бы массу ценных вкладов в науку... Но они умышленно закрывают глаза и идут не тем путем, по которому бы им следовало идти, предпочитая дорогу, правда, более легкую, но такую, которая никогда их не приведет к цели...

Говоря все это, профессор горячился и волновался, как будто вопрос касался главным образом его самого и он был виновником недалекости всех ученых Европы.

Таинственный индус, о котором мы рассказали профессору при первой же встрече, сильно заинтересовал его и профессор делал неоднократные попытки познакомиться с факиром, но индус каждый раз, хотя и вежливо, но сухо и холодно отклонял такие попытки, так что к вечеру пятнадцатого дня сближение профессора с индусом не подвинулось ни на шаг.

Всегда замкнутый, холодно вежливый, он с таким достоинством и тактом избегал разговоров и сближения с пассажирами, что сердиться на него не было возможности. Глядя на величественную фигуру индуса, чувствовалось, что этот человек неизмеримо выше каждого из присутствующих, что в нем есть искра того, чего нет в других.

Пассажиры чувствовали, по-видимому, то же самое и после ряда бесплодных попыток сблизиться с индусом оставили его в покое, продолжая относиться к нему с полным уважением, и даже за глаза не отзывались о нем хоть сколько-нибудь легкомысленно.

IV

На судне

На шестнадцатый день благополучного плавания, спасаясь от жары, мы сидели в каюте за бокалами лимонада со льдом и лениво вспоминали общих знакомых в Лондоне.

Сюртуки наши лежали вместе рядом и мы, несмотря на легкость одежды, поминутно обтирали лица полотенцами, смоченными в одеколоне, чтобы хоть немного освежить себя. Было нестерпимо жарко. Воздух, тяжелый и раскаленный, миллионами горячих иголок впивался в поры кожи.

Профессор Перкинс лениво потягивал свой лимонад, изредка вставляя два-три слова, пока разговор не коснулся Индии.

Тут он оживился:

— Господа! Вы не знаете, что такое Индия и индусы... Вам знакомы по географии главные города Индии, ее население, ее флора и фауна... Вы знаете местоположение Индии на земном шаре и только. Но вы не знаете той таинственной, ревниво скрытой от посторонних глаз Индии, у которой многому следовало бы поучиться Европе... Вам покажется странным, если я скажу, что Индия — это хранитель-

ница культуры, культуры не внешней, показной, которая только портит человека, расслабляет его волю и отдаляет его от идеала, а культуры мысли, познания самого себя, умения управлять своим «я», к чему, в конце концов, все мы должны стремиться... В Индии есть как бы маленькое государство в государстве — государство посвященных, которое, в сущности, самое сильное и могущественное в мире... Эта группа посвященных управляется, по мнению одних, четырьмя, по мнению других, семью владыками, которые живут вечно... понятно, не тело их, а мысль... Каким образом сохраняют они физическую оболочку, меняют ли ее или обновляют, это одна из тех тайн, какими полна Индия. Эти люди, живя где-то в горах Тибета, отдают приказания своим подчиненным, рассеянными по всему земному шару, не пользуясь ни телеграфом, ни телефоном, ни почтой, а исключительно напряжением воли, которая им заменяет все наши изобретения и усовершенствования. Они могут почти мгновенно переносить свое астральное тело на любое расстояние или вызывать к себе астрал нужного лица, говорить с ним, отдавать распоряжения, приказания...

Мы внимательно слушали.

— Их подчиненные, — продолжал профессор, — делятся на несколько категорий в зависимости от совершенства их духа и воли, причем низшую ступень составляют факиры, опытам которых ученые Европы удивляются и, не находя объяснения, с апломбом заявляют, что это фокусы или повторяют пошлую избитую фразу, что в природе есть еще много такого и так далее... не стараясь разгадать эту природу... В тайниках, принадлежащих посвященным, хранятся летописи человечества за все время его эволюции в течение пятисот пятидесяти шести веков и в то время, когда культура то шла вперед, то регрессировала, у посвященных Индии, отказавшихся от всякой другой культуры, кроме культуры мысли, культуры своего «я», эта культура безостановочно шла вперед заранее определенными шагами... Эта группа посвященных, это маленькое государство сильных волей и духом, сильных познанием природы, могло бы в одно мгновение уничтожить весь мир, но они выше этого,

так как их идеал — стремление к самоусовершенствованию, стремление к Богу, и они на верном пути. К стыду нашему мы, европейцы, мнящие себя самыми культурными в мире, отстали от Индии на несколько десятков веков... Вот, разгадать хоть отчасти эти тайны, подсмотреть хотя бы сквозь щелку двери, открывающейся только для избранных, я и еду в Индию, господа! — продолжал профессор. — Но на многое, конечно, я не рассчитываю, так как, сравнительно с самым последним из посвященных, я еще ребенок...

В этот момент слова профессора были заглушены топотом и шумом, поднявшимся наверху.

Думая, что случилось какое-либо несчастье, мы, наскоро накинув сюртуки, бросились на палубу.

V

Буря

Капитан стоял на мостике, отдавая громким, несколько тревожным голосом приказания.

Матросы, как муравьи, расползлись по всей палубе, подвязывая кое-где, закрепляя и подтягивая брезент. Работали лихорадочно, суетливо.

Море было гладкое, как зеркало. Небо заволоклось свинцовыми тучами, и несмотря на то, что солнца не было видно, воздух был тяжел и горяч, как в печи.

Все предвещало бурю.

С трудом вдыхая раскаленный воздух, мы прошли вперед. Пассажиры волновались, суетились, бегая без толку по палубе. Только один индус по-прежнему величественно и спокойно стоял на своем излюбленном месте и, казалось, не замечал приближения шквала.

Невольно, подчиняясь уверенному спокойствию индуса, мы придвинулись поближе к нему, как бы ища у него защиты.

Море, до того времени неподвижное, слегка покрылось рябью и легкий освежающий ветерок пронесся по палубе. Мы с наслаждением стали вдыхать прохладный воздух.

В это время среди пассажиров появился помощник капитана.

— Попрошу всех пассажиров вниз! Поскорей, господа, пожалуйста!.. Сейчас начнется шквал, опасности нет никакой... Поскорей, господа!..

Не успели еще пассажиры уйти, как внезапно, словно по волшебству, пронесся первый порыв ветра, чуть не сбивший нас с ног. Мы инстинктивно схватились покрепче за что попало. За порывом последовала минута затишья и затем ветер, как бы радуясь свободе после долгого заточения, загудел с силой, понятной только тем, кто сам видел и испытал бурю в южных водах.

От бешеного напора воздуха мачты гнулись, как тростинки. Канаты лопались; собственного голоса не было слышно от шума и воя, напоминавшего пальбу тысячи орудий.

Волны, сначала маленькие, начали увеличиваться и вскоре превратились в горы, среди которых громадная «Виктория» казалась небольшой шляпкой.

Море кипело, как в котле.

Вдруг мимо моего уха просвистел конец оторванного ветром каната, и, описав полукруг, захлестнул не терявшего ни на минуту спокойствия индуса.

Я ясно видел, как конец веревки, обкрутившись вокруг старика, сильно ударил его по голове и тот сначала грузно опустился на палубу, а затем, подхваченный новым порывом, перекинулся через борт и исчез в пене высокой волны, залившей палубу.

В ту же минуту я скорее почувствовал, чем увидел, как что-то промелькнуло около меня и исчезло в водовороте недалеко от того места, где скрылся ушибленный канатом индус.

В тот же момент на палубе раздался крик, повторенный десятками голосов:

— Человек за бортом!.. Человек за бортом!..

...И в ту же минуту раздался крик: — Человек за бортом!..

И тотчас же несколько спасательных кругов промелькнули в воздухе.

Мне было видно, как один из кругов упал около того места, где скрылся упавший индус и кто-то, бросившийся ему на помощь.

Очнувшись от первого момента неожиданности, я оглянулся. Сэр Артур Невилль стоял около меня, судорожно схватившись за перила. Профессора же не было.

— Где профессор? — закричал я, стараясь перекрыть рев бури.

Невилль молча указал мне рукой на море...

Этот порыв ветра, ужасный по своей силе, был последним и шквал, налетевший так внезапно, столь же быстро стал утихать.

В южных морях такие шквалы никогда не бывают продолжительными и длятся иногда всего несколько минут.

Пароход застопорил машину и, сделав поворот, направился по вздымавшимся еще горами волнам назад.

На носу послышался радостный возглас сигнального матроса:

— Человек справа!.. Два человека!.. — и через несколько минут полубесчувственный Перкинс и бесчувственный индус очутились на палубе.

У индуса голова была окровавлена. Конец каната рассек ему кожу, к счастью, не раздробив костей, и судовой врач после перевязки заявил, что опасности нет никакой.

Профессор, быстро оправившийся после принятой им ванны, был в восторге, узнав, что спасенный им индус жив.

На следующий день индус, не вполне еще оправившийся от пережитого, на палубе не показывался. Профессор же сделался предметом поклонения всех пассажиров, громко восхищавшихся его геройским поступком к величайшему неудовольствию ученого, бывшего от природы очень скромным.

Но купанье в холодной воде не прошло даром слишком понадеявшемуся на свои силы профессору. Он заболел крупозным воспалением легких и, когда мы подходили к Калькутте, врач печально покачивал головой, говоря:

— Конечно, все может быть, но в такие годы... нервное потрясение и простуда... все вместе... Ручаться ни за что нельзя...

VI

В Бенаресе

В Бенарес, конечную цель нашего путешествия, профессор прибыл настолько слабым, что сам уже ходить не мог и его пришлось перенести с большими предосторожностями в английский военный госпиталь, где уход за больными и вообще постановка всего дела были лучше, нежели в других госпиталях.

После тщательного осмотра врачебным персоналом, профессора поместили в комнату для «безнадежных» и это лучше всяких слов указывало на положение нашего друга.

Тяжелое состояние больного требовало покоя и, с грустью попрощавшись с ним, мы вышли из госпиталя, сразу очутившись в водовороте уличной жизни, которая невольно захватила нас, заставив на время забыть обо всем другом.

Бенарес — это Париж Индии. В нем странно смешались и европейская цивилизация, и загадочная таинственная Индия, где наравне с высокой культурой у посвященных, ютятся дикость, невежество и нищета...

Роскошные автомобили, тысячные рысаки, запряженные в легкие коляски и кэбы и рядом громадный неуклюжий слон, нагруженный содержимым чуть ли ни целой шаланды, худой мул с полуголым грязным погонщиком-индусом... Изящные костюмы английских леди и джентльменов чередуются с почти полным отсутствием одежды индусских кули. Нагие, словно вычищенные ваксой ребятишки снуют по берегу, выпрашивая у проходящих мелкие монеты.

Город расположен амфитеатром на левом берегу священной реки Ганга и спускается к ней террасами, как бы уходя в реку. Улицы к ней залиты зеленью тамариндов, пальм и араукарий, среди которых яркими пятнами выделяются индусские храмы и дворцы раджей, словно сотканные из кружев.

Массивный храм бога Шивы, храмы Дурга, на ступенях и карнизах которых ютятся сотни кривляющихся обезьян, магометанская твердыня Ауренг Зеба тяжелыми контурами вырисовываются на синеве безоблачного неба.

В Бенаресе можно видеть всю Индию. Тут и важные ленивые магометане и маленькие, но мускулистые шикари, охотники с Голубых гор, и черные худые рыбаки из устья Годовери. Наряду с таинственной величавой фигурой посвященного йога, жалкая, робко пробирающаяся вдоль стены тень чандала, прикосновение к которому для индуса считается осквернением.

Низшие факиры с аскетическими одухотворенными лицами, непременные всюду заклинатели змей с корзинами на плечах, где хранятся ядовитые гады, богатые костюмы приехавших из провинции, на роскошно убранных слонах, индусов-помещиков, цилиндры и смокинги европейцев, мундиры военных, все это, залитое яркими лучами тропического солнца, составляет пеструю красочную толпу, необычайную по своей контрастности.

Круглые сутки по городу к реке тянутся паломники, пришедшие сюда за сотни верст, чтобы смыть грехи в священных водах Ганга. Их лица, ярко выражающие религиозный восторг, резко отличаются от лиц постоянных жителей города, давно уже утративших всякое почтение к священному месту.

Фокусники из племени Куру-Бару, которых новички-европейцы часто принимают за факиров и таким образом составляют ошибочное мнение о посвященных, окруженные толпой, показывают фокусы, которые все давно уже видели, но на которые смотрят, потому что больше нечего делать.

Берег реки полон купающимися паломниками, с благоговением совершающими священное омовение. Несколько дальше целая флотилия всевозможных лодок и судов самых разнообразных конструкций и форм. Тут и китайские джонки, и моторные лодки, и небольшие стройные яхты спортивного клуба, и суда из Индокитая, неуклюжие и некрасивые на вид, но быстрые на ходу, и лодки с низовьев Ганга и из Бенгалии, отличающиеся особыми оригинальными формами.

До позднего времени бродили мы с Невиллем по улицам города, восторгаясь и восхищаясь новизной впечатлений, пока наступившая темнота не принудила нас вернуться в гостиницу, где впервые после долгого путешествия мы заснули крепким сном людей, которым завтра не надо ехать. Было как-то странно сознавать себя на суше и чувствовать под собой твердую почву, а не колеблющееся изменчивое море.

VII

Бред умирающего

Профессор был совсем плох. Годы, волнения и холодная ванна не прошли даром и больного с трудом перенесли в госпиталь, находившийся недалеко от пристани.

Доктор предсказывал, что если он и оправится от крупозного воспаления легких, то все равно погибнет от скоротечной чахотки. Дни несчастного были сочтены.

Пожалев об умиравшем профессоре, с которым мы так сдружились во время длинного путешествия и скучного переезда из Англии в Индию, я решил, что засиживаться долго в Бенаресе нам нет никакого смысла и назначил отъезд через неделю. За эти дни мы очень часто посещали Перкинса, который, хоть и был слаб, но принимал нас с видимым удовольствием.

— Что же делать?! — говорил он. — Прожил я достаточно, видел много, пора и уйти... Жалко только оставлять семью... да... уйти, не приподняв хоть края той занавеси, за которою скрыты тайны посвященных... ради чего я приехал сюда...

Мы утешали, как могли, хотя видели, что профессор прав и что те остатки жизни, которые еще теплились в нем, были слишком недостаточны, чтобы снова разжечь факел.

Накануне отъезда в глубь страны я и Артур Невилль зашли к профессору в последний раз, попрощаться, и застали его сильно возбужденным.

— Знаете, — задыхаясь и кашляя, взволнованно заговорил Перкинс при виде нас, — сегодня ночью у меня был индус, тот таинственный индус, которого мне удалось спасти тогда на пароходе... Но главное не это, а его странное появление... Слушайте, я вам расскажу по порядку... Часов около двенадцати я проснулся как бы от какого-то толчка и первое, что мне бросилось в глаза — это высокая фигура индуса, спокойно сидевшая около меня в кресле. Он долго говорил со мной, много рассказав мне интересного про жизнь посвященных, их обычаи, законы, и в заключение перед уходом или, вернее, исчезновением, сказал:

— Ты погибаешь, потому что спас меня, но я тебе оставлю жизнь... Оставляю жизнь не из благодарности за сделанное тобой, потому что мы выше этого... Но ты силен духом и стремишься к истине... Я за тобой невидимо следил все время и знаю, чего ты достиг... Ты не умрешь... Ты будешь жить для истины... Я скоро вернусь за тобой, чтобы дать тебе жизнь... Прощай...

После этих слов индус сразу исчез. Я не видел, как он поднялся с кресла, прошел до двери, открыл ее... Нет!.. Этого не было... Я бы не мог не увидеть!.. Он просто исчез, как бы испарился так же внезапно, как и пришел. И страннее всего то, что никто из прислуги не видел его... А вы знаете, что сюда, особенно ночью, прийти невозможно, совершенно невозможно... Вот вам одна из тайн Индии. Одна из многих тайн... Но я доволен. Индус обещал мне прийти. И, мо-

жет быть, перед смертью я узнаю что-нибудь о том, к чему так стремится мой ум...

Профессор закашлялся и на углах губ его появились пятна крови.

Мы с Невиллем грустно покачали головами, считая все это бредом умирающего и, не желая далее беспокоить профессора, тепло попрощались с ним и вышли из комнаты.

Госпитальный врач, лечивший сэра Перкинса, подтвердил наше предположение, сказав, улыбаясь с бесчувственностью человека, привыкшего постоянно видеть смерть:

— Вы сами видите... Я считаю положение больного безнадёжным... В последнее время ему все мерещится какой-то индус... Температура повышена... Бред... Долго не протянет...

На следующий день мы с Невиллем уехали и только через пять месяцев, по окончании командировки, нагруженные всевозможными заметками и записками, вернулись в Бенарес, где первым делом зашли в госпиталь.

— Представьте, — сообщил нам доктор, узнав нас, — ваш профессор — чужак какой-то! Где он и что с ним, я ничего не знаю. Через несколько дней после вашего последнего посещения к профессору явился какой-то индус и он уехал вместе с ним. Куда — ничего не знаю. Как я ни уговаривал сэра Перкинса, ничего не помогло... По моему глубокому убеждению, он после отъезда более трех-четырёх дней прожить не мог, так как у него не было почти обоих легких и туберкулез прогрессировал быстрыми шагами. А в таком положении приостановить развитие болезни или прекратить ее могло бы только чудо...

Пожалев профессора, мы, грустно настроенные, вышли из госпиталя.

— Бедный Перкинс! — сказал сэр Невилль. — Он так хотел изучить эту страну с ее загадочными явлениями, и... вместо тайн Индии, узнал тайну... смерти...

Я, вздохнув, молча кивнул головой в знак согласия.

В Бенаресе мы долго не задерживались и с первым отходившим пароходом уехали в Англию, где мелочи повсе-

дневной жизни окончательно вычеркнули из нашей памяти случай с профессором Перкинсом.

VIII

Опять в Индии

Спустя недолгое время после возвращения в Лондон, сэр Невилль снова уехал в Индию, получив там выгодное место, я же остался в Лондоне, рассчитывая до конца своих дней прожить там.

Но... человек предполагает, а Бог располагает.

Лет через шесть мне предложили опять командировку в Индию и я принял ее, так как, помимо материальных выгод, командировка была почетная и не могла затянуться надолго.

Очутившись на пароходе в Гавре, я невольно припомнил свое первое путешествие, индуса, профессора Перкинса, о котором за все это время не поступило никаких сведений и не было даже наверное известно, умер ли он, в чем я, однако, не сомневался, веря диагнозу такого уважаемого и опытного врача, каким был госпитальный доктор.

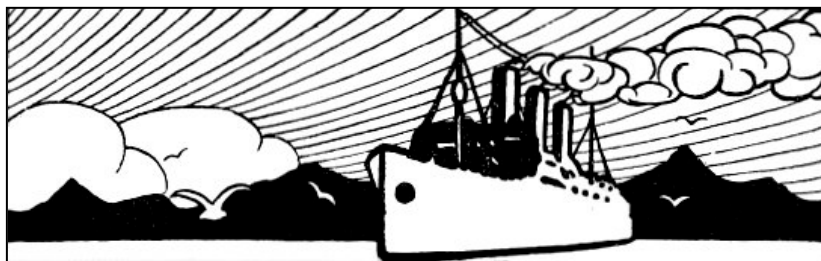
До Бенареса доехал я вполне благополучно и прежде всего зашел в госпиталь, где после первых приветствий врач, лечивший профессора, сообщил мне, что сэр Перкинс так и пропал без вести. Было сообщено властям, которые принимали все меры для того, чтобы разыскать исчезнувшего, но безрезультатно. Профессор как в воду канул, не оставив никаких следов.

— Без всякого сомнения, — dokonчил доктор, — профессор умер через несколько дней после оставления им госпиталя, так как дни его были сочтены, а чудес, как вы знаете, в мире не бывает...

В Бенаресе я жил недолго.

Все дела, связанные с командировкой я, при помощи сэра Невилля, имевшего большие связи в местном общест-

ве, закончил менее чем в месяц и задержался на несколько дней, во-первых, из-за того, что сэр Невилль, решивший ехать вместе со мной в Англию по личным делам, не мог выехать раньше этого срока, а во-вторых: через неделю отходила «Виктория», с которой я был уже знаком по первой поездке и которая по комфорту и удобствам не оставляла желать ничего лучшего.

...«Виктория», с которой я был уже знаком по первой поездке...

Оставшуюся в моем распоряжении неделю я провел или осматривая город, или ничего не делая в роскошной вилле сэра Невилля, но, как все приходит к концу, так и пришла к концу и эта неделя и я, вместе с Невиллем, после последних «прости» Бенаресу, отплыл в далекую родную Англию, вверяя себя всем случайностям капризного океана.

IX

Молодой индус

На пристани во время погрузки я заметил молодого, красивого, одетого по-европейски индуса, который долго и пристально смотрел на меня, забыв даже следить за погрузкой своих вещей на пароход, так что я невольно обратил на него внимание.

На вид он был очень молод, хотя его большие черные глаза, смотревшие грустно и выразительно, говорили о мысли и о уравновешенности более солидных лет.

С первого же дня индус стал молча преследовать меня.

Часто за столом или на палубе я, быстро оборачиваясь, встречал его пристальный взгляд, грустно устремленный на меня или на сэра Невилля.

В конце концов индус меня заинтересовал и я почувствовал к нему невольную симпатию. Но, несмотря на все наши попытки заговорить с ним, это никак не удавалось. Индус, хотя и отвечал вежливо, но при первой возможности отходил, продолжая в то же время откуда-нибудь изда-лека фиксировать нас своим взглядом.

Обращал он внимание только на меня и сэра Невилля, не замечая никого из остальных.

В общий разговор в кают-компании молодой индус вмешивался редко и один только раз, когда мы с сэром Невиллем заспорили о каком-то научном вопросе из области естествознания, он вмешался в разговор, причем высказал такие знания и такую научную подготовку, что мы были положительно ошеломлены.

В другой раз разговор коснулся икс-лучей и индус долго прислушивался к нашим спорам, пока, наконец одной или двумя фразами разрешил вопрос, разбив, что называется, наголову все доводы, как мои, так и сэра Артура.

Такое всестороннее развитие и солидные знания, высказанные молодым индусом, глубоко поразили нас и, оставшись одни в каюте, мы невольно заговорили о нашем новом знакомом.

— Знаете, — сказал Невилль, — меня поражают в индусе его ученость в столь молодые годы и такие громадные энциклопедические знания. И кроме того... не напоминает ли его манера спорить и доказывать — манеру покойного профессора Перкинса?.. Это построение фраз, этот внезапный логический вывод... Мне сегодня казалось, что я слушаю нашего покойного друга...

— Действительно! — согласился я. — Удивительно похоже!.. А знаете, Индия ведь страна чудес. Помните библей-

ского индуса, спасенного Перкинсом? Возможно, он, в благодарность за свое спасение, отдалил одному только ему известными средствами момент перехода в другой мир старого профессора и этот юноша его ученик... Давайте завтра спросим его. Слишком уж своей манерой спорить он напоминает нашего старого друга...

— Ну что же, спросим... — согласился Невилль, поворачиваясь на другой бок и натягивая на себя одеяло.

На следующий день, встретив индуса на палубе, я подошел к нему и сказал:

— Знаете, наш юный друг, ваши познания и научная подготовка поразили меня. Я до сих пор не могу понять, как в такие молодые годы вы могли быть столь сведущи... и тем более в таких серьезных вопросах, отдавая которым многие годы неустанного труда, люди приобретают знания гораздо меньше ваших... Кроме того, ваша манера спорить и доказывать странно напоминает мне одного моего друга, о судьбе которого я не имею никаких сведений... Возможно, вы были его учеником... Я говорю о профессоре Перкинсе. Вы не знали его?..

Едва только я произнес фамилию профессора, как молодой индус сначала побледнел или, вернее, посерел, как умеют сереть только индусы, потом внезапно кровь бросилась ему в лицо и он, прошептав что-то дрожащим голосом, поспешно отошел от меня и спустился вниз.

Я был крайне удивлен его поступком, но за обедом индус, подойдя ко мне, с изысканной вежливостью просил извинения за столь внезапный его уход, ссылаясь на головокружение и незначительное недомогание. Профессора Перкинса, по его словам, он не знал и никогда даже не слышал такого имени.

Тайна профессора Перкинса

Несколько дней индус старательно избегал нас и мы уже потеряли всякую надежду сойтись ближе с ним, когда он сам, без всякого повода с нашей стороны, зашел ко мне в каюту, видимо, сильно взволнованный чем-то.

— Я вам не помешаю? Может быть, вы заняты?.. — вежливо справился индус, хотя было видно, что он думает совсем о другом.

— Нисколько! Мы очень рады!.. Садитесь!.. — ответил сэр Невилль за себя и за меня и индус, тяжело опустившись в кресло, медленно заговорил, волнуясь и подыскивая слова:

— Нет... Так больше продолжаться не может... Я должен рассказать вам все, хотя боюсь, что вы не поверите... То, что я переживаю... Эта двойственность... Да, поверить трудно, но все-таки я расскажу. Вы спрашивали меня, знал ли я профессора Перкинса? Еще бы!.. Я сам... Но лучше я начну с того момента, когда профессор Перкинс исчез из госпиталя в сопровождении индуса...

Мы с сэром Невиллем слушали, сильно заинтересованные.

— Покинув Бенарес, профессор Перкинс и индус направились в горы и через четыре дня прибыли в одно место, известное только индусу, место, где собирались «посвященные» высших рангов. Перкинс уже умирал и, если бы не лекарство, которое ему давал индус, он бы ни в каком случае не выдержал бы дороги. По приезде на место, дав небольшой отдых профессору, индус вошел к нему в комнату, сел на стул, стоявший около кровати и, внимательно осмотрев Перкинса, проговорил:

— Профессор Перкинс, вам осталось жить не более двух дней. Скоротечная чахотка ведет по пути смерти... Но вы мне спасли жизнь на пароходе и я не хочу оставаться в долгу... Вы знаете, мы, посвященные, обладаем такими зна-

ниями, о которых вы, европейцы, не имеете понятия... Я спрашивал совет посвященных и получил согласие... Я могу дать вам новую жизнь...

Перкинс, вполне понимавший свое положение, радостно вздрогнул.

— Но, — продолжал индус, — сохранить ваше внешнее, физическое «я» я не берусь. Это выше даже моих знаний... Согласны ли вы сохранить жизнь, то есть главное в жизни — мысль и знания, переменив внешнюю, ничего не значащую оболочку?..

Профессор не пытался даже вникнуть в смысл слов индуса. Возможно, что причиной этого было отчасти изнуренное состояние после дороги... близость неизбежной смерти... Одна только фраза ярко врезалась в его ослабевший мозг — это то, что он будет жить, снова увидит своих близких, снова будет работать у себя в кабинете, окончит начатый труд, приобретет новые знания... И профессор, не задумываясь, дал согласие.

— Откладывать нельзя, — сказал индус, — вы можете умереть каждую минуту... Сегодня же вечером произведем опыт.

Что пережил профессор после ухода индуса, мне кажется, понятно всякому. То же, что испытал бы человек, приговоренный к смертной казни, ожидающий каждую минуту выполнения приговора и получивший вдруг полное помилование... Едва начало смеркаться, в комнату вошел старый факир в сопровождении молодого, хорошо сложенного индуса, почти мальчика и, получив утвердительный ответ на вопрос — «Вы готовы?» — тотчас же приступил к опыту.

Последнее, что помнит профессор — это руку индуса, положенную ему на голову... Затем все смешалось, спуталось... Темная стена надвинулась на сознание Перкинса. Сначала он почти ничего не сознавал, но потом мало-помалу ощущения страшной боли, мучительного напряжения стали заполнять его... Страдания не физические — тело было бесчувственно, — а страдания воли... как будто кто-то пытался вырвать его сознание, а он употреблял все усилия,

чтобы удержать... Сколько времени продолжалось такое состояние, Перкинс определить не мог, но в конце концов чужая воля победила и профессор, почувствовав, как что-то как будто оборвалось внутри, отделилось от его «я», окончательно потерял сознание.

Очнулся Перкинс у себя на кровати. Солнце ярко освещало комнату, весело играя на цветном ковре. Воздух наполнял аромат тропических цветов, густой волной несшийся из открытого окна. Профессор по привычке поднял руку к бороде, желая расправить ее, и... испуганно отдернул руку...

Подбородок был чист, без каких-либо признаков растительности... Осторожным движением, чтобы не вызвать кашля, он приподнялся и сел на кровати. Но тут внезапно почувствовал непривычную бодрость и силу... Дышалось легко и свободно... Позыва кашля не было... Профессор еще раз потрогал себя за подбородок, машинально взглянул на руку и громко вскрикнул от изумления... Это была не его рука, а полудетская, бронзового цвета... рука индусского мальчика... Не думая больше ни о чем, Перкинс соскочил с постели и бросился к зеркалу, висящему в противоположном углу комнаты. Зеркало отразило стройного индусского мальчика, того самого, который вошел в комнату вместе со старым индусом перед началом опыта. Не веря своим глазам, профессор Перкинс зажмурился, сдавил голову руками, как бы желая отогнать видение, и взглянул вторично. Изображение индусского мальчика не пропадало. Пораженный профессор машинально отошел от зеркала и тяжело опустился в кресло. По старой привычке он стал размышлять, анализируя свои ощущения. Тут ему внезапно припомнились слова старого индуса:

— Я сохраню вам главное в жизни — мысль и знания, но сохранить внешнюю оболочку — это выше даже моих знаний...

Новая мысль, как молния, прорезала напряженный мозг Перкинса: старый индус сдержал свое слово... Он сохранил жизнь, но... изменил внешнюю оболочку, переместив «я» профессора в здоровое тело мальчика...

Индус замолчал, нервно вытирая крупные капли пота, выступившие у него на лбу.

— Ну, а дальше?.. Что же дальше?.. — взволнованно спросил сэр Невилль.

— Шесть лет, — продолжал, немного передохнув, индус, — прожил профессор среди посвященных, изучая их тайны... шесть долгих лет... Он много узнал, многому научился, но... в конце концов его потянуло на родину... Увидеть семью, детей, которые за это время, вероятно, уже стали взрослыми... И он не выдержал... Господа! Профессор Перкинс — это я!.. — закончил дрожащим, прерывающимся от волнения голосом индус.

Мы, пораженные, молчали, не зная, верить ли или не верить.

Сознание говорило — «нет»... Трудно в молодом, цветущем, полном сил юноше признать нашего старого, обремененного годами друга... а между тем, его манера говорить, его глубокие познания в различных областях науки, все это заставляло верить, что мы видим пред собой воскресшего профессора Перкинса. Именно воскресшего, потому что в смерти его до сего времени мы не сомневались.

Первым очнулся сэр Артур Невилль.

Он приподнялся, протянул индусу руку и, крепко пожимая ее, проговорил:

— Хотя все это очень невероятно, но... я верю, что это так... и от души рад за вас... рад приветствовать вас, дорогой профессор...

Я поспешил присоединиться к сэру Невиллю.

Индус вздрогнул и на лице его показались слезы радости, но почти тотчас же он снова сделался грустным.

— Спасибо, господа, что вы, вопреки здравому смыслу, поверили мне... Но... — продолжал он, тяжело вздохнув, — меня больше всего мучает то, признает ли меня, как вы, моя семья!.. И как я в оболочке индуса войду к себе в дом на правах отца и мужа... Моя жена... Дети... О, Боже! Лучше было бы, кажется, умереть тогда!..

И, поднявшись с кресла, профессор молча вышел из каюты.

После признания профессора мы ежедневно виделись с ним и в конце концов у нас не осталось ни малейшего сомнения в его личности. Перкинс припомнил наши прежние встречи, разговоры, наше первое путешествие со всеми мелочами и подробностями, какие посторонний, желавший нас мистифицировать, не мог бы знать.

Но, оживляясь минутами, профессор большую часть времени был задумчив и грустен. Его неотвязно преследовала мысль о семье и о том, каким образом он войдет в нее.

Это не давало ему покоя, и часто, проходя ночью мимо каюты, занимаемой Перкинсом, мы слышали заглушенные стоны и вздохи возвращенного к жизни, но потерявшего ее путеводные нити нашего старого и вместе с тем молодого друга...

До Англии мы доехали благополучно и, расставаясь с профессором, горячо просили его приехать при первой возможности к нам в Лондон.

Профессор обещал, грустно качая головой, и мы расстались, причем сэр Невилль поехал к себе на дачу, а я отправился в министерство с докладом о результатах командировки.

* * *

Через несколько дней, читая утреннюю газету, я случайно наткнулся на заметку, в которой говорилось, что на пороге дома пропавшего без вести профессора Перкинса был найден труп молодого индуса с огнестрельной раной в области сердца.

При нем найдена записка, в которой он просит никого не винить в его смерти...

Я не сомневался, кто был этот молодой индус...

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Повесть

Стояла дивная погода, когда небольшая винтовая шхуна Нью-Йоркского общества пароходства и торговли «Дельфин», пронзительно свистя, отходила от пристани гостеприимного Гавра, чтобы переплыть океан.

Шхуна была грузовая и нас, пассажиров, принятых капитаном скорее из любезности, чем из интереса, было немного: старый отставной моряк, ехавший по каким-то торговым делам в Америку вместе с дочерью, прелестной блондинкой, едва только вышедшей из детского возраста, какой-то неопределенный господин, как впоследствии оказалось, техник, ехавший на заработки в Новый Свет, и я. Что касается меня, то я был командирован в Америку фирмой, в которой я служил. Это была первая моя командировка и, несмотря на то, что я очень гордился этим, все же из желания отложить какую-нибудь сумму решил ехать на грузовом судне, проезд на котором обходился раза в три или четыре дешевле, нежели на пассажирских гигантах, где пассажирам доставляют всевозможные удобства, без которых отлично можно было бы обойтись, беря за это всевозможные добавочные доллары.

С первого же дня в кают-компании воцарилось полное согласие. Капитан Готкинс и его два офицера, ирландец Брэдди и американец Нордсон, были очень милые люди и сразу же стали относиться к нам с той простотой и искренностью, который отличают американцев от жителей Старого Света.

Моряки вели нескончаемые разговоры о течениях, ветрах, приливах, островах... Техник или читал что-нибудь, или, мрачно замкнувшись в себе, сидел насупившись, не произнося ни слова. Я же, пользуясь и тем, что моряки заняты серьезными разговорами, совершенно меня не интересовавшими в то время, и тем, что мне всего двадцать четыре года,

когда так хочется жить, любить, наслаждаться, когда жизнь кажется такой прекрасной, обещающей, усиленно ухаживал за маленькой блондинкой, которая с каждым днем начинала мне нравиться все больше и больше...

Как-то вечером, засидевшись в кают-компании за стаканом грога, капитан навел тему разговора на таинственные и странные случаи, происходившие в море.

— Господа журналисты, — начал он, — смеются над рассказами о таинственных чудовищах и морских змеях, живущих на больших глубинах и изредка появляющихся под влиянием каких-либо обстоятельств на поверхности моря... А между тем, они существуют... Это вам говорю я, старый морской волк, который знает океан лучше, чем журналист свою газету. И почему бы им не существовать?.. А что их редко видят, это естественно. Их организм привык к страшному давлению нескольких тысяч метров воды, он приспособился к этому и меньшее давление причиняет чудовищу неприятное ощущение и, возможно, даже физическую боль, так как ему приходится бессознательно употреблять страшные усилия, чтобы сдерживать мускулы, привыкшие к постоянному сопротивлению давящего столба воды. Поэтому чудовища так редко показываются на поверхности воды, выброшенные со дна или сильным извержением, или какой-либо другой причиной, не зависящей от их воли... Да вот я вам расскажу... Я сам видел однажды такое чудовище...

Капитан закурил потухшую трубку и начал.

— Мы плыли в южных морях, я тогда еще служил на «Весталке», небольшой грузовой шхуне нашего же общества. Погода стояла великолепная, море было как бы подернуто маслом, ветра никакого, на небе ни облачка. Вдруг впереди нас, милях в трех, со страшным ревом и треском поднялся огромный столб воды. Небо сразу заволоклось не то тучами, не то дымом и огромная волна понеслась на нас. Все кругом стало темно и тут мы в первый раз слышали его голос... Когда большая волна была приблизительно в миле, внезапно до нас донесся резкий, пронзительный, полный страдания и ужаса крик... Не знаю, с чем бы сравнить

его... Что-то среднее между звуком сирены и воплем умирающего человека, увеличенным в тысячу раз. Я никогда этого не забуду... Нас охватило и чувство ужаса перед чем-то таинственным, неизвестным и чувство жалости, сильной томящей жалости, как будто кричало не животное, а погибающий человек... Мы в страхе, растерянные, смотрели сквозь мрак на надвигающуюся волну и вдруг в белой пене увидели голову чудовища, огромную страшную голову с белыми, ничего не видящими глазами, бессмысленно смотревшими на нас. Но тут мрак окутал корабль и мы услышали совсем поблизости еще раз его отчаянный рев... Когда тьма рассеялась, по морю ходили небольшие волны, но ничего больше не было. Стена воды, вызванная, по всей вероятности, подводным извержением, унеслась к югу, увлекая за собой и подводное чудовище, которое все мы и вся команда видели и слышали. У меня до сих пор служит боцманом Джон, который был со мной на «Весталке». Тогда он был еще простым матросом. Он всегда может подтвердить мой рассказ...

— Так, так... — одобрительно закивал головой старый отставной моряк. — Бывает... Это только люди, описывающие морские приключения и никогда не видевшие даже корабля, могут говорить что-нибудь другое... Я плаваю уже пятый десяток лет и тоже кое-что видел...

Моряк налил себе стакан грога и выпил его залпом.

— Лет пятнадцать тому назад я командовал грузовым судном «Ливерпуль» и мы плыли по Саргассову морю, когда нас застигла ужасная буря. Вы знаете, что такое буря на Саргассовом море... Каждую минуту боишься наткнуться либо на скалу, либо на мель, волны хлещут со всех сторон, не знаешь, какого направления держаться... Мы потеряли руль, винт сломался, машина попортилась. «Ливерпуль», вероятно бы, погиб, если бы не наткнулся на громадное поле, покрытое густой и плотной массой морских водорослей, среди которых он и застрял. Когда буря утихла и мгла рассеялась, мы с одной стороны в нескольких десятках ярдов от себя увидели полосу свободного моря, с другой же стороны, насколько хватал глаз, все было покрыто густым ков-

...И вдруг в белой пене мы увидели голову чудовища...

ром водорослей, прорезанных местами небольшими пятнами воды. Поломки были настолько значительны, что нам пришлось простоять десять дней, прежде чем судно могло пуститься в путь. Вот за эти десять-то дней мы и натерпелись страху... В первую же ночь вдали в водорослях слышались какие-то странные звуки, как будто кто-то плакал, кричал, стонал... Никто из нас всю ночь не сомкнул глаз, не зная, кому или чему приписать эти звуки. На следующий вечер слышались те же звуки и кто-то приближался к кораблю, пытаюсь влезть на него. Наутро мы увидели большую якорную цепь, разорванную пополам, и на местах разрыва ясно отпечатались зубы неведомого чудовища. Так мы прожили в страхе восемь дней, работая с утра до ночи, чтобы поскорее уйти из этого места. На девятый день, живя все время под угрозой нападения неведомых страшилищ, мы поставили запасной винт и приладили кое-как руль, рассчитывая тотчас же выйти из зарослей и окончить починку на море, но пока возились, наступила темнота и отъезд пришлось отложить до утра. Я, радуясь окончанию работ, забрался к себе в каюту и, почитав на ночь какую-то книгу, стал уже засыпать, как вдруг меня разбудила сильная качка. Шхуна качалась во все стороны, как при самом сильном шторме, перегородки трещали, вещи падали на пол. Я поднялся, ничего не понимая, так как ни шума бури, ни воя ветра не было слышно. Внезапно под самым моим ухом раздался шипящий свист, как будто от тысячи котлов, из которых вырвался пар. Я бросился наверх. По дороге на меня налетел, чуть не сбив с ног, перепутанный вахтенный с дико блуждающими глазами:

- Капитан, — задыхаясь от ужаса, кричал на ходу матрос.
- Она здесь... Она схватила корабль и держит его...
- Да кто «она»?..
- Не знаю.. Она... Змея... Она обвилась вокруг корабля... Хочет его разбить...

Признаюсь, страх матроса передался и мне. Я таки перетрусил, но все же вернулся в каюту, снял со стены карабин, зарядил его разрывной пулей, взял большой фонарь и вышел на палубу в сопровождении матроса. Когда я осве-

тил палубу, мне прежде всего бросилось в глаза какое-то тело грязно-молочного цвета, лежащее поперек корабля и свешивающееся обоими концами в море. Вдруг тело задвигалось, натянулось и корабль, треща по всем швам, закачался во все стороны...

— Что это?.. — непроизвольно вырвалось у меня.

— Змея... — заплетающимся от ужаса голосом зашептал матрос. — Змея... Она хочет потопить шхуну...

Я направил фонарь за борт. Прямо перед собой я увидел страшную голову животного: лошадиная морда с отвисшей нижней губой, открывавшей ряд острых выдающихся вперед клыков, приплюснутый нос, сбоку что-то вроде небольших рогов, на голове спутанная, перемешанная с водорослями грива... Голова была величиной с хороший концертный рояль и ее глаза, ослепленные светом фонаря, яростно смотрели, как мне показалось, на меня. Ничего не соображая, я поднял карабин, выстрелил и в ту же минуту слетел с ног, сбитый, как мне потом рассказали, чудовищным хвостом животного. Последнее, что я слышал, это громкое шипение, перешедшее в пронзительный вопль. Оглушенный всем этим, я потерял на минуту сознание и, когда очнулся, чудовища уже не было. Едва только рассвело, мы двинулись в море и свободно вздохнули только тогда, когда заросли скрылись из наших глаз...

— Да, — вздохнул старший помощник капитана, — много говорят о Саргассовом море, но все же больше загадочного в южных морях... Матросы, вернувшиеся из плавания по этим морям, рассказывают массу странных вещей... От одного старого морского волка я слышал, что на самом юге, среди льдов, живет огромное белое чудовище величиною, чуть ли не с гору, которое топит зашедшие туда случайно корабли...

— Ну, это, вероятно, сказки, — ответил капитан. — Поврать-то любителей много... А вот что действительно существуют морские змеи и чудовища, это так же верно, как то, что мы сидим здесь и разговариваем...

Анна слушала эти рассказы, широко раскрыв глаза и стараясь не пропустить ни одного слова. Я в такие минуты

тоже, должен сознаться, даже забывал об уходе и невольно переживал страхи и ужасы вместе с рассказчиками... и все же мне до безумия хотелось увидеть какое-нибудь чудовище, чтобы, вернувшись в Лондон, было бы что порассказать.

* * *

Старый отставной моряк, хотя, по-видимому, и очень любил дочь, но обращал на нее мало внимания, проводя почти все время в кают-компании за стаканом грога или за партией в шахматы с капитаном, который был страстный любитель игры.

Техник держался как-то в стороне и мы с Анной все время волей-неволей проводили вместе, чем я, впрочем, не особенно огорчился, так как, помимо привлекательной наружности, Анна обладала острым умом и твердым характером, унаследованным от отца. Несмотря на юные годы, она имела определенные взгляды на жизнь и на вещи, сбить с которых ее было не так-то легко. Это была девушка серьезная и несмотря на то, что плавание продолжалось уже месяц, между нами не было сказано ни слова о любви. Я делал несколько попыток завязать флирт, начинал разговоры на эту тему, но девушка каждый раз ловко меняла разговор и я оставался ни с чем.

Отношения наши мало-помалу окрепли, перешли в самую искреннюю, в самую теплую дружбу. Каждую свободную минуту мы старались проводить вместе, поверяя друг другу все мысли, желания, мечты...

О том, чтобы начать флирт, я скоро перестал думать, с каждым днем привязываясь все больше и больше к этой девушке, которая, будучи еще полуробенком, была положительнее и серьезнее многих взрослых женщин.

С ужасом я думал о той минуте, когда, по приезде в Америку, нам придется расстаться и мне хотелось, чтобы это плавание продолжалось вечно.

В начале второго месяца мы достигли мыса Доброй Надежды. Все шло хорошо и капитан несколько раз говорил, что никогда он еще так благополучно не совершал переезда, как в этот раз.

Однажды утром, выйдя на палубу, я застал капитана внимательно рассматривающим в бинокль небо.

Утро было великолепное, море гладко как зеркало, небо чистое, за исключением двух-трех небольших облачков. В природе как бы все замерло и спало глубоким непробудным сном.

Отняв бинокль от глаз, капитан еще раз внимательно посмотрел на небо, потом покачал головой и, не замечая меня, мрачно проговорил:

— Плохо...

— В чем дело, капитан? — спросил я. — Что плохо?

— Буря большая будет... свирепая, и не дольше, как через час или полтора...

— Но почему вы знаете?.. Небо чистое, море спокойно.

— Чистое, да не совсем... Вон, посмотрите, маленькое серое облачко на горизонте — это буря идет.

Я недоверчиво отошел от капитана. Слишком уж все кругом было покойно, чтобы ждать бури... и так скоро. Но облачко быстро росло и скоро заполнило весь горизонт. Воздух стал тяжелым, густым, дышать было нечем. Я несколько раз ходил в кают-компанию пить воду со льдом, но это помогало немного.

Не прошло и часа, как разросшееся облако покрыло уже все небо и легкие порывы ветра подернули рябью до того времени спокойную гладь воды. Порывы постепенно все усиливались и, как бы оборвавшись, прекратились. Наступила полная тишина. Дым из трубы шел прямо вверх. Так прошло минуты четыре. Вдруг, сразу, без каких-либо признаков со свистом и воем налетела буря. Все заплясало в неистовой пляске расходившейся стихии, мачты согнулись под неудержимым напором воздуха и шхуна, подхваченная

вихрем, бешено понеслась по все увеличивающимся волнам к югу.

Все кругом трещало, свистело, выло... голоса не было слышно. Капитан молча, почти ползком, добрался до меня и повелительно указал на кают-компанию. Я не осмелился возражать и тотчас же спустился вниз, где застал отставного моряка, спокойно потягивающего из стакана грог, и его дочь, сидевшую рядом и испуганно прислушивающуюся к реву бури.

Весь день бушевала буря. К вечеру порывы как будто даже усилились, стоять на палубе было невозможно. Судно, казалось, каждую минуту готово было перевернуться. Мы, с беспокойством ожидая рассвета, не спали всю ночь. На заре капитан вошел в кают-компанию и, подойдя к буфету, вынул бутылку рома, налил большой стакан и залпом выпил.

— Сорвало руль... — бросил он мимоходом, выходя наверх.

* * *

Три дня и три ночи были мы игрушкой волн, которые нас несли с бешеной скоростью к югу. Неуправляемое судно со сломанным рулем могло каждую минуту погибнуть в этом хаосе ветра, воды и пены, но каким-то чудом мы избегали опасности.

Измученный двумя бессонными ночами, проведенными около Анны, с которой мы каждый момент ожидали смерти, я на третьи сутки заснул одетый на диване в кают-компании. Анна сидела около меня и поправляла мне голову, когда она от качки соскальзывала с подушки...

Вдруг раздался страшный треск. Весь корпус судна вздрогнул, рванулся в сторону и на мгновение замер. Я вскочил, как под действием электрического тока. Спросонок мне казалось, что судно рассыпалось на массу кусков. Все, испуганные, в ужасе выскочили на палубу... Даже старый мо-

ряк потерял на время свое обычное хладнокровие.

— Что случилось?.. В чем дело?.. — обратился он к капитану, выскочив бегом на палубу.

— Налетели на разбитый корабль... Кажется, тонем... — ответил спокойно капитан. — Сейчас Нордсон смотрит повреждение... Пока еще не знаю...

Буря как будто только и ждала столкновения, чтобы утихнуть. Ветер так же внезапно стих, как и поднялся. Небо начало понемногу проясняться и, хотя громадные валы еще ходили по морю, но по всему видно было, что утомленные стихии утомнились.

Нордсон, бледный, с красными от ветра и бессонных ночей глазами, подошел к капитану:

— Большая пробоина сбоку... Починить невозможно... Вода заполняет трюм...

— Как много воды?.. Сколько времени продержимся?.. — отрывисто спросил капитан.

— Не знаю... Часа два... Не больше...

— Распорядитесь тотчас же наложить парусиновый пластырь. Я пойду осмотреть пробоину...

Капитан быстрыми шагами спустился вниз, а старший помощник позвал матросов и, вытащив с помощью их большой парус из трюма, стал прилаживать его для пластыря.

Пластырь заключается в том, что парусину сворачивают в несколько раз и накладывают снаружи на пробоину. Самое трудное — удачно подвести пластырь к пробоине. Давлением воды материя прижимается к отверстию и герметически закрывает его.

Несколько раз пластырь срывался, пока наконец не удалось подвести его к пробоине и закрыть ее. Несмотря на геройские усилия офицеров и команды, делавших нечеловеческие попытки, чтобы спасти корабль, вода в трюме все время прибывала и стало ясно, что через несколько часов шхуна все равно должна пойти ко дну. От трехдневной бури и удара при столкновении обшивка корабля разошлась и пропускала воду, которая быстро наполняла трюм.

С болью в сердце капитан отдал распоряжение готовить шлюпки, приказав положить в них теплую одежду, оружие,

пищу и запас воды.

Когда все было готово, капитан в последний раз окинул судно грустным взглядом и обратился к Нордсону:

— Вы, как старший помощник, будете командовать вельботом... С вами поедет вся команда, за исключением боцмана и двух матросов, которые будут со мной... Я поеду на моторной лодке с пассажирами... Прикажите спускаться.

Через десять минут две лодки, прыгая по все еще большим волнам, отчалили от погибающего судна, чтобы затеряться в беспредельном пространстве океана.

До темноты лодки шли вместе, одна в виду другой, но, когда стемнело, невозможно было ориентироваться, особенно благодаря громадным волнам не утомившегося еще моря, и на рассвете мы уже не видели около себя вельбота и не знали, что с ним случилось.

Как оказалось впоследствии, на восьмой день Нордсон встретил китобойное судно, случайно занесенное бурей в эти моря, которое подобрало людей и доставило их в Америку.

* * *

Нас в моторной лодке было всего девять человек: капитан, его второй помощник ирландец Брэдди, боцман, два матроса, старый отставной моряк с дочерью, техник и я.

Провизии на две недели, бочонок воды, бензин, теплая одежда, оружие до краев наполнили небольшую лодку. Анна поместилась на корме рядом со мной, устроив себе подобие гнезда из свертков с теплой одеждой. Капитан, Брэдди и отец Анны по очереди дежурили около руля, держа направление по компасу на юг, где капитан рассчитывал встретить китобойные судна.

Определить местоположение лодки капитан не мог, так как во время столкновения все инструменты поломались и даже хронометр капитана, упав со стола каюты, не шел.

Так мы плыли неизвестно куда, изредка перекидываясь незначительными фразами и жадно всматриваясь в горизонт в надежде увидеть далекую точку корабля или туманную линию берега.

* * *

На четвертый день утром техник, до того времени упорно молчавший и только мрачно озиравшийся беспрестанно по сторонам, вдруг ни с того ни с сего разразился громким хохотом и потом затыкнул во все горло песню. Рассудок бедняги не выдержал пережитых волнений. Целый день, сидя неподвижно на одном месте, он безумным голосом распевал одну и ту же песню, никого не трогая и не обращая ни на кого внимания. Его оставили в покое.

К вечеру поднялся легкий ветер и капитан поставил парус, желая сохранить запас бензина, которого было и без того немного.

Лодка весело подпрыгивала на небольших волнах и, укачанный ее ритмическим движением, я заснул беспокойным сном человека, не знающего, что будет с ним завтра.

Ночью я был внезапно разбужен сильным шумом борьбы и энергичными ругательствами матросов. Оказалось, техник в припадке сумасшествия открыл кран от бочонка с водой и начал выбрасывать за борт запасы провизии. Схваченный матросами, он смеялся страшным, безумным смехом и повторял:

— Все равно погибнем... Лучше скорей... Вон, глядите, глядите... плывет чудовище с лошадиной головой... Оно нас поглотит... Вот оно... Вот оно... близко... Пустите!..

И внезапным движением, вырвавшись из рук державших его матросов, техник одним прыжком перескочил через борт и исчез в пучине моря.

Лодку тотчас же повернули, но все усилия отыскать утопавшего были напрасны. Так мы потеряли одного из девяти

ти и боцман мрачно, ни к кому не обращаясь, проговорил, смотря в сторону:

— Первый... За кем теперь очередь?

* * *

Воды в бочонке оставалось едва три-четыре литра и мы были осуждены испытывать мучения жажды. Капитан отдал распоряжение сократить порцию воды до одной чашки в сутки на человека. Это было тем мучительнее, что после бури дни стояли особенно жаркие.

Со следующего же дня к мучениям неизвестности присоединились мучения жажды. Во рту пересохло, губы полопались, голова горела. Минутами сознание заволакивалось темной пеленой и тяжелый кошмар начинал надвигаться, как тисками сжимал воспаленную голову... Фантазия перемешивалась со слышанными рассказами, мерещились чудовища гигантской величины, молочно-грязного цвета, с лошадиными головами, огромные змеи надвигались, сдавливали, неведомые фантастические животные окружали, щелкая зубами и плотоядно раскрывая пасть... когда сознание возвращалось, — та же беспредельная си- нева океана, то же чувство полного одиночества, полной обособленности от мира, от всего живущего.

* * *

На седьмой день плавания ночью выпал небольшой дождь и матросы, разостлав на лодке всю парусину, какая только была, собрали некоторое количество воды.

Два-три глотка живительной влаги освежили нас и мы не так уже мрачно смотрели на будущее. Надежда встретить корабль или землю явилась с новой силой и капитан, подчиняясь общему настроению, приказал налить в бак

часть оставшегося бензина, который он берег на всякий случай, и пустил лодку полным ходом.

Так мы шли часа два, когда внезапно на горизонте увидели большую волну с белым пенистым гребнем, бешено мчавшуюся мимо нас, милях в двух. Но странно: когда белый пенистый гребень приблизился настолько, что его можно было ясно различать, мы увидели, что это была не волна, а просто столб воды высотой в двенадцать-пятнадцать метров, мчащийся с фантастической скоростью по гладкой поверхности океана и отбрасывающий от себя большие волны во все стороны.

Если бы не поразительная скорость, можно бы подумать, что это подводная лодка какой-нибудь особой конструкции, идя полным ходом и разрезая носом воду, образует смерч от слишком быстрого движения.

Непонятное явление продолжалось минуты две и столб воды, поднятый чем-то гигантским, сильным, быстро промелькнув мимо нас, скрылся на горизонте.

Капитан долго смотрел вслед исчезнувшему смерчу и в конце концов, покачив головой, проговорил:

— Что бы это могло быть?..

— Пятьдесят лет плаваю на воде, — отозвался отставной моряк, — а такого явления ни разу не видел....

— Уж не морской ли это змей... — испуганно встала Анна, до того времени довольно спокойно наблюдавшая загадочный смерч.

Все невольно вздрогнули, но в это время волны, возбужденные смерчем, достигли лодки, которую сильно качало.

* * *

Ночью поднялся туман и мы плыли, ничего не видя в двух шагах, держась направления по компасу.

Часов около девяти вечера все собрались поплотнее в кружок на корме и капитан, чтобы скоротать время, при-

нялся рассказывать какую-то историю. Только что он начал говорить, как вдруг приостановился и стал прислушиваться. Насторожились и мы. Из темноты до нас отчетливо донесся сначала слабый, потом все усиливающийся звук сирены.

— Корабль... — радостно вырвалось у Брэдли. — Корабль...

Но звук все рос, ширился, креп, пока наконец не заполнил весь окружающий нас воздух. Дойдя до высокой резкой ноты, звук на мгновение оборвался и перешел в вопль, полный горя и страдания, вопль мучившегося в предсмертной агонии человека... Мы слушали, как зачарованные, не смея шевельнуться.

— Капитан, — вдруг прервал наше молчание боцман странным голосом. — Это оно... Помните... Тогда, в южных морях...

Капитан вздрогнул и заметно побледнел:

— Глупости говоришь, Джон... Этого не может быть... — не совсем уверенно возразил он.

— Оно! Оно!.. — настаивал боцман. — Я никогда не забуду этого воя... Помните, как мы все напугались тогда...

Капитан промолчал и разговор оборвался. Каждый погружился в невеселые размышления и только Анна крепче прижалась к моему плечу, как бы ища у меня защиты.

* * *

На восьмой день в обед вахтенный матрос на носу лодки заметил какой-то большой темный предмет, плывший впереди нас, почти что на пути нашего следования.

Капитан, немного поколебавшись под влиянием таинственных звуков, слышанных накануне, приказал повернуть лодку.

Когда мы подошли вплотную к темному предмету, то увидели остатки огромного кита, начавшего уже разлагаться. Это был не труп целого кита, а именно остатки животного. Хвост и часть туловища были оторваны, а на остав-

шемся корпусе виднелась глубокая борозда шириной в поларшина. Впечатление получалось, будто бы кто-то ударил кита гигантской лапой, разорвал его пополам и коготь этой фантастической лапы оставил на туловище след.

— Кто бы мог его так разделать?.. — спросил Брэдли. — Такую махину не так-то легко разорвать...

— Это... Оно... — мрачным голосом ответил боцман.

— Будет тебе вздор-то болтать, — сердито перебил капитан. — На кита или наскочило судно, или он попал в подводное извержение... Во всяком случае, он уже достаточно протух и нам пользы не принесет. Будем двигаться дальше.

Говоря так, капитан с беспокойством озирался кругом, внимательно осматривая горизонт, и было заметно, что если он и возражает боцману, то далеко не с обычной уверенностью в своей правоте.

* * *

К вечеру мучения жажды усилились. Особенно страдала Анна. Бессильно склонив свою милую головку ко мне на плечо, она, как ребенок, бессознательно шептала:

— Пить... Пить...

Чего бы я не отдал в этот момент за стакан воды, чтобы не слышать ее душераздирающего просящего шепота, шепота страдающего ребенка.

Мы все мучились ужасно. Кругом было много воды, целый океан, а мы страдали от жажды... Это еще больше усиливало мучения, так как каждый момент напоминало о воде.

Капитан сидел, мрачно насупившись, а старый отставной моряк поминутно бросал взгляды, полные страдания и жалости, на дочь. Привыкший за свою полную приключений жизнь ко всевозможным лишениям, он страдал гораздо больше за Анну, чем от недостатка воды.

Эта кошмарная ночь тянулась особенно долго. Казалось, ей конца не будет. На минутку я забывался в полусне, но тотчас же просыпался и жажда с удвоенной силой начинала мучить меня. В короткие минуты забытья я видел реки, окаймленные полосой яркой зелени, озера и массу воды, воды, которую я пил без конца, погружался в нее, разбрызгивал руками...

Анна лежала бессознательно на моем плече, которое отекло, но я боялся шевельнуться, чтобы не разбудить девушку и не заставить ее переживать то, что переживали мы.

Так прошла ночь...

* * *

Едва только на горизонте появилась светлая полоса зарождающегося дня, как вахтенный матрос громко, радостным голосом закричал, сразу разбудив всех:

— Земля! Земля!..

Все вскочили на ноги, едва не опрокинув лодку, и с замиранием сердца смотрели на темную линию на горизонте, едва заметную в полумраке рассвета. Даже Анна приподнялась, несмотря на слабость. Но сомнения не могло быть. Перед нами была земля, земля, где мы найдем воду, утолим жажду, будем пить, пить без конца... Это первое, что пришло нам в голову.

— Бензина... Давайте бензина... — громко закричал капитан.

Через минуту лодка, мерно отсчитывая удары, быстро неслась к неизвестной земле, на которую мы смотрели взором, полным надежды, как на нашу спасительницу.

— А вдруг там нет воды... — заметил один из матросов.

— А, чтоб тебя... — со злостью выругался боцман. — Сидел бы лучше да молчал...

Мы все невольно вздрогнули. А вдруг, действительно, там нет воды?.. Но земля была впереди, а в ней была надежда.

Через час лодка подошла настолько близко, что мы могли уже видеть в бинокль на вершинах гор отдельные деревья.

— Раз есть растительность, есть и вода... — сказал капитан и все облегченно вздохнули, как будто с плеч спала громадная гнетущая тяжесть.

Жадными глазами глядели мы на приближающуюся землю и не могли дожидаться минуты ступить на твердую почву, напиться, отдохнуть после девятидневного странствования на углой, хрупкой, могущей ежеминутно пойти ко дну лодке.

Приблизившись, мы прежде всего увидели груды нагроможденных друг на друга скал, о которые с шумом и пеной разбивались волны прилива. Пристать было негде и мы разочарованно поникли головами, сердясь на эту новую задержку.

Капитан направил лодку вдоль западного берега. Прошло полчаса. Те же скалы, тот же хаос из камней, пены и воды. Мы начали уже терять надежду, как вдруг капитан заметил небольшой проход между двух нависших скал и направил туда лодку, которая, проскользнув в узкое отверстие, очутилась в небольшой естественной бухте, отгороженной от моря грядой в беспорядке разбросанных скал и камней.

Перед нашими глазами расстилалась песчаная отмель около полуверсты шириной, далее были видны высокие, кажущиеся недоступными горы, покрытые скудной растительностью. Посредине отмели, причудливо изгибаясь, протекал небольшой ручей, к которому капитан тотчас же направил лодку.

Едва только лодка подошла к берегу, все бросились к пресной воде и пили, пили без конца.

Я никогда еще не испытывал такого наслаждения, как в эти минуты, захватывая полные пригоршни воды, набирая ее полный рот, обливая себе голову, лицо, шею...

Утолив жажду, я вспомнил об Анне. Девушка была так слаба, что не могла выйти из лодки и молча смотрела на нас жадными глазами. Мне стало стыдно, что животная по-

требность поскорее напиться самому заглушила во мне чувство человечности и, быстро вернувшись к лодке, я взял большую кружку, наполнил ее водой и отнес девушке, которая благодарно, со слезами на глазах смотрела на меня.

Напившись воды и вытащив лодку на берег, мы внешне почувствовали такую усталость, что тотчас же, завернувшись в одеяла, легли спать и проспали, как убитые, целый день и всю ночь до следующего утра.

Было как-то странно после томительного девятидневного пребывания на лодке чувствовать под собой твердую почву и я с наслаждением потягивался на мягком прибрежном песке.

* * *

Утром меня разбудили горячие лучи солнца и я вскочил, протирая глаза, не веря себе, что я уже не на море, а на твердой земле, что мне не угрожает ежеминутная опасность попасть на обед рыбам.

Едва только я успел умыться, привести в порядок туалет и напиться холодной воды, которую я пил с особым наслаждением, как редкий напиток, ко мне подошел Брэдди, вставший раньше меня, и предложил пройти по берегу поискать чего-либо съестного. Я охотно согласился, тем более что и меня самого интересовало поближе познакомиться с островом, куда нас занесла судьба и где мы должны будем провести неизвестно сколько времени, возможно, всю жизнь...

Пробираясь между скал и рискуя ежеминутно сломать ноги, мы направились вдоль песчаной полосы, держа направление к югу. В скором времени мы вышли на небольшую площадку, свободную от скал, покрытую мелким морским песком, на котором были разбросаны в беспорядке несколько больших темных камней. При нашем приближении камни эти задвигались в разные стороны. Я отскочил в ужасе...

— Черепахи!.. — радостно воскликнул Брэдли. — Живой черепаховый суп... Помогите-ка перевернуть.

Соединенными усилиями мы перевернули сопротивляющуюся черепаху на спину, потом другую, третью.

— Ну, довольно! — остановил Брэдли. — Пока хватит.

Оставив черепах, которые сами без посторонней помощи не могли перевернуться и уйти, довольные удачной охотой, мы свернули к горам, отстоявшим от нас в полумиле.

С трудом преодолев препятствия в виде беспорядочно нагроможденных скал и камней, мы наконец добрались до подошвы горы и увидели, что она не так недоступна, как это казалось издали. Подъем был возможен, хотя, правда, с большим трудом, так как гора была очень крута и нависшие скалы грозили каждую минуту оборваться.

Пока мы стояли и рассуждали, каким способом удобнее подняться на вершину, по ту сторону горы послышался сильный шум, гул и треск, продолжавшийся минут пять, потом раздался сильный плеск волны и все стихло.

— Обвал, — сказал Брэдли. — Видите, как опасно взбираться на эти горы... А все-таки попытаться надо... когда отдохнем получше.

— Попытаемся.. — ответил я. — Да и интересно, что находится за этими горами...

Мы вернулись в лагерь и застали всех уже вставшими.

Черепаховый суп доставил всем огромное удовольствие, особенно же когда узнали, что черепах много и, следовательно, вопрос о продовольствии на время отпадает.

За обедом решили, прежде чем начать осмотр острова, отдохнуть несколько дней и набраться сил после перенесенных волнений.

* * *

Весь вечер я провел с Анной, гуляя по прибрежной полосе и ведя бесконечные, ничего не значащие разговоры. Анна, еще не совсем оправившаяся от болезни, опиралась

о мою руку и мне было особенно приятно чувствовать ее молодое горячее тело около себя, особенно в такой обстановке, где я мог быть ее защитником и спорой.

Выспавшись накануне, нам не хотелось уходить в пещеру, служившую нам спальней, и после ужина, отойдя от лагеря, мы сели на камне у самого моря, наслаждаясь и дивным теплым вечером и тем, что мы находимся на твердой земле. В лагере все уже легли спать, когда вдруг до моего слуха донесся с той стороны горы отдаленный плеск воды.

Мало-помалу плеск становился все отчетливее, пока наконец не перешел в один сплошной гул разбрызгиваемой какой-то чудовищной силой воды. И вдруг до нас ясно донесся звук довольного пофыркивания какого-то гигантского животного. Звук этот на мгновение заполнил воздух, затем послышался шум от падающих камней, продолжавшийся несколько минут, и все смолкло.

В ужасе мы сидели, прижавшись друг к другу, не зная, чем объяснить слышанное, не зная, что предпринять, пока наконец дрожащая от страха Анна не встала и повлекла меня за собой к лагерю, где все уже спали и никто не слышал странных звуков.

* * *

Ночь я спал беспокойно, просыпаясь каждые полчаса и подолгу прислушиваясь, не повторится ли слышанный мною звук, пока наконец не наступил рассвет.

Едва только стало достаточно светло, я разбудил Брэдли и предложил ему пройтись. Жизнерадостный ирландец быстро вскочил и, кое-как наскоро умывшись, последовал за мной. По дороге я рассказал ему все происшедшее накануне и Брэдли сомнительно покачал головой:

— Мне думается, — сказал он, — что вам все это помешалось... просто напряженные нервы после...

Но он не успел договорить: сильный шум от падавших по ту сторону горы камней перебил его. Затем, как и нака-

нуне, слышался мощный плеск волны, все усиливающийся, среди которого мы ясно слышали повторенное несколько раз довольное пофыркивание. Затем все смолкло.

По силе звука можно было судить о величине животного, которое должно было быть огромных, невиданных размеров.

— Что за чертовщина?.. — воскликнул Брэдди. — Что это может быть?..

— Оно... — сорвалось у меня, вспоминая слова боцмана.

Про охоту мы забыли и молча вернулись к лагерю, не зная, что делать.

После обеда я отозвал капитана и рассказал ему все, не пропуская ни одной подробности. Капитан молча выслушал рассказ и, ничего не ответив, вернулся на свое место. Брэдди не удержался и посвятил всех в тайну горы, как он окрестил загадочные звуки. Вечером никто не хотел ложиться спать и все, сидя у костра, ждали событий.

* * *

Спустя приблизительно час после того, как стемнело, до наших ушей донесся сильный плеск воды, затем гул от падающих скал. Гул все приближался к нам и вдруг масса камней и земли покатилась на нашу сторону. Внезапно какой-то тяжелый предмет со свистом пронесся в воздухе и грузно упал в нескольких шагах от костра. Еще некоторое время слышался шум, уже по ту сторону горы, и затем наступила тишина.

Брэдди первым опомнился и бросился к упавшему предмету, осветив его горячей головней.

Это была небольшая дикая коза, еще трепетавшая в предсмертных конвульсиях.

Какая нечеловеческая сила сбросила ее с горы, заставив пролететь в воздухе такое расстояние?

Новая необъяснимая загадка...

Козочка, сделав несколько конвульсивных движений, вытянулась и замерла, и капитан, подойдя, поднял ее и стал разглядывать.

— Это какой-то мешок с костями... — ворчал он, ощупывая животное. — Ни одной целой кости... Все разбито вдребезги...

В этот же день, несмотря на страх, мы отлично поужинали свежим мясом козы, которое оказалось великолепным.

Брэдди весь вечер был серьезен и, против обыкновения, не проронил ни слова. После ужина он обратился к капитану:

— Разрешите, капитан, мне завтра утром подняться на гору... Так жить под вечным страхом неизвестного положительно невозможно... Лучше уж что-либо одно...

Капитан вначале ни за что не хотел отпустить Брэдди, но потом согласился, поставив ему условие не идти дальше вершины горы.

Я заикнулся было сопутствовать ирландцу, но капитан решительно отклонил мою просьбу:

— Нас и так мало, — сказал он. — Если уж рисковать, то пусть рискует один... Кроме того, одному легче спрятаться в случае опасности...

Я не стал возражать и украдкой взглянул на Анну, глаза которой сияли радостью, видя, что капитан отказал мне в разрешении сопутствовать Брэдди в его экспедиции.

* * *

Когда на следующий день я проснулся, Брэдди уже не было. Очевидно, он ушел еще ночью, чтобы к рассвету начать уже подъем.

Взобравшись на высокую скалу около лагеря, я не спускал глаз с линии гор и одно мгновение мне показалось, что на неясном еще фоне неба мелькнула фигура лейтенанта.

Так я просидел более часа, когда до моего слуха донесся знакомый грохот осыпающихся камней и в то же время прозвучали, один за другим, два выстрела. В воздухе пронесся резкий яростный рев, заставивший всех спавших в лагере в страхе вскочить на ноги. Некоторое время раздавался сильный грохот, как бы от разбрасываемых во все стороны камней, затем плеск воды, после чего, как всегда, наступила тишина. Только легкий шорох от продолжавшей осыпаться земли еще долго был слышен в тишине наступавшего утра.

* * *

Напрасно прождали мы Брэдди к обеду, напрасно прождали весь вечер, — ирландец не возвращался. Утром на следующий день, взволнованный больше, чем хотел это показать, капитан предложил мне сопровождать его вместе с боцманом и одним матросом для розысков пропавшего лейтенанта.

Когда солнце взошло и мы слышали хорошо знакомый нам всплеск воды, отряд двинулся к горам, подниматься на которые оказалось значительно легче, чем это можно было предполагать. Правда, местами приходилось взбираться по почти отвесным скалам, но все же часа через полтора мы достигли вершины и остановились, с восторгом любуясь открывшейся панорамой.

Горы, на которых мы стояли, представляли из себя гряды высоких скал, слегка загибавшуюся к востоку и отделявшую отмель, где мы помещались, от остальной части острова. Под нашими ногами расстилалась длинная песчаная отмель с открытым выходом в море, не загороженным скалами. Далее, подернутый легким туманом, ярким пятном расстилался густой лес, тянувшийся верст на шесть, затем груды скал и далее беспредельная синева моря.

Как и предполагали, мы находились на острове, но на каком, где, в какой части света?.. В продолжение трех дней

буря нас несла неизвестно куда, потом девятидневное странствование почти наугад на моторной лодке. Определить местоположение острова за отсутствием инструментов было невозможно и капитан, тяжело вздохнув, провел рукой по мокрому лбу, как бы отгоняя какую-то мысль, и решительно проговорил:

— Брэдди надо найти во что бы то ни стало... живого или мертвого. Давайте спускаться. Чудовище, если оно действительно существует, по-видимому, на день уплывает в море, так что непосредственной опасности нет... Кто не согласен идти, тот может вернуться в лагерь.

Все, конечно, согласились, тем более, что Брэдди был общий любимец за свой веселый, никогда не унывающий характер.

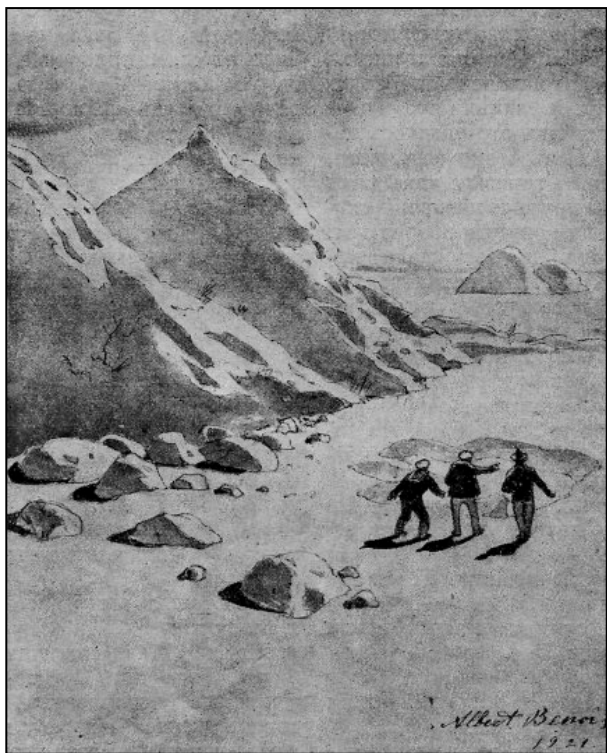
Разделившись на две группы для удобства поисков, мы стали осторожно спускаться к отмели, боязливо оглядываясь во все стороны. Спускаться было гораздо легче, чем подниматься, так как с этой стороны гора была очень покатая и мы без труда через какие-нибудь полчаса достигли подошвы.

Отмель была ровная, гладкая, как паркет. Мелкий морской песок казался утрамбованным, небольшие камни были вдавлены в землю и только несколько больших скал живописными группами раскинулись на белом ковре площадки. Укатанный песок был настолько тверд, что ноги совершенно не вязли и мы легко шли, как по асфальту.

Пройдя несколько сот шагов и завернув за большую скалу, капитан, шедший впереди, чуть не упал в глубокую яму метров семь длиной и около пяти шириной. Яма была, очевидно, недавнего происхождения, так как на дне ее находился влажный песок, хотя дождей давно уже не было.

— Кто бы это мог выкопать?.. — проговорил капитан, ни к кому не обращаясь. — Одно только ясно, что выкопана яма недавно. Посмотрите, на дне еще сохранились следы подпочвенной влаги... Песок совершенно мокрый...

— Поглядите, капитан... — вдруг с ужасом в голосе воскликнул старый боцман, — посмотрите на форму ямы... Это след.. Это оно...

— *Посмотрите на форму ямы... Это след! Это оно!..*

Одного общего взгляда на контур ямы было достаточно, чтобы убедить нас в правдивости предположения боцмана. Яма имела резко очерченную форму гигантской лапы и даже следы от громадных когтей ясно отпечатывались на одной из ее сторон.

— Это или удивительная игра природы, — серьезно сказал капитан, окончив осмотр ямы, — или след животного чудовищного, поражающего размера...

* * *

Мы двинулись дальше, переходя от скалы к скале, чтобы иметь возможность укрыться в случае опасности.

Внезапный громкий крик матроса, зашедшего за одну из скал, остановил нас и мы бросились к кричавшему, думая, что он подвергается опасности. Матрос стоял над какой-то бесформенной кровавой массой и жестами звал нас подойти.

Это был труп человека, но Боже, в каком виде... Туловище было вдавлено в песок и совершенно расплюснуто, представляя из себя лепешку из мяса, костей, крови и обрывков одежды. Вместо головы кровавое пятно.

— Брэдди... — воскликнул капитан, поднимая лежащую поблизости морскую фуражку. — А вот и его ружье... — и капитан, взволнованный, со слезами на глазах, снял фуражку.

Все последовали его примеру.

* * *

Похоронив останки ирландца, погибшего столь трагической смертью, с тяжестью в душе и в страхе от ежеминутно грозящей неизвестной опасности, мы двинулись к лесу, желая использовать остаток времени, чтобы осмотреть его хоть поверхностно. Дойдя до леса, мы пошли вдоль опушки и вдруг остановились, пораженные странным зрелищем: перед нами открывалась большая поляна, врезающаяся в лес метров на пятьсот и так же гладко утрамбованная, как и отмель.

Громадные вековые деревья, вывороченные с корнем, были втоптаны в землю; сучья, ветки, все представляло один ровный твердый настил, по которому так же было удобно и ловко ходить, как по паркету.

Осматривая поляну, мы недоумевали, какая чудовищная сила могла сделать такую колоссальную работу, на которую понадобились бы месяцы при тысяче рабочих с усовершенствованными инструментами...

Когда окончили осмотр поляны, солнце стояло уже высоко и капитан решил двигаться обратно.

Взобравшись на гребень горы без всяких приключений, мы долго стояли, напряженно всматриваясь в горизонт в надежде увидеть какой-нибудь корабль, который бы увез нас из этого проклятого места.

— Не устроить ли нам здесь дневную вахту? — спросил боцман, обращаясь к капитану. — Возможно, что вдали будет проходить корабль, можно зажечь костры...

— А что же, это мысль... Днем здесь стоять безопасно.

На том порешили и на следующий день, после обычного обвала и всплеска, матросы по очереди взбирались на гору и наблюдали горизонт до тех пор, пока не начинало темнеть.

Напуганный загадочной смертью Брэдли, капитан строго воспретил кому-либо спускаться с горы на ту сторону и мы жили в вечном страхе, так и не зная, что за чудовище обитает на утрамбованной северо-восточной отмели острова.

* * *

Прошло две недели. Положение наше не изменилось ни к худшему, ни к лучшему. Единственное, что утешало нас, это обилие воды и пищи: черепах было много, кроме того, матросы устроили удочки и ежедневно приносили несколько десятков больших рыб, которых было очень много в бухте.

На двадцать четвертый день нашего пребывания на острове, внезапно утром с вершины горы раздался выстрел и в тот же момент к небу взвился столб дыма от подожженного на горе костра.

Огромная груда сухих веток и хворост еще заранее по приказанию капитана были сложены на вершине горы и должны были быть подожжены в случае появления на горизонте корабля.

Мы все бросились на гору и даже Анна, уже оправившаяся от потрясений, следовала за нами. Ее отец, несмотря на свои годы, также не отставал от всех.

Едва только мы добрались до вершины, как до нас донесся радостный крик дежурного матроса, показывающего рукой на горизонт...

— Корабль! Корабль!..

Вдали на гладкой поверхности моря едва заметной темной точкой вырисовывался неясный корпус корабля и длинная полоса черного дыма тянулась далеко за ним по горизонту.

Мы с замиранием сердца следили за приближающимся кораблем, несущим нам надежду на спасение. Вдруг он изменит курс, не обратит внимания или не заметит нашего сигнала... Анна, вся трепещущая, прижалась ко мне и ее маленькая ручка бессознательно пожимала мою руку, ободряя меня и подавая мне надежду.

Корабль становился все яснее и мы уже могли различать его оснастку. Вдруг на корабле показалось белое облако дыма и до нашего слуха донесся звук выстрела. Нас заметили.

Громким ура мы приветствовали этот сигнал, которым мы снова связывались с отрезанным от нас миром. Восторг охватил всех, мы радовались, смеялись, кричали, бегали, как дети. Один только боцман стоял, мрачно насупившись, и пристально смотрел вдаль.

— Оно... — вдруг отчаянным воплем вырвалось у старика. — Оно...

Вдали на горизонте появился высокий смерч, окруженный белой пеной, с невероятной быстротой несущийся к острову. Пройдя полпути в течение какой-нибудь минуты, смерч свернул в сторону и направился к кораблю. Мы с замиранием сердца следили за происходившим, не смея вздохнуть, боясь шевельнуться.

Но вот смерч, не изменяя скорости, долетел до корабля, окутал его белой пеной и брызгами, совершенно скрыв от наших глаз. Гигантский черный хвост, имеющий вид огромной змеи, внезапно взвился высоко в воздухе и с шумом,

слышным за десятки верст, ударился о воду, поднимая громадные волны и вздымая столб пены. Все закружилось в каком-то страшном кошмарном хаосе чего-то сверхъестественного, фантастического, жуткого...

Когда немного успокоилось, на месте корабля мы увидели груды обломков и только... Смерч исчез, как будто рассыпавшись при столкновении с кораблем.

* * *

Что это было? Смерч воды, вызванный какой-либо естественной причиной, или кошмарное легендарное чудовище фантастической величины, ломающее корабли, как щепки?.. Мы не могли дать себе отчета, тем более, что виденный нами в хаосе воды хвост чудовища мог просто померещиться или быть подброшенной кверху сломанной мачтой корабля... Первой нашею мыслью было идти на помощь погибавшим, постараться спасти оставшихся в живых, если таковые были.

Вылив в бак остаток бензина, капитан, двое матросов, боцман и я сели в лодку и, поставив мотор на полный ход, понеслись к разбитому кораблю. Но спасти не удалось никого. Все живое погибло при столкновении, сметенное вихрем воды, и только груды обломков да остаток кузова, темной бесформенной массой плавающие на воде, напоминали о когда-то стройном корабле с высокими мачтами, гордо закинутыми назад, корабле, в котором мы видели надежду и спасение.

Прежде чем вернуться обратно, капитан решил осмотреть разбитый остов корабля, рассчитывая найти в нем что-либо полезное для нас, а может быть, и кого-нибудь оставшегося в живых. По свешивающейся веревке сначала капитан, а потом остальные взобрались на палубу, оставив одного матроса стеречь лодку, и начали осмотр

Первое, что нам бросилось в глаза — это был, судя по одежде, труп матроса, совершенно расплюснутый так же,

как и Брэдли. Вид окровавленных останков за несколько минут перед тем живого, полного жизни человека был ужасен и мы, обойдя кругом, прошли дальше.

Корма у корабля была совершенно сорвана, нос сильно поврежден, мачты, рубка, все находящееся на палубе как бы сметено гигантской метлой. Сравнительно уцелела только средняя часть корабля, который держался на воде каким-то чудом.

Что это был за корабль, какой национальности, определить не представлялось возможности, так как часть кают-компаний была сорвана вместе с кормой, оставшаяся же часть была залита водой и проникнуть туда было нельзя.

Проходя по палубе, капитан заметил полуоткрытую крышку трюма и решил осмотреть его. Я тотчас же последовал за капитаном. Трюм был почти сух и, едва только я сделал несколько шагов, как, поскользнувшись, упал, попав рукой во что-то липкое. Подойдя к отверстию, при свете дня я увидел, что мои руки все в крови.

— Капитан, здесь весь пол в крови... — крикнул я.

Один из матросов засветил огонь и при свете фонаря мы увидели недалеко от лестницы труп человека в форме морского офицера, плавающий в луже крови, о которую я поскользнулся. Голова с шеей и рукой были начисто срезаны и остаток туловища бесформенной массой лежал на полу. Около трупа валялся объемистый бумажник, весь испачканный в крови. Капитан поднял его, обтер о брезент, висевший на стене, и спрятал со словами:

— По крайней мере, узнаем, что это за корабль... хотя... в этом маленькое утешение...

Осмотрев трюм, мы нашли несколько ящиков с консервами, которые тотчас же перетащили в лодку. Дальнейшему осмотру помешало начавшееся колебание и капитан, видя, что разрушенный остов судна готов пойти ко дну, хотел уже покинуть трюм, как вдруг взор его случайно упал на несколько металлических бочек в углу трюма.

— Бензин!.. — радостно воскликнул он. — Заберем хотя бы одну бочку... Ну-ка, наляжем...

С трудом перетащив две тяжелые бочки с бензином, мы оттолкнули лодку от корабля и поплыли к острову. Когда лодка подходила к скалам, послышался сильный треск. Пергородки трюма, не выдержав напора воды, лопнули и корабль, повернувшись на бок, медленно, как бы нехотя, стал погружаться в воду.

Капитан и матросы, сняв шапки, набожно перекрестились, с грустью смотря на постепенно исчезающие в глубине моря остатки шхуны.

В бумажнике, кроме денег, ничего не оказалось, никакого клочка бумаги, могущего пролить свет на происхождение корабля, и капитан, после долгого размышления, решил поделить поровну между всеми найденную сумму, которая оказалась очень значительной, более пятидесяти тысяч долларов. Но этот случайный приз нас не радовал: мы бы охотно отдали и эти деньги и все, что имели, лишь бы очутиться на палубе какого-нибудь корабля, который вез бы нас куда угодно, лишь бы только покинуть остров с его загадочным хозяином.

* * *

Уже несколько дней в моей голове вертелась неотвязная мысль во что бы то ни стало увидеть таинственное чудовище. В том, что по ту сторону обитает чудовище, я ни минуты не сомневался, хотя никто из нас за все время пребывания на острове ни разу не видел его.

В тот же день вечером я подговорил одного молодого матроса, Боткинса, и на следующее утро, не говоря никому ни слова, мы взяли с собой винтовки, перебрались через горы и спустились на отмель.

План наш был прост: до вечера мы охотимся в лесу, где и переночуем, а на рассвете подойдем крадучись к опушке и будем наблюдать. Таким образом мы убьем двух зайцев: и увидим чудовище и пополним запасы свежей провизией.

Солнце едва только взошло и скорого возвращения чудовища ждать было нельзя; поэтому мы сравнительно спокойно углубились в лес в надежде встретить какую-нибудь дичь.

...Лес, очень густой вначале, вскоре стал редеть...

Лес, очень густой вначале, вскоре стал редеть и мы вышли на большую поляну, окруженную со всех сторон вековыми деревьями. На поляне мирно паслись штук десять-двенадцать диких коз. Боткинс приложился и выстрелил, убив наповал ближайшую козу, которая, высоко подпрыгнув, неподвижно растянулась на земле. Оставшиеся животные даже не повернули головы, продолжая щипать сочную траву. Очевидно, звук выстрела им не был знаком, к шуму же и грохоту, ежедневно производимому чудовищем, они привыкли. Я, в свою очередь, не торопясь приложился, выбрав мишенью молодую козу, которая упала, как подкошенная. В это время матрос случайно ступил на сухую ветку, которая с треском сломалась и все стадо в одно мгно-

вание исчезло с поляны.

Незнакомый, не слышанный еще звук выстрела не испугал пугливых животных, знакомое же хрустение ветки, обозначающее приближение врага, сразу разбудило инстинкт самосохранения.

Зная, что теперь стадо настороже, мы не продолжали охоту, но, подобрав убитых коз, расположились под большими деревьями и принялись готовить себе обед.

Плотно пообедав мясом дикой козы, которое после консервов и черепахового супа показалось нам особенно вкусным, мы, отяжелев от обильной пищи, легли спать и проснулись только перед вечером, когда начало уже темнеть.

Быстро добравшись до опушки, в полной уверенности, что чудовища еще нет, мы, громко разговаривая, вышли на отмель и, сделав по ней несколько шагов, остановились как вкопанные, замерев от ужаса. Волосы на голове поднялись дыбом и мы стояли в полубесчувственном состоянии, не зная, что делать. Прямо перед нами громадной скалой повисла ужасная голова чудовища. Туловище и хвост заняли почти всю отмель, а громадная лапа его лежала всего в нескольких шагах от нас. Не смея шевельнуться, мы, как зачарованные, смотрели на кошмарную фантастическую голову, которая была ужасна.

Громадная открытая пасть с отвисшими губами, из-за которых вырисовывался ряд клыков величиной с бивни взрослого слона, издавала смрадное дыхание, окутывавшее одуряющей волной; большие красные глаза, налитые кровью, яростно глядели на нас, осмелившихся нарушить покой этого фантастического властителя морей. Густая спутанная грива, как у лошади, свешивалась по обе стороны длинной шеи чудовища, придавая ему еще более кошмарный вид, а торчащие из гривы не то уши, не то рога напоминали облик дьявола. За шеей шло массивное темное туловище, постепенно переходя в длинный, как у ящерицы, хвост, которым животное яростно било по отмели, вздымая целые горы песка. В общем чудовище напоминало громадную, неслыханных до того размеров, ящерицу и только гривой и отчасти формой головы отличалось от последней.

...Боткинс вскинул винтовку, заряженную разрывной пулей и, прицелившись в глаз чудовища, спустил курок...

Боткинс, не будучи в состоянии дальше выносить зрелище, вскинул винтовку, заряженную разрывной пулей и, прицелившись в глаз чудовища, спустил курок. Я ясно видел, как от действия разрывной пули лопнула роговая оболочка и чудовище, испуская яростные крики, занесло над нами лапу. Я машинально отскочил в сторону и бросился к лесу. Сзади до меня донесся ужасный вопль матроса и, когда я оглянулся на ходу, то увидел, как гигантская лапа чудовища, опустившись на матроса, постепенно двигается, раздавливая его так, как давят клопа на стене.

Как я добежал до поляны, не помню. Помню только, что, выйдя на открытое место, я свалился на траву, не будучи в состоянии двинуться от ужаса пережитого...

Так я пролежал в полузабытьи до рассвета и до моего слуха все время доносился страшный грохот с отмени, где пришедшее в ярость от боли чудовище било и ломало все. Я слышал глухой треск от падавших вековых деревьев, сбитых мощным хвостом морского великана. Глыбы земли и камней с плеском падали в воду. Наконец, когда начало уже светать, послышался громкий продолжительный всплеск и наступила тишина.

Пользуясь отсутствием чудовища, я бросился к опушке, желая пробраться к лагерю. Но Боже, что сделалось с отменью! Я ее не узнал. Песок был взрыт, образуя целые горы, громадные деревья в беспорядке раскинуты, всюду целый хаос из камней, скал, деревьев и земли...

* * *

Как я добрался до лагеря, не помню и только через несколько часов, придя в себя, сумел рассказать все. Капитан слегка побранил меня, но тотчас же, видя мое возбужденное состояние, переменил тон и стал успокаивать. Анна, дрожа всем телом, слушала мой рассказ и крупные слезы текли по ее щекам, когда я передавал о тех опасностях, которым подвергался. Даже старый моряк в волнении ходил

взад и вперед с давно уже погасшей трубкой, а боцман беспрестанно повторял:

— Это оно... Оно... То самое чудовище, которое мы видели пятнадцать лет тому назад в этих морях...

Поздно ночью вернулось чудовище на остров и в ярости от не прошедшей еще боли стало крушить лес, думая, по всей вероятности, найти там причинившее ему боль существо.

Мы слышали гулкие тяжелые удары исполинского хвоста, треск ломающихся деревьев, яростное ворчание и вой. Потом чудовище взобралось на вершину горы и, заметив огонь от костра, пришло еще в большую ярость. Громадные скалы летели вниз под мощными ударами обезумевшего исполина. Его огромный контур кошмарным пятном вырисовывался на фоне неба. Чудовище делало попытки спуститься вниз, но, очевидно, не решалось или благодаря крутизне горы или по каким-либо другим, неизвестным нам соображениям. Мы поспешили загасить огонь и через некоторое время животное успокоилось.

Наутро мы увидели следы разрушения. Часть горы была как бы сметена и осыпавшееся скалы и земля образовали довольно пологий скат, по которому чудовище уже свободно могло спуститься вниз. Со страхом мы ждали вечера.

Анна все время в ужасе повторяла:

— Господи, что будет... Что будет... Лучше смерть!..

А я готов был отдать последнюю каплю крови, чтобы только избавить ее от опасности... Но что я мог сделать...

* * *

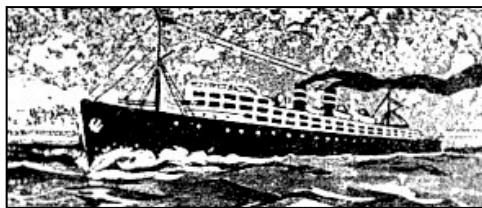
Вечером, едва только стемнело, чудовище опять появилось на скалах и с удвоенной яростью стало сбрасывать вниз скалы, камни и груды земли. Тяжелые удары могучих лап и хвоста болезненно отзывались в наших сердцах и всем было ясно, что животное крушит гору не в бессозна-

тельной ярости, а готовит себе спуск к отмели, чтобы уничтожить всех нас. Огромные камни докатывались до лагеря и мы принуждены были спрятаться за скалами, чтобы не быть раздавленными, а чудовище безостановочно продолжало свою разрушительную работу.

Небо было светлое и мы отчетливо видели высоко вздымавшийся могучий хвост ящера, ритмически разбивающий гору, и с каждым его ударом нам казалось, что смерть, ужасная, кошмарная смерть, все ближе и ближе подвигается к нам и ее холодное дыхание уже проникает в наши души и леденит нашу кровь.

Проработав некоторое время, чудовище сделало попытку спуститься вниз, но не решилось и ушло к себе.

Когда все замолкло, мы, не сговариваясь, бросились к лодке, наскоро погрузили в нее все наше несложное имущество, не позабыв захватить с собой два бочонка с водой, и с замиранием сердца, чтобы не разбудить чудовище стуком мотора, отплыли, держа направление на восток, и дали лодке полный ход.

На шестые сутки мы встретили судно, которое нас подобрало и доставило в Америку.

Рассказывая за стаканом грога в кают-компании наши приключения, капитан говорил, пытаясь объяснить существование подводного исполина на поверхности:

— Чудовище, которое мы видели на острове, я уже встречал один раз в южных морях и мне думается, что, выкинутое извержением из недр моря, животное было так сильно ранено, некоторые части его туловища были настолько по-

вреждены, что оно навсегда потеряло способность жить в глубине морей, где мускулы должны были быть все время в страшном напряжении, чтобы выдерживать колоссальное давление столба воды. Поэтому оно принуждено было остаться на поверхности, выбрав себе пристанищем этот необитаемый остров, лежащий в стороне от пути следования кораблей. Что же касается козы, сброшенной к нам сверху, то она, по всей вероятности, случайно попала под удар страшного хвоста чудовища... Другого объяснения я не нахожу...

* * *

Устроив в несколько дней дела фирмы, по которым я был послан в Америку, и сговорившись заранее с отставным моряком, с которым мы условились ехать обратно вместе, я наконец, купив себе место на большом пассажирском пароходе, отплыл в Англию, куда и прибыл благополучно, без всяких приключений.

Едва только я успел приехать, как меня обступили со всех сторон корреспонденты и одна солидная фирма предложила мне уступить ей мои заметки, которые я вел на острове.

Я согласился и получил за тетрадь пять тысяч долларов, что вместе с имевшимися у меня семью тысячами — моей долей из денег, найденных на разбитом корабле и экономией от командировки, — составило ровно тринадцать тысяч долларов. Кроме того, директора фирмы, в которой я служил, подкупленные тем, что несмотря на пережитые приключения, я все же вполне добросовестно исполнил возложенное на меня поручение, предложили мне место заведующего отделением с очень приличным окладом.

Поэтому я решился просить у старого отставного моряка руки его дочери, со стороны которой, я рассчитываю, не встретится особенных препятствий. По крайней мере, она мне так сказала, когда мы стояли на палубе корабля, подхо-

дившего к Гавру, и я крепко обнимал ее за талию...

О чудовище я буду вспоминать с чувством ужаса и вместе с тем с благодарностью, так как, главным образом, благодаря ему мне удалось приобрести любимую жену, мою дорогую маленькую Анну.

КОЛЬЦО ИЗИДЫ

Повесть

Повѣсть П. КАРЕЛИНА

Иллюстраціи худ. КЕРН.

Странные приключения Мюри Ворта до того невероятны, что я бы никогда не осмелился предложить их читателям, если бы, во-первых, не то полное доверие, какое я питаю к Мюри, а во вторых, эта рана, полученная им, которую уж во всяком случае Мюри сам себе не стал бы наносить только для того, чтобы поверили его истории.

Потом, это странное золотое украшение с изображением змеи, какие делались только в Египте, этот уреус, символ права на жизнь и смерть, носить который могли только члены семьи фараона...

Этот уреус, вычеканенный из золота и расцвеченный яркой цветной эмалью, не оставлял сомнений в своем происхождении. Такие предметы, особенно же покрытые неизвестным нам до сих пор способом эмалью, изготовлялись только в древнем Египте. Кроме того, вещь была совершенно новая, по-видимому, только недавно вышедшая из рук мастера... Да и Мюри Ворт вовсе не был настолько

богат, чтобы купить такую драгоценность. Другим же способом уреус попасть к нему не мог, так как в честности и порядочности Мюри я ни минуты не сомневаюсь.

Да и другие мелочи, на которые я раньше не обращал внимания, все это говорит за то, что с Мюри действительно произошла эта таинственная непонятная история, объяснить которую я, во всяком случае, не берусь.

Что же касается фактов, известных мне частью со слов Мюри, частью же из личных наблюдений, то за достоверность их я могу вполне поручиться.

Кроме того, Мюри до сих пор здоровствует и может всегда подтвердить изложенное здесь...

* * *

Мюри Ворт окончил Оксфордский университет по классу химии одним из первых и, за неимением ничего лучшего, поступил в магазин золотых вещей Пеккерса в Беккерстрите. Пеккерс в то время увлекался цветным золотом и Ворту путем ряда опытов удалось получить несколько сплавов, один из которых, нежного голубоватого цвета, даже был известен под названием «золото Ворта».

Мюри был высокого роста, без малого шести футов, красивый блондин с большими серыми задумчивыми глазами, удивительно пропорционально сложенный. В университете он много занимался спортом и взял несколько призов во время состязаний, устраиваемых Лондонским спортивным обществом.

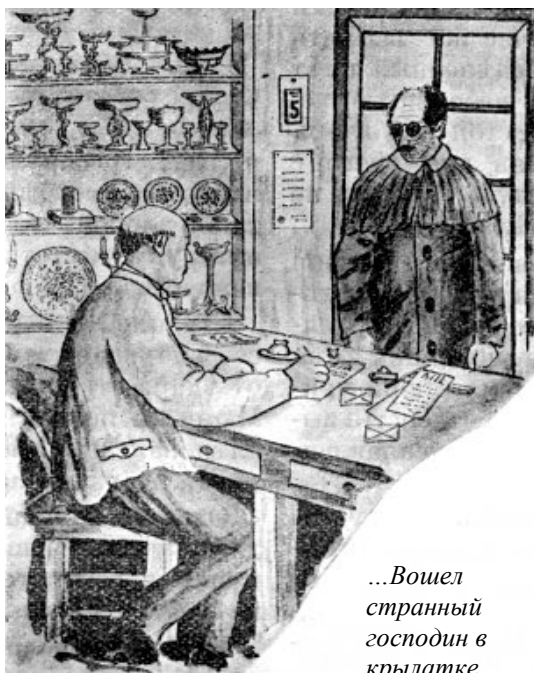
Характера он был покладистого, уживчивого, хотя было видно, что под этим кажущимся добродушием скрывается железная сила воли и любовь властвовать.

Должность, которую занимал Мюри Ворт, при его остром уме и недюжинных способностях, конечно, его не удовлетворяла и он служил у Пеккерса только потому, что, не имея никаких посторонних средств, должен был что-нибудь делать, чтобы не умереть с голода. У Пеккерса он служил

всего месяцев семь, когда случилась эта история.

Как-то раз Мюри, поставив в лаборатории на огонь несколько кусков золота, чтобы его расплавить, зашел в магазин повидать хозяина по какому-то делу, кажется, насколько помню, просить разрешения съездить в Гавр по делам или что-то в этом роде.

Он собирался уже изложить патрону свою просьбу, как дверь в магазин отворилась и вошел странный господин в потрепанной крылатке, с большими темными очками на носу, совершенно скрывавшими его глаза.

*...Вошел
странный
господин в
крылатке...*

— Вы хозяин? — обратился он к Пеккерсу скрипучим хриплым голосом и на утвердительный ответ заторопился высказать свое дело:

— Видите, у меня есть кольцо, очень дорогое, то есть не дорогое, но... но воспоминаниям... Выпал один камень, так надо его вставить... Только чтобы кольцо не подменили как-

нибудь... или камень... — подозрительно закончил незнакомец.

— Помилуйте... — возмутился Пеккерс. — Наша фирма существует столько лет и... если вы не доверяете, то лучше отнесите в другое место...

— Нет, нет... — начал извиняться странный господин. — Я доверяю, вполне доверяю... Поэтому я и пришел к вам... Но это кольцо мне дорого и я бы не хотел потерять его...

Говоря так, он вынул из бокового кармана небольшой футляр, завернутый в цветной носовой платок, и подал хозяину. Пеккерс осторожно развернул футляр и открыл крышку. Стоявший рядом Мюри, заинтересованный предыдущим разговором, заглянул через плечо.

В футляре находилось массивное золотое кольцо, состоящее из двух переплетенных змей, расцвеченных сильно потертой, когда-то яркой эмалью. Посредине искусного сплетения змей было видно гнездо от выпавшего камня.

— А вот и камень... — произнес господин в очках, вынимая из кошелька небольшой изумруд удивительно чистой воды, покрытый таинственными знаками.

Пеккерс с видом знатока долго рассматривал кольцо.

— Отличная работа... Великолепная работа... — повторял он. — Это кольцо очень древнее... очень...

— Да, это кольцо очень древнее... — согласился незнакомец. — Еще времен величия Египта... Поэтому я им так и дорожу...

— О, теперь это вполне понятно, — отозвался Пеккерс. — Так вам надо вставить камень? Отлично! Господин Ворт, будьте так добры, вам по дороге, занесите кольцо в мастерскую, передайте Куртису и предупредите, чтобы он повнимательнее отнесся к работе... Такое кольцо требует особого уважения... — улыбнулся патрон, передавая кольцо Ворту.

Мюри тотчас же вышел из магазина и по дороге надел кольцо на палец, любуясь художественными изгибами золотых змей.

Проходя мимо лаборатории, он услышал шум горна, и, забыв все на свете, боясь, чтобы поставленная им на огонь

смесь для получения цветного золота не испортилась, бросился к печке.

Смесь уже совсем расплавилась и необходимо было тотчас же всыпать порошок, дающий определенный цвет золоту. Мюри достал небольшую металлическую трубку и, стоя над огнем, стал открывать ее, взяв для этого с полки большую отвертку. Крышка не поддавалась. Мюри сделал усилие.

Вдруг отвертка соскочила с края трубки и с силой ударилась о кольцо. Раздался треск, похожий на щелканье пружины, и одна половина змеи открылась. В то же время Мюри увидел, как из открывшегося отверстия высыпался серый порошок на расплавленное золото.

Раздался сильный взрыв, густое удушливое облако с каким-то специфическим запахом, напоминающим не то ладан, не то затхлую сырость подвала, пахнуло в лицо Мюри и он, широко взмахнув руками, повалился без чувств около горна.

Когда Мюри очнулся, огонь в горне уже погас и на дне чашки лежал небольшой комок сероватого металла. Очистив кусок от нагара, Мюри увидел сплав серого оттенка, переливающийся то зелеными, то розовыми цветами. Эти переливы были до того нежны, до того неуловимы, что Ворт более часа стоял, любуясь на полученный металл, пока, наконец, не вспомнил про кольцо, и тотчас же, испугавшись, как бы кольцо не попало в чашку с расплавленным золотом, стал искать его.

Через несколько минут бесплодных поисков он увидел кольцо, лежащее в углу. Изумрудные глаза переплетенных змей смотрели на него так живо, с такой злобой, что Мюри невольно отдернул руку, но тотчас же, улыбнувшись, взял кольцо и стал рассматривать.

Странно. Отверстие, заключавшее в себе порошок и случайно открывшееся от удара отвертки, захлопнулось и как Мюри ни искал, ни выстукивал, ни исследовал при помощи лупы, он не мог найти ни малейшего следа.

Отнеся кольцо к Куртису и передав ему поручение хозяина, Мюри вернулся в лабораторию и принялся снова

рассматривать кусок сплава.

Нежные переливы были так красивы, что Мюри охватило желание оставить его себе. Эта боль при мысли лишиться куска оригинального золота, это ноющее, щемящее чувство разрасталось все больше и охватывало Мюри всего... Чем дольше он держал сплав в руке, тем сильнее, острее чувствовалась боль от возможности потерять его. Голова начинала слегка кружиться, в глазах заходили круги, почувствовался едва уловимый запах ладана и сырого подвала, тело стало цепенеть, кошмарные образы пронеслись перед глазами... Металл жег руки, но бросить его не хватало сил...

...Мюри почувствовал сильную слабость, голова закружилась...

Внезапно, страшным усилием воли Мюри стряхнул с себя оцепенение... И тут у него созрело решение ни за что не отдавать полученный сплав хозяину, а заплатить его стоимость и оставить себе.

Едва только Мюри принял такое решение, как сразу успокоился, как будто с его плеч свалилась громадная тяжесть.

Положив металл в ящик стола, Мюри пошел в магазин, где хозяин без всяких возражений разрешил ему уплатить стоимость истраченного золота.

Вернувшись к себе, Ворт вынул из ящика кусок сплава и, любуясь его переливами, стал думать, что бы из него сделать, и в конце концов остановился на кольце. Решив окончательно, Мюри отправился в мастерскую. В две минуты поладив с Куртисом, он запер лабораторию и пошел домой, унося с собой столь удивительным образом полученный сплав, который завтра должен был превратиться в красивое кольцо.

Вышел он бодрым, довольным, веселым, но чем дальше шел, тем все сильнее слабость охватывала его, ноги отказывались служить, голова начинала кружиться. Несколько раз Мюри останавливался, чтобы собраться с силами, пока, наконец, с большим трудом, едва волоча ноги, поднялся к себе на четвертый этаж.

Вынув кусок сплава, он положил его на стол и тотчас же почувствовал облегчение. Не придавая всему этому значения, Мюри с аппетитом пообедал и, взяв золото, прилег на кушетку.

Слабость на этот раз гораздо быстрее охватила его. Воля, утомленная предыдущей борьбой, все меньше оказывала сопротивление. Голова кружилась.. В глазах появились круги, сначала незаметные, потом все ярче и отчетливее и, наконец, все закружилось в ярком зеленом цвете, цвете изумрудных глаз переплетенных змей. Неясные кошмарные образы стали вырисовываться из тумана... Вдруг Мюри отчетливо увидел страшное лицо старика в странном маскарадном головном уборе.

Лицо было искажено злобой. Острый крючковатый нос с изгибом к нижней губе напоминал клюв хищной птицы. Глаза с ненавистью устремлены на Ворту...

Понемногу лицо стало расплываться, пока не исчезло совсем. Знакомый запах ладана усилился и стал преобладающим. Внезапно в облаке тумана вырисовалось прелестное лицо молодой девушки. Большие черные глаза, словно выточенные из мрамора черты лица, полные, чувственные,

цвета спелой вишни губы и красивые волны слегка вьющихся иссиня-черных волос...

Видение было до того прекрасно, да того соблазнительно, что Мюри, не будучи в состоянии далее владеть собой, вскочил с кушетки и с простертыми вперед руками бросился навстречу к красавице. От порывистого движения кусок, зажатый в руке у Ворта, выскользнул и с тихим звоном, напоминающим стон, последний стон умирающего человека, покатился на середину комнаты.

...Он увидел голову прелестной женщины...

Звук болезненно отозвался в сердце Ворта, но зато заставил его очнуться. Видение исчезло и Мюри, окончательно пришедший в себя, провел рукой по волосам:

— Что за чушь... Уж не болен ли я... Что со мной? Какой странный сон.

Пройдясь несколько раз по комнате, Мюри выпил стакан воды и снова лег на кушетку, но заснуть не мог. Образ прелестной женщины, явившейся в тумане, преследовал Мюри.

— Откуда могло мне пригрезиться?.. Что это за лицо?.. — задавал он себе вопросы, стараясь припомнить среди знакомых лицо, похожее на виденный им среди тумана образ.

Но сколько ни припоминал Ворт, среди всех, кого он знал, не было ни одной женщины, хоть немного похожей на эту красавицу.

Часа через два Мюри немного успокоился и заснул тяжелым лихорадочным сном...

На следующий день, одевшись и позавтракав, Ворт вышел из квартиры, захватив с собой кусок сплава для того, чтобы передать его Куртису.

По дороге повторилось во всех деталях то же ощущение слабости и Мюри едва смог дойти до магазина и принужден был долго отдыхать, прежде чем отнести металл к Куртису в мастерскую.

Условившись относительно формы кольца, Ворт прошел в лабораторию и спокойно принялся за работу, не ощущая больше ни слабости, ни головокружения.

Окончив занятия, перед тем как уйти домой, Мюри зашел к Куртису и застал его бледным, с каплями пота на лице, работающим над кольцом Ворта.

— Ну и металл вы получили, господин Ворт... — встретил его Куртис. — Какое-то дьявольское наваждение... Как только возьмешь его в руки, голова начинает кружиться и от слабости не знаешь, что делать...

— Ну, да вы его уж как-нибудь окончите... — заволновался Мюри.

— Помилуйте... Как возьмешь в руки, голова начинает идти кругом и в глазах начинает мерещиться всякая чертовщина... Если бы это было не ваше кольцо, господин Ворт, я бы давно бросил эту проклятую работу... Ну, да уж только для вас как-нибудь кончу...

На следующий день Мюри, зайдя к Куртису, застал его растерянным и недоумевающим...

— Как хотите, господин Ворт, — начал тот, когда Мюри вошел в мастерскую, — здесь дело нечисто. Это прямо какая-то дьявольщина... Я хочу придать кольцу одну форму, а выходит совсем другое... Прямо, хоть брось... Сорок лет работаю и ничего подобного не видел... Вот, смотрите...

Мюри взял в руки намеченное вчерне кольцо и вместо заказанного рисунка увидел неясные контуры двух переплетенных змей. Чем больше он рассматривал, тем очертания змей делались яснее. Вдруг Мюри показалось, что змеи шевелятся, правда, очень медленно, почти незаметно, но шевелятся, принимая все более резкие очертания.

Мюри протер глаза, посмотрел еще раз и с уверенностью, что ему это показалось, передал кольцо Куртису.

— Что за колдовство?.. — воскликнул тот, взглянув на кольцо. — Поглядите, пожалуйста... Кольцо, как побывало у вас в руках, изменилось... Клянусь вам, что этих змей не было. Они сами явились каким-то непонятным, необъяснимым образом...

Мюри задумался.

— Ну, делайте, что выйдет... — наконец сказал он. — Только поскорей...

Через час Куртис зашел к нему в лабораторию:

— Удивительно... Это кольцо положительно заколдовано... Я не знаю, чем и объяснить... Как только я начал делать змей, они как будто сами вырастали. Вот, поглядите... В другое время над такой работой я просидел бы дня два, а теперь я ее окончил в какой-нибудь час...

Мюри взял кольцо. Это была точная копия того кольца, которое принес в магазин странный господин в очках, за исключением изумрудных глаз у змей и камня посередине. Работа была удивительно тонкая и отчетливая. Переплетенные змеи казались живыми и готовыми броситься, чтобы ужалить.

Объяснив себе все происшедшее с Куртисом тем, что, починая кольцо, принесенное в магазин странным господином, он слишком запомнил форму составляющих его

змея и на память сделал копию, что ему блестяще удалось, Мюри, поблагодарив Куртиса, спрятал кольцо в ящик и принялся за работу.

Вечером, немного позднее обыкновенного, Ворт, окончив свои сплавы и заперев лабораторию, с кольцом в боковом кармане тужурки вышел на улицу.

Первую половину дороги Мюри прошел довольно благополучно, за исключением легких приступов головокружения и слабости, зато оставшийся конец он еле-еле брел в полубессознательном состоянии, останавливаясь и отдыхая каждые пять-шесть шагов. И чем дальше он шел, тем все тяжелее ему становилось, слабость усиливалась, глаза начинали ничего не видеть, кольцо жгло грудь и давило с тяжестью стопудовой гири...

С трудом дойдя до своей квартиры, запыхавшийся и измученный Ворт быстро скинул тужурку и хотел лечь на кушетку, но едва только тужурка с лежащим в кармане кольцом покинула плечи Мюри, он почувствовал сразу облегчение и энергия с удвоенной силой вернулась к нему.

Тогда только впервые Ворт подумал о кольце, как о причине его странной болезни и, подозрительно вынув его из кармана, развернул и стал рассматривать... Переливы всех цветов радуги с преобладающими тонами зеленовато-розового и нежного зеленого цвета были до того красивы, до того ласкали и очаровывали зрение, что Мюри бессознательно надел кольцо на палец.

Внезапно все поплыло перед его глазами. В густом, кровавом тяжелом тумане появились сначала неясные, потом все более резкие образы, среди которых Ворт ясно различал страшную голову старика и прелестное лицо девушки, виденное им раньше...

Кольцо, как расплавленный металл, жгло палец и Мюри, напрягая остаток воли, хотел было его снять, но был уже не в силах... Воля перестала сопротивляться и Ворт почувствовал, что летит в какую-то бездонную темную пропасть. Еще одно последнее усилие сделал Ворт, чтобы вырваться из окружающего его мрака и тут ясно почувствовал, как внутри его борются два начала, два «я», одно из кото-

рых неудержимо тянет его в пропасть, другое же старается сопротивляться всеми силами...

Но вот сопротивление делается все слабее и слабее и, наконец, Мюри в хаосе переживаний ясно ощутил, как что-то как будто порвалось в нем... последнее звено, связывающее его с миром, разбилось и он, уже не удерживаемый ничем, с головокружительной быстротой полетел в пропасть, не думая ни о чем и только радуясь концу этой мучительной борьбы его двух «я»...

Сначала перед Вортом мелькали какие-то видения, образы, лица, средневековые строения, замки... потом развалины, которые он как будто где-то видел раньше... Далее перед глазами начали проноситься храмы, строения древней архитектуры, люди в странных одеяниях...

Мало-помалу видения заволакивались туманом... туман стусился, принимая неясные расплывчатые контуры головы ужасного старика, который, казалось, хотел броситься на Мюри...

Все перепуталось, перемешалось в дикой неудержимой пляске... и Мюри окончательно потерял сознание.

Очнулся Мюри Ворт на берегу большой широкой реки и с удивлением огляделся кругом.

С одной стороны большая, теряющаяся вдали, полоса раскаленного солнцем песка, с другой — широкая река, по берегам которой густо разросся высокий тростник. Кое-где высились несколько пальм вперемешку с олеандрами и гранатами, от которых веяло тонким ароматом, как благоухание курильниц.

Время близилось к закату и прозрачная синева реки горела в лучах заходящего солнца. Легкая розовая дымка над водой казалась дыханием богов.

На отмели в небрежных позах лежали несколько крокодилов. Ближе к берегу среди лотосов и водяных лилий стояли фламинго, внимательно поглядывая по сторонам. Один из них расправил свои розовые крылья, поднялся на воздух, на мгновение как бы замер и затем быстро полетел вдоль реки.

Машинально следя за полетом птицы, Мюри слегка приподнялся. Мозг лихорадочно работал, стараясь разобраться в ощущениях. «Я» как-то странно двоилось. Мюри ясно сознавал, что он Мюри Ворт, бывший студент Оксфордского университета, служивший в магазине Пеккерса на Беккер-стрит и в то же время он чувствовал себя кем-то иным.

Берега реки, около которой он лежал, были ему хорошо знакомы. Вот этот выступ с большой пальмой, островок, покрытый густым тростником, лилии, цветы лотоса... Сколько раз он их видел!.. А между тем, лондонский Мюри никогда не выезжал за пределы Англии.

Мюри чувствовал, что он переживает нечто таинственное, странное, не поддающееся анализу человеческого ума и эта невозможность понять случившееся, отнестись критически к совершающемуся заставляла его болезненно напрягать мозг, стараясь найти выход из тупика невероятности...

Еще несколько мгновений, как ему казалось, тому назад, он был в своей небольшой уютной комнате в Лондоне и, вдруг, пустыня, река, тропическая растительность, крокодилы...

Своим вторым я Мюри «знал», что он находится на берегу древнего Нила, что перед ним вдали высятся строения таинственного Египта, где он живет, но его первое «я», «я» лондонского Ворта, не хотело мириться с этим.

Поборов сильным напряжением воли слабость, Мюри приподнялся с песчаного бугра, на котором лежал. На мгновение его взгляд удивленно остановился на широкой белой одежде, в которую он был одет, но тотчас же привычным жестом, как будто он всю жизнь носил только такое одеяние, Мюри запахнул висевший конец плаща и поднялся на ноги. Машинально он провел рукой по голове и его уже не удивили длинные волосы, ниспадавшие на плечи.

Мюри подошел к реке и, зачерпнув в пригоршню воды, помочил себе лоб и виски.

С противоположного берега поднялись два фламинго и, мощно рассекая воздух розовыми крыльями, понеслись вдаль. Несколько дальше взлетели еще три или четыре

птицы.

— Фламинго начинают перелетать, — подумал Мюри, — скоро стемнеет... — но тотчас же в голове его мелькнула неясная мысль, что он до настоящего момента никогда не видел фламинго и совершенно не интересовался их привычками.

Холодная вода Нила освежила разгоряченную голову Мюри. Он сделал несколько шагов по берегу и приостановился, вспоминая все случившееся с ним.

Странно. Чем больше к нему возвращались силы, тем меньше он начинал чувствовать себя прежним Вортом. И то, что раньше казалось ему диким, абсурдным, начинало казаться вполне естественным.

Уже с некоторым напряжением он вспомнил свою комнату в Лондоне, таинственного заказчика в очках, кольцо, приступы слабости. Наконец, видения старика, молодой девушки...

При мысли о девушке горячая волна пробежала по жилам Мюри, окутала мозг, на мгновение затуманила его и так же мгновенно отхлынула прочь.

— Аменорис!.. Аменорис!.. — громко воскликнул Мюри, забывая все случившееся с ним. — Аменорис!.. Она ждет меня с наступлением сумерек у входа в храм Изиды... Уже темнеет, а я еще здесь.

Силы как бы вдруг вернулись к Мюри и, поправив сдвинувшийся в сторону короткий меч, он завернулся в плащ и быстро зашагал от берега к городу.

Скоро, миновав предместье, Мюри достиг центральной части города, когда богиня ночи уже собиралась накинуть свой темный покров на готовящуюся к отдыху землю. Кое-где начинали зажигаться огни. Из некоторых домов доносились звуки флейт и арф.

Миновав дворец Фараона, Мюри достиг, наконец, великолепного храма Изиды, стоявшего на небольшой площади, и взбежал по мраморным ступеням лестницы к колоннаде храма.

Из темноты показалась фигура женщины в легком одеянии и сделала несколько шагов по направлению к Мюри.

— Аменорис!.. — прошептал он, падая на колени. — Аменорис! Моя Аменорис!..

Девушка тихо приблизилась к нему, протягивая руки...

Мюри жадно схватил протянутые к нему маленькие руки Аменорис и страстно прижал их к своему лицу.

— Мой Гору, — печально сказала девушка и Мюри понял, что это относилось к нему. — Мой Гору, сегодня я спрашивала Химеру и она ответила мне, что ветви наших жизней расходятся...

Мюри вскочил на ноги.

— Ты знаешь, — горячо заговорил он, — Химера коварна и лжива!.. Когда-то, много тысяч лет тому назад, когда впервые были изобретены письма, Василиск обратился к Химере с просьбой научить его искусству читать. Химера согласилась с условием, чтобы Василиск раньше открыл ей тайну познавать мысли людей. Василиск согласился и, ко-

гда Химера узнала то, что ей нужно было, она ударила Василиска под ребро и убила его... И с тех пор она всегда обманывает... так как посредством лжи она узнала тайну Василиска...

— Нет, — возразила Аменорис. — Нет, мой Гору! Химера не солгала — я ее заклала страшным словом Изи́ды и она сказала правду... Она не посмела бы солгать... Великая Гатор, богиня любви, во власти которой находятся людские сердца, бессильна...

Аменорис закрыла лицо руками..

— Но если наше счастье в руках Изи́ды, — возразил Мюри, — то в ее власти дать его нам. Что значим мы, незаметные песчинки земли, для богини? Не все ли равно ей, соединим ли мы ветви наших жизней в одно, или эти ветви разойдутся в разные стороны...

— Это так... — грустно ответила Аменорис. — Но планы Изи́ды нам неизвестны. А как мы можем изменить предопределенное ею?

— Аменорис! — воскликнул Мюри. — В тебе течет кровь фараонов Египта. Ты обладаешь тайнами жрецов. Пойдем к Изи́де. Скажи страшное слово и, когда богиня явится, мы вымолим у нее наше счастье... Создавшая жизнь мудра. Она поймет, что нельзя разорвать два сердца, когда они питаются одними соками жизни... Нельзя обрубить корни и сохранить жизнь ветвям.. Пойдем!

— Но как же я скажу это слово! — отрицательно покачала головой Аменорис. — Нельзя смертным безнаказанно вызывать богиню... для личных дел..

— Богиня простит нас, — возразил Мюри. — Она поймет, что не мы, а наша любовь взывает к ней, сотворившей и Любовь и нас, и вложившей в наши души чувство, которое сильнее смерти...

— Я боюсь, Гору, — воскликнула Аменорис. — Богиня справедлива, но страшен ее гнев...

Мюри сильно сжал руку Аменорис, пытливо смотря ей в глаза.

— Так, значит... — медленно заговорил он глухим голосом. — Ты, Аменорис, ты подчиняешься решению, пере-

данному тебе лживой Химерой?.. Ты отступаешь, не испробовав все средства, какие во власти смертных?.. Ты боишься гнева богини?.. Так что же? Разве для нас ее гнев страшнее разлуки?.. Ты не любишь меня, Аменорис?.. Богиня Гатор не коснулась лепестками лотоса твоего сердца...

Аменорис вдруг решительно выпрямилась.

— Нет, Гору, нет! — с внезапной энергией заговорила она. — Я не могу отказаться от тебя... Ты прав, гнев богини менее страшен, чем вечная разлука... Пойдем!..

И схватив своими тонкими, словно высеченными из мрамора, руками сильную руку Мюри, она повлекла его к входу в храм.

Пройдя колоннаду, они вошли в большой зал храма, высеченный из белого мрамора с рельефными изображениями на потолке и стенах; посредине возвышалась громадная статуя богини Изиы с большими золотыми рогами на голове, между которыми искрилось тысячами огней искусно сделанное солнце с лучами, расходящимися во все стороны. По бокам изображения курились благовония на двух треножниках, тускло освещавших лицо богини.

Дойдя до изображения Изиы, Мюри приостановился и ему показалось, что брови Изиы сердито сдвинулись, а в глазах, устремленных на него, блеснул гневный огонек...

Но Аменорис повлекла его дальше и, обойдя громадную фигуру Изиы, подвела к стене позади статуи.

— Мой Гору, — быстро зашептала она, — мы пойдем в подземный храм, куда открыт доступ только жрецам и людям, в жилах которых течет кровь фараонов. Только там можно вызвать богиню и только там она показывается людям, ищущим ее мудрости... Но ты, мой Гору, не имеешь права войти в скрытый от глаз смертных, храм... пока не сделаешься мужем дочери фараона... Вот, возьми этот уреус, символ власти над жизнью и смертью... Перед лицом богини ты мой муж. Ты взял мое сердце, возьми же и власть, данную мне моим рождением. Теперь ты можешь войти, так как ты муж дочери фараона и будущий фараон Египта.

Мюри, взволнованный словами Аменорис, почтительно взял золотой уреус, поднес его ко лбу и спрятал на груди.

Тогда Аменорис прикоснулась к стене и часть ее раздвинулась, открыв небольшой скрытый проход, ведущий в тайный храм, доступный только посвященным. Затхлостью и сыростью веков пахло из открывшегося отверстия.

Следуя за девушкой, державшей его за руку, Мюри некоторое время шел по узкому коридору, высеченному из камня.

Аменорис в полной темноте уверенно шла вперед, ни разу не останавливаясь и не замедляя хода.

— Осторожней, Гору! — приостановилась она наконец.
— Здесь начинается лестница.

Мюри сделал неуверенный шаг и почувствовал под ногами ступени, узкие, скользкие, покрытые мокрой плесенью. Придерживаясь за стену, он начал спускаться вниз.

Один раз из-под ног его выпрыгнула большая жаба и, звонко ударившись о каменные плиты лестницы, исчезла во мраке. Мюри вздрогнул и невольная дрожь пробежала по его телу. Наконец, вдали показался едва заметный свет.

— Мы приближаемся, — прошептала Аменорис. — Собери все свое мужество, Гору, так как ты сейчас увидишь то, что недоступно уму смертного...

Свет становился все сильнее. Отливаясь голубоватым тоном, он причудливо играл на мокрых камнях лестницы, создавая таинственное, жуткое настроение.

Лестница окончилась.

Следуя за Аменорис, Мюри вошел в большую комнату, высеченную из огромных каменных плит, на которых были художественно изображены сцены из жизни Изида.

Прямо напротив входа высилась большая статуя богини, удивительно искусно сделанная из белого мрамора и украшенная золотом и драгоценностями. По бокам на треножниках курились благовония, дым от которых мелкими струйками поднимался вверх и окружал голову Изида как бы легким и прозрачным облаком.

Аменорис подвела Мюри к статуе и распростерлась ниц перед ней. Затем, встав, она подошла к подножию и, надавив какую-то пружину, открыла скрытый в мраморной глыбе ящик, вынула из него небольшую коробку и высыпала содержимое на золотые треножники, на которых курились благовония.

Тотчас же густой белый дым поднялся кверху и окутал фигуру Изида, сделав ее невидимой.

Резкий запах, немного напоминавший запах ладана, распространился по храму. Голова у Мюри слегка закружилась и в глазах замелькали зеленые круги.

— Мужайся, Гору! — вдруг услышал он прерывающийся голос Аменорис. — Сейчас я скажу страшное слово...

Мюри вздрогнул.

Как ни сильна была его любовь к девушке, как ни настаивал он на вызове богини, но в этот момент он готов был от всего отказаться, только бы выйти на воздух. Страшным усилием воли победив охватившую его слабость, он ответил Аменорис:

— Я готов, произноси заклинание.

Аменорис сделала несколько шагов вперед, подошла к фигуре богини, и подняв руки вверх, заговорила каким-то странным глухим голосом, не похожим на тот голос, каким она говорила с Мюри:

— Великая Изида, создавшая все живущее! Именем любви нашей, внушенной нам богиней Гатор по твоему повелению, именем права, данного мне при рождении, именем великих тайн жизни заклинаю тебя, приди сюда и удели нам от твоей великой мудрости... Атомом вечного начала всех начал, заложенным во мне тобою же, атомом, который начался в жизни вместе с тобою, атомом, который так же бессмертен и могуществен, как и ты, ибо он составляет часть тебя, ибо его даже ты, великая богиня, не можешь уничтожить, я заклинаю тебя: Приди!.. Страшным словом вечности вечного Начала требую я: Приди!..

Громко произнеся, скорее выкрикнув, последние слова, Аменорис продолжала стоять неподвижно, подняв руки вверх и слегка изогнув стан, похожая на изваяние талантливого скульптора, желавшего создать шедевр красоты и грации. Тело было неподвижно, но чувствовалось, что духовные силы девушки напряжены до последней степени.

Эти силы как бы исходили от Аменорис невидимыми, но ясно ощущаемыми лучами и, наполняя храм, уносились в неведомую даль к первоисточнику, от которого «я» девушки черпало жизнь...

Вдруг по храму пронеслось легкое дуновение ветерка, легкое, едва заметное, но действие его на сознание было настолько велико, что Мюри упал на колени, едва смея смотреть вокруг себя.

Аменорис продолжала стоять на прежнем месте, напрягая всю волю, чтобы невидимыми нитями связаться с богиней.

Легкое дуновение пронеслось и исчезло, как небольшой порыв теплого вечернего ветра. Затем под куполом

храма показалось небольшое голубоватое облако, быстро перебежавшее с места на место.

Облако постепенно увеличивалось, сгущалось. Голубоватый свет, исходящий от него, становился ярче. Странный аромат наполнил храм и слегка кружил голову, в ушах звучали аккорды таинственной непонятной музыки. Моментами казалось, что аккорды страшно мощны, как раскаленным молотом бьют по сознанию, заставляя страдать, моментами же казалось, что это просто движение воздуха.

Голубое облако сгустилось в плотную светящуюся массу и остановилось над головой изваяния Изиды. По временам из облака отделялись небольшие голубоватые лучи, похожие на молнии и, прорезывая темноту храма, освещали его каменные стены со следами сырости и плесени.

Так продолжалось несколько минут. Наконец, облако опустилось на статую богини и окутало ее, скрыв от глаз дрожащих Аменорис и Гору.

Одновременно какая-то волна пробежала по храму.

Ничего не случилось, но Мюри стало ясно, что что-то могущественное, сильное, таинственное, стоящее намного выше его понимания, произошло здесь.

Аменорис упала на землю лицом к изображению богини, окутанному облаком, и лишь слабо вздрагивающие плечи показывали, что она жива... Мюри казалось, что все это он видит во сне...

Внезапно из облака послышался тихий мелодичный голос, едва слышный, но каждое слово его врезалось огненными буквами в воспаленный мозг людей, осмелившихся заглянуть в вечность.

— Зачем звали вы меня, созданные мною люди? Разве для того, чтобы просить меня изменить предопределение? Слушайте! Если в длинной железной цепи, натянутой машинами, разбить одно звено, то что делается с цепью? Она разорвется, и понадобится все начинать сначала, чтобы снова натянуть цепь... В великой вечной цепи эволюции каждый из вас — это звено, назначенное заранее, чтобы укрепить натянутую жизнью цепь. И если такое звено не выполнит заранее Великим Началом предназначенную ему

работу, то цепь разорвется и погибнет вековая работа мира... Как же вы хотите, чтобы я помешала предопределению? Чтобы нарушила гармонию созидания ради вас, атомов, служащих одной великой цели непрерывного движения вперед по лестнице мировой эволюции... Изменить предопределенное я не могу, но скажу вам, что спустя много веков вы увидите для того, чтобы опять расстаться и только при следующей встрече, последующей через тысячелетия, ветви ваших жизней, может быть, соединятся в одно дерево, питающееся одним соком. Ждите этой встречи и надейтесь!..

...Аменорис упала на землю лицом к изображению богини...

Раздался сильный удар грома, помещение храма наполнилось огненными стрелами, облако, скрывавшее изображение богини Изида, как бы разорвалось пополам и осветило строгие черты лица статуи сильным голубоватым светом.

В глазах Мюри заходили голубые круги, сознание помутилось и он почувствовал, что безудержно летит в пропасть, не будучи в силах остановить стремительность полета.

Внезапно ощущение изменилось. Мюри стало казаться, что он выбирается из какого-то хаоса страшного, непонятного; напрягает всю силу, но что-то сдерживает его, не пускает... Наконец, сделав последнее усилие, Мюри открыл глаза.

Наклонившись над ним, стояла Аменорис и держала его голову в своих руках. Статуя богини Изида стояла неподвижно, тускло освещенная огнем светильников, от которых тонкими струйками поднимался дым курений, теряясь в высоте храма.

— Что это?.. сон?.. — проговорил Мюри, немного приподнимаясь с пола.

— Нет, мой Гору, — грустно ответила Аменорис, — это... откровение... откровение, которому мы должны подчиниться, ибо изменить предопределенное свыше не во власти смертных. Ты слышал слова Изиды. Она сказала: «Ждите и надейтесь»... Будем же надеяться, Гору, так как большего сделать мы не можем...

И, не в силах больше сдерживаться, Аменорис громко зарыдала, припав к плечу Мюри.

Нежно обняв девушку, Мюри поднял ее с пола и повел к выходу, желая поскорее выйти на воздух, так как благовоения курильниц кружили ему голову.

Быстро поднявшись по лестнице, они вышли в коридор и ощупью добрались до стены, в которой находилась скрытая дверь.

Аменорис, оставив Мюри, быстро подошла к стене и надавила пружину, но стена оставалась неподвижной. Она надавила вторично — с таким же результатом.

— Что-то случилось, Гору, — прошептала она, — а другого выхода я не знаю...

— Покажи мне, где пружина? — ответил Мюри. — Я посмотрю...

Мюри подошел к стене.

Но в это время камень бесшумно скользнул в сторону и в образовавшемся проходе Мюри увидел толпу жрецов с факелами в руках. Впереди стоял верховный жрец богини Изиды в высоком головном уборе, с золотым жезлом в ру-

ках. Худой, сморщенный, но еще сильный старик с ястребиным носом, маленькими злыми глазами, казалось, взглядом хотел проникнуть в душу стоявших перед ним людей.

В уме Мюри смутно мелькнуло воспоминание, что он видел этого человека еще в Лондоне в своей квартире, когда переживал странное состояние, вызванное кольцом.

— Кто вы, осмелившиеся нарушить покой великой Изи-ды? — глухим голосом спросил жрец, холодным взглядом смотря на Мюри. И казалось, что нет той силы, которая могла бы пробудить в нем чувство жалости или сострадания.

Девушка выступила вперед.

— Это я, дочь фараона!.. Разве ты не узнал меня, Ма-Ка-Ра?.. По праву рождения пришла я в тайный храм, чтобы спросить совета богини Изи-ды. А это, — гордо выпрямившись, добавила она, указывая на Мюри, — мой муж. Я сегодня передала ему золотой уреус, а с ним вместе право на власть и на титул фараона Египта.

— Ты забываешь, девушка, — холодно возразил жрец, — что без согласия жрецов ты не можешь передать власть никому... Этого человека, как твоего мужа, мы не знаем, а как смертный, проникший в храм вечной мудрости, он заслуживает смерти.

Аменорис бросилась к Мюри и обхватила его руками, как бы желая укрыть от жрецов...

— Слушай, Ма-Ка-Ра, — быстро заговорила она, — этот человек дорог мне, дороже жизни и, если хоть один волос упадет с его головы, я умру и ты будешь виновен в смерти дочери фараона...

— Великая богиня выше всех Смертных и даже фараонов... Ее веления должны исполняться беспрекословно. Не только он, вошедший не по праву в подземный храм, заслуживает смерти, но и ты, нарушившая сознательно известный тебе закон... Покорись и не препятствуй исполнить волю богини.

Главный жрец сделал жест и несколько жрецов кинулись к Мюри, желая схватить его.

Быстро отстранив Аменорис, Мюри бросился на нападавших и несколькими сильными ударами раскидал их в разные стороны.

Затем он обернулся к девушке, со страхом наблюдавшей сцену.

Но в эту минуту один из жрецов приподнялся с пола и с силой бросил копье, которое вонзилось в бок Мюри.

Мюри со стоном упал на пол.

С радостными возгласами снова бросились жрецы вперед и схватили девушку. В отчаянии Аменорис громко закричала, призывая Мюри на помощь.

Услышав крик девушки, Мюри, как бы под влиянием электрического тока, вскочил с каменного пола, вырвал копье из раны и снова бросился на нападавших, в испуге попятившихся к выходу.

Залитый кровью, с дико блуждающими глазами, Мюри был страшен, а сознание, что Аменорис грозит опасность, удесятерило его силы.

Большим прыжком подскочил он к ближайшему жрецу и, схватив его за руку, вывернул ее и вырвал из ослабевшей руки тяжелую дубину, окованную медью. Затем, сделав два шага назад, как бы для разбега, он с громким криком бросился на столпившихся в узком проходе жрецов, которые в страхе, не выдержав стремительности натиска, отступили в храм.

— Скорей, Гору, скорей! вниз! — крикнула девушка, увлекая за собой Мюри.

Пробежав коридор, они спустились по лестнице и вошли в храм, где Аменорис, поднявшись на подножие статуи, прижалась к ней, держа Мюри за руку, как бы отдавая себя и своего мужа под ее покровительство.

Почти тотчас же в храм ворвалась толпа жрецов, потрясая копьями и мечами.

Мюри в изнеможении опустился на мраморные плиты, прижав руку к ране и сдерживая лившуюся из нее кровь.

— Остановитесь, жрецы! — послышался повелительный голос Аменорис. — Остановитесь! Это приказываю вам я, дочь фараона... Вы знаете, что лишать жизни отдавшихся

под покровительство Создавшей жизнь, нельзя. Берегитесь же гнева богини...

В голосе Аменорис, привыкшей повелевать, послышались металлические нотки и жрецы неуверенно остановились, окружив статую Изиы со скрывшимися около нее Мюри и Аменорис.

Аменорис напряженно ждала на высоком пьедестале.

— Ты права, Аменорис! — послышался сухой голос верховного жреца, показавшегося в проходе. — Ты права. Закон богини священной для нас... Но сойди вниз, дочь фараона, и расскажи нам, что произошло здесь.

Ничего не подозревая, Аменорис спустилась по ступенькам вниз и подошла к старому жрецу.

Тотчас же несколько жрецов бросились на нее и крепко схватили.

Мюри хотел было кинуться на помощь к Аменорис, но та громко крикнула ему, заглушая шум борьбы:

— Остановись, Гору! Меня, дочь фараона, они не тронут, ты же рискуешь смертью...

Сделавший уже несколько шагов Мюри остановился и напряженно ждал, что будет дальше.

Верховный жрец вышел вперед и, обращаясь к Мюри, заговорил:

— Слушай, чужестранец, ты, прибывший к нам издалека, из тумана веков... Ты хочешь взять ту, которую отделяет от тебя смерть... Ты хочешь пройти сквозь рождение и смерть, хочешь вырвать у богини Изиы ее тайну, тайну воплощения, тайну бессмертия, которая только доступна богам... Нет, чужестранец, этого не должно быть. Аменорис в наших руках. Отдай же нам это кольцо, надетое у тебя на палец и изображающее двух переплетенных змей... Отдай и Аменорис будет свободна...

— Не слушай его, Гору... — закричала девушка, отбиваясь от державших ее жрецов. — Не слушай! Береги кольцо, ибо, лишившись его, ты лишишься и...

Аменорис не договорила, так как Ма-Ка-Ра, сдернув с плеч тяжелый плащ, накинул его на голову девушки, заглушив ее последние слова.

— Слушай, Гору, — продолжал жрец. — Как дочь фараона, мы не имеем права судить Аменорис, но, как нарушившая клятву и приведшая тебя в храм, она заслуживает смерти... Кроме того, кто узнает о случившемся здесь? Торопись же, Гору, торопись, или ты увидишь кровь той, которую любишь.

Не сознавая, что делает, Мюри снял с пальца кольцо. Ма-Ка-Ра вынул короткий меч.

— Бросай же, Гору, бросай скорее кольцо, если не хочешь, чтобы меч коснулся тела дочери фараона..

Если бы Мюри был спокойнее, возможно, он заметил бы некоторую искусственность в тоне Ма-Ка-Ра, но мысль, что Аменорис угрожает опасность, мешала ему спокойно рассуждать и, подняв кольцо над головой, он бросил его к ногам верховного жреца.

В ту же минуту по знаку Ма-Ка-Ра жрец сдернул с головы Аменорис тяжелый плащ.

Мюри, как в тумане, увидел верховного жреца, наклонившегося за кольцом, затем прелестное личико Аменорис, смотрящее на него глазами, полными отчаяния.

Как сквозь сон, донеслись до него ее последние слова:

— Надейся, Гору...

Далее все перепуталось, смешалось в хаосе тумана и огненных искр, пока темная пелена не надвинулась на сознание Мюри...

Когда Мюри пришел в себя, первое, что бросилось ему в глаза, это стена и висящие на ней портреты матери и сестры. Далее письменный стол с большим удобным креслом, этажерка с книгами...

— Аменорис... — беззвучно прошептал он, стараясь понять случившееся с ним, но слабость снова овладела Мюри и он несколько минут лежал неподвижно, не думая ни о чем.

Наконец, усилием воли стряхнув с себя оцепенение, он немного приподнялся с кровати и огляделся кругом.

Он лежал в своей комнате в Лондоне. В окно слабо струился тусклый свет туманного лондонского утра, моросил мелкий дождик.

Мюри попытался было встать с кушетки, на которой лежал, но со стоном упал назад, схватившись рукой за бок.

— Что это?.. — воскликнул Мюри, с недоумением рассматривая руки, покрытые кровью. — Эта рана!.. Жрецы!.. Храм Изиды!.. Аменорис!.. Какой странный сон!..

При воспоминании об Аменорис сердце его болезненно сжалось и он прижал руку к груди, но тут почувствовал какой-то твердый предмет, больно уколотивший его. Опустив руку, Мюри вынул золотой уреус тонкой работы, покрытый художественной эмалью, совершенно новый.

— Уреус!.. — вспомнил он сцену в верхнем храме. — Так неужели же это все действительно случилось со мной?.. — Мюри задумался.

— А где же мое кольцо?.. Кольцо Изиды?... — вдруг вспомнил он, посмотрев на руки.

Кольца не было, только узкая полоска на пальце обозначала то место, где оно было надето.

Мюри огляделся кругом. Ни на кушетке, ни на полу кольца не было видно. С трудом поднявшись, он подошел к двери и увидел, что она заперта на замок и ключ находился в скважине. Следовательно, никто войти в комнату не мог.

Сделанные усилия вызвали у Мюри сильную боль, не замеченную им сгоряча, и он, с трудом добравшись до кушетки, поспешил вызвать по телефону врача, который констатировал у Мюри хотя глубокую, но не опасную для жизни рану, нанесенную каким-то колющим оружием.

Через три недели Мюри окончательно оправился от раны в бок, что же касается другой раны, сердечной, то она оказалась гораздо опаснее и Мюри из веселого и жизнерадостного сделался задумчивым, угрюмым, мрачным...

Часто по целым часам он стоит в одной позе, и губы его беззвучно повторяют:

— Аменорис... Аменорис...

Он глубоко уверен, что когда-нибудь, может быть в этой, а может быть, в будущей жизни, он снова встретит прелестную египтянку и тогда уже не расстанется с нею, так как он верит богине Изиде, которая сказала:

— Ждите и надейтесь...

ДЖЕССИ

Д Ж Е С С И .

В теплое весеннее утро Генри Мортон подъезжал к небольшой станции в четырех часах езды от Лондона, где его ждал изящный кабриолет Пейкерса, к которому он ехал отдохнуть после столичной жизни и подышать свежим воздухом деревни.

Было еще рано и подернутая легким розоватым туманом даль привлекала к себе, обещая, как прелестная женщина, загадочные, неведомые, притягивающие наслаждения.

С удовольствием вдыхая полной грудью свежий деревенский воздух, Генри ехал среди зеленеющих полей и то и дело поторавливал кучера, желая поскорей добраться до имения друга, с которым он уже несколько лет не виделся.

Генри Мортон был высокий блондин с большими умными серыми глазами. Изящные манеры и элегантный костюм показывали, что Генри был не чужд высшего света Лондона, а мощная, словно из стали вылитая фигура показывала здоровье и любовь к спорту и физическим упражнениям.

При двадцати восьми годах, красивой наружности, недюжинном уме и порядочных средствах, Мортон был одним из самых завидных женихов Лондона и мог бы соста-

вить завидную партию, но любовь к свободе и путешествиям удерживали его от такого шага и, оставаясь холостым, Генри служил завидной приманкой для скучающих барышень туманного Лондона. Ко всему этому, Мортон не кутил, не играл в карты, не увлекался женщинами, как это присуще золотой молодежи столицы. Правда, у него было несколько мимолетных связей, но все они проходили незаметно, не оставляя на душе следа.

...Где его ждал изящный кабриолет Пейкерса...

Чем ближе подъезжал Мортон к имению Пейкерса, тем больше хотелось ему увидеть друга, с которым у него были тесно связаны лучшие воспоминания студенческих гоцов.

— Каков-то он теперь, этот Пейкерс?.. — думал Генри и глазам его рисовалась небольшая невзрачная фигура студента, вечно торопящегося куда-то, вечно готового отдать последний шиллинг неимущему товарищу и вечно нуждавшегося, несмотря на то, что бывший тогда еще в живых отец высылал ему ежемесячно довольно большую сумму, на которую другой мог бы жить припеваючи.

— Посмотрите, сэр, вот имение мистера Пейкерса, — перебил кучер размышления Генри. — А вот и они сами, около дома...

Очнувшись от воспоминаний, Мортон взглянул в указанном направлении и увидел большой белый дом, окаймленный густым тенистым садом, около калитки которого стоял небольшой человек и отчаянно размахивал шляпой, приветствуя Генри.

Через час, умывшись и переодевшись с дороги, оба друга сидели за завтраком и, с аппетитом уничтожая кровавый ростбиф, вспоминали прежние годы, годы молодости, ошибок и увлечений.

— Скажи, Генри, — обратился Джон Пейкерс к Мортону, — почему ты до сих пор не женился? Ты молод, красив, богат... Кому бы, кажется, как не тебе вкусить прелести уз Ги-менея?

— Видишь ли, — серьезно ответил Генри, немного подумав, — я смотрю на брак несколько иначе, чем другие... Я ищу в браке не только женщину, любовницу, хозяйку, мать, но и человека, равного мне, друга, частицу самого себя, частицу моего «я», которая отражала бы меня и которая отражалась бы во мне... Сочетание современной барышни с человеком в полном смысле слова — это явление редкое, благодаря воспитанию, какое дают им, будущим матерям нового поколения... Этим я не хочу обидеть женщин. Нет. Я виню не их, а, повторяю, воспитание... неправильное, дикое, абсурдное, но освященное традициями многих лет... Посмотри, что представляет из себя современная женщина. Если она мало-мальски интересна, женственна, она создает из своей красоты культ, которому поклоняется в ущерб всему остальному, стараясь костюмами, манерами, движениями подчеркнуть те линии своего как физического, так и нравственного «я», которые бьют на чувственность мужчины. Из этого женщина создала целую науку, не уступающую по обширности программы университетскому курсу. Совершенствуясь и культивируясь в этом направлении, женщине не остается ни времени, ни охоты заниматься чем-нибудь другим... Это тип привлекательных, милых, отчасти безобид-

ных женщин, но... они напоминают красивую, хрупкую вазу, которой готов любоваться часами, но, когда заглянешь внутрь, она пустая... Это предмет роскоши, ни на что полезное не применимый...

Пейкерс попытался было возражать, но Генри перебил его.

— Теперь другой тип. Если женщина читает газеты, следит за литературой и науками, старается развить себя, она обязательно почему-то считает своим долгом потерять женственность, наружно опуститься, пытается походить на мужчину, забывая, что сама природа создала разные полы для того, чтобы привлекать их друг к другу... Мамаши первых радуются: «Ах, вот наша дочь так красива, привлекательна... Она составит себе партию...» Мамаши вторых гордятся умом и знаниями обмужвинившихся дочерей и в общем те и другие думают о выгодной женитьбе... Среднее между этими двумя типами есть исключение, которое встретить так же трудно, как луну, разгуливающую по тротуарам Беккер-стрита... Вот почему я остался до сих пор свободным и нисколько не жалею об этом, так как могу жить, как хочу и делать, что пожелаю...

— Я с тобой не совсем согласен, — возразил Пейкерс. — Смотри на женщин и на жизнь несколько иначе... не так просто... Тебе понравилась женщина, хотя бы чисто физически, тебя тянет, влечет к ней... Ты чувствуешь к ней страсть, хочешь ее... Жизнь наша так коротка и счастливых минут в ней так мало, что, право, не стоит проходить мимо них... Ты взял женщину. Неделю, месяц, два месяца ты получаешь наслаждение, лаская ее, обладая ею. Прошел угар страсти, осталось теплое хорошее чувство, чувство благодарности за прежние минуты забвения, чувство близости, привязывающее и притягивающее... И что же в этом случае делаем мы, мужчины? Беря женщину, мы знаем, что берем большого, избалованного, милого ребенка, знаем это и не требуем ничего большего... Когда же первые минуты прошли, мы сразу требуем, чтобы ребенок превратился в взрослого, вполне подготовленного к жизни человека... Это несправедливо... В этом эгоизм мужчины... Если он знал заранее,

что женщина, которую он берет, это большой ребенок, и все-таки взял ее, то его долг сделать из нее взрослого человека. Ведь своих детей мы постепенно доводим до зрелости, проводя их последовательно через гимназию, университет... Смотри так же на женщину... Когда опьянение первых минут прошло, не отходи от нее, не отдаляйся, а старайся постепенно приблизить ее к себе хотя бы путем целого ряда уступок, и тогда женщина бессознательно приблизится к тебе и составит частицу твоего «я»... Виновато воспитание, но... виноваты и мы, потому что мы создаем воспитание...

— Ого! Да ты ярый сторонник женщин!.. — засмеялся Генри. — Ну, а почему же ты до сих пор сам не женат?

— Куда мне... — отмахнулся Пейкерс. — При моей наружности! Моя теория хороша только при взаимном чувстве... Вот ты, это дело другое...

Говоря так, Пейкерс ежеминутно вынимал часы и посматривал на них.

— Ты куда-то торопишься? — спросил Генри, заметив это. — Пожалуйста, не стесняйся!

— Да мне надо на минуточку... — заволновался Пейкерс. — Ты меня прости... Крайне важное дело... Я скоро вернусь...

И, взяв поспешно шляпу со стула, Пейкерс торопливо вышел в сад.

Закурив сигару, Генри машинально вышел за Пейкерсом.

День был чудный: на небе ни одного облачка. Чувствовалось дыхание лета и густая тень сада манила к себе. Генри сошел с крыльца и не торопясь направился по аллее. Дойдя до конца, он свернул на боковую тропинку.

Внезапно до его слуха донеслись чьи-то голоса. Генри остановился и прислушался. Говорил мужской голос, в котором Мортон узнал голос своего друга.

Не подозревая ничего особенного и думая, что Пейкерс разговаривает с кем-либо из своих служащих, Генри вышел на поляну. Глазам его представился Пейкерс, с оживлением что-то рассказывающий, по обыкновению размахивая руками, прелестной девушке в сером скромном платье,

стоявшей по ту сторону забора.

Генри на минуту остановился, пораженный сценой, увидеть которую он никак не ожидал, но потом вежливо приподнял шляпу и прошел мимо.

Девушка, заметив незнакомого человека, слабо вскрикнула и тотчас же исчезла в тени деревьев.

Генри, не придавая особенного значения встрече, прошел дальше по тропинке, когда его догнал крайне взволнованный Пейкерс:

— Пожалуйста... Пожалуйста... Ни одного слова... Никому... Это крайне важно, крайне... — чуть не умолял он, смотря в глаза Генри. — Не подумай только чего-нибудь... Клянись тебе... Но очень важно, гораздо важнее, чем ты думаешь, чтобы никто не знал о том, что мы встречаемся... Тут одно такое дело...

Пейкерс был так взволнован, так возбужден, что Генри, с удивлением посмотрев на него, дал требуемое обещание.

— Ну вот, хорошо!.. — обрадовался Пейкерс. — Я знаю, ты держишь слово... Только, ради Бога, даже случайно как-нибудь не проговоришься!..

— Да в чем дело? — заинтересовался наконец Генри. — Ты так просишь, как будто от этого зависит жизнь или смерть...

— Я тебе расскажу, все расскажу!.. — заторопился Пейкерс. — Только не здесь, нас могут услышать. Пойдем ко мне в кабинет... Да может, это и к лучшему... Ты всегда отличался изобретательностью и находчивостью... Может быть, придумаешь что-нибудь, посоветуешь...

Волнение Пейкерса передалось Генри и он, прибавив шаг, пошел за почти бежавшим другом к дому.

Войдя в кабинет и вынув из шкафа ликер и рюмки, Пейкерс начал говорить, жестикулируя и поминутно вскакивая с места:

— Видишь ли, эта барышня — дочь моего соседа по имению, отставного генерала сэра Джонса. Это очень милая, симпатичная, несчастная девушка... Только ты, ради Бога, не подумай чего-нибудь... — испугался Пейкерс, заметив жест Генри. — Еще раз даю тебе слово, что между нами нет

ничего... и лично я только хочу сделать что-нибудь... придумать... чтобы спасти эту девушку от опасности, которая ей угрожает... Дело вот в чем: сэр Джонс овдовел очень рано и, удалившись в имение, занялся воспитанием единственной своей дочери Джесси, которую ты видел в саду. Генерал очень любил дочь, видя в ней портрет своей обожаемой когда-то жены. Джесси была счастлива, окруженная ласками и заботами... Все шло хорошо, пока с год тому назад генерал не встретился в Лондоне, куда он ездил по делам, с мисс Мери Гибсон. Опытная кокетка, зная о богатстве старика, быстро закружила его, отвыкшего за долгое пребывание в деревне от общества подобных ей женщин, и через какой-нибудь месяц сделалась мистрис Джонс. Увлеченный интриганкой, генерал не интересовался ее прошлым и не собирал о ней сведений. К тому же хитрая женщина выдумала целую историю, назвав себя вдовой офицера Британской армии, жизнь которой сложилась крайне печально и, кроме страданий и слез, она в жизни ничего не видела. Тронутый влюбленный генерал не задумываясь предложил ей руку и, когда мисс Гибсон вышла за него замуж, прежде всего стала вооружать отца против дочери. Сначала сэр Джонс противился, но, мало-помалу подпадая под влияние жены, начал смотреть на вещи ее глазами и для бедной девушки жизнь стала положительно невыносимой. Единственной целью мачехи было завладеть состоянием генерала, ради чего она и вышла замуж... Вооружив старика против дочери, мисс Гибсон уговорила генерала сделать завещание в ее пользу, что тот и сделал, и я теперь сильно опасаясь за его жизнь...

Генри, сильно заинтересованный, внимательно слушал.

— У мисс Джесси есть капитал, оставленный ей матерью, около миллиона фунтов стерлингов. Мисс Гибсон показалось мало миллионов генерала и она поставила себе задачей завладеть деньгами девушки, не считаясь ни с какими средствами. С мисс Джесси я еще до женитьбы генерала познакомился у него. Раньше я был в хороших отношениях с сэром Джонсом и, когда качалась кампания против несчастной девушки, я начал собирать сведения о про-

шлом мисс Гибсон. Оказалось, она раньше служила танцовщицей в шантане, была замешана в нескольких темных историях. В то время, когда она считалась невестой генерала, у нее был любовник, испанец Педрозо, такой же, как и она, авантюрист чистейшей воды. Теперь слушай самое главное: две недели тому назад Педрозо приехал сюда под видом кузена мисс Гибсон и старый генерал под влиянием жены стал оказывать ему полное доверие. Педрозо с первых же шагов начал усиленно ухаживать за мисс Джесси. Мачеха и окончательно потерявший волю сэр Джонс заметно поощряли эти ухаживания, которые несчастная девушка должна была принимать, скрепя сердце, чтобы не огорчить отца. Ровно восемь дней тому назад, накануне отъезда Педрозо, мне удалось из-за забора подслушать разговор мистрис Джонс с любовником. План их настолько же прост, насколько подл. Педрозо должен жениться на мисс Джесси и забрать ее капитал. Старика устранить каким-либо образом... Наследницей по завещанию является мисс Гибсон. Когда все будет сделано, оба любовника, ликвидировав все дела, уезжают в Испанию, оставив на произвол судьбы или, еще лучше, устранив обобранную мисс Джесси. Дон Педрозо уехал, условившись встретиться с мисс Гибсон в Италии, где он должен будет передать ей какой-то особенный яд для сэра Джонса и, возможно, для мисс Джесси, медленно и совершенно незаметно убивающий человека... Теперь я решил если не спасти генерала, то, по крайней мере, вырвать девушку из рук этих негодяев...

— Но не ошибся ли ты? Все это слишком чудовищно!..
— спросил пораженный Мортон.

— Нет, нет! Я же сам слышал их разговор... собственными ушами...

— Если это верно, почему не открыть всего генералу?

— Бесполезно!.. Он влюблен в свою жену и на все смотрит ее глазами.. Он не поверит и... будет еще хуже, так как негодяи будут предупреждены.

Генри задумался.

— Когда, ты говоришь, уезжает мистрис Джонсон?

— Через два дня.

— А когда ты увидишься опять с мисс Джесси?

— Завтра.

— Познакомь меня с ней. Может быть, что-нибудь придумаем... что, пока еще не знаю, но это дело меня крайне заинтересовало и, так ли или иначе, но даю тебе слово, что мисс Джесси никогда не будет женой Педрозо, если только сама этого не захочет...

Пейкерс с обычной для него живостью и восторженностью бросился обнимать друга, как будто опасности уже не существовало.

Оставшись один, Генри долго сидел неподвижно, куря сигару. Мозг его напряженно работал, стараясь найти выход из создавшегося положения и когда, много времени спустя, Пейкерс вошел в кабинет, то застал Мортонa в той же позе и только сдвинутые брови и складка на лбу доказывали, что он не спит.

До утра просидел Генри в кабинете у Пейкерса, стараясь принять то или другое решение. Много комбинаций приходило ему в голову, но, последовательно рассмотрев все за и против, он отбрасывал их одну за другой, пока наконец не остановился на одном плане. Большого труда стоило ему принять этот план, так как на карту он ставил слишком много, но, когда решение окончательно созрело, все мелочи были предусмотрены, Генри с облегчением встал с дивана и, энергично тряхнув красивой головой, громко сказал:

— Будь что будет!.. Другого выхода нет!..

В условленный час Генри вместе с Пейкерсом встретились у забора с мисс Джесси.

— Скажите, — обратился Генри к девушке, — когда уезжает ваша мачеха?

— Завтра вечером.

— А на сколько времени?

— Говорит, что недели на три или на месяц.

— Вы пошли бы на все, чтобы только не быть женой дона Педрозо?

— Лучше смерть!..

Девушка проговорила это с таким чувством и так искренне, что Мортон, невольно растроганный, протянул ей руку.

— Идите теперь домой и никуда больше не ходите, чтобы не возбуждать подозрений, а как только уедет ваша мачеха, приходите сюда... Может быть, мне удастся спасти вас от этого негодяя, по крайней мере, я приложу для этого все усилия...

— Спасибо, спасибо!.. — прошептала Джесси. — Вы подаете мне надежду...

— Ну, если Генри сказал, он устроит! — уверенно подтвердил Пейкерс. — У него уж такая голова... Теперь я спокоен за вас, Джесси.

Бросив благодарный взгляд на Генри, девушка поспешно скрылась за деревьями.

— Что ты придумал, Генри? — спросил Пейкерс, когда они остались одни.

— Подожди, Джон! Пока у меня есть один смутный план в голове... Но не знаю... Надо обдумать его лучше... Пока я тебе ничего не скажу... Потом...

Как ни добивался Пейкерс, Генри ему больше ничего не сказал, но вечером за стаканом пунша он был чрезвычайно весел. Было видно, что он принял какое-то решение и был доволен им.

— Скажи, Джон, — между прочим, спросил Мортон, — есть у тебя знакомые на почте на станции?

— Как же, есть! — ответил удивленный вопросом Пейкерс. — А для чего тебе они нужны?

— Так съезди на станцию как-нибудь на днях и достань один или два, лучше два, чистых бланка, на которых пишут телеграммы, пришедшие на чье-нибудь имя... Ты можешь это сделать?

— Конечно!.. Но для чего тебе они понадобились? Уж не думаешь ли ты писать подложные телеграммы?..

— Может быть!.. Может быть!.. — улыбнулся Генри. — Только все-таки лучше достань — а зачем, узнаешь после...

Весь следующий день Пейкерс был как на иголках, с нетерпением ожидая минуты отъезда мистрис Джонс, и ко-

гда, наконец, увидел издали через окно проезжавшую коляску, оставил недопитым стакан чая и бросился в комнату Мортонa, крича на ходу:

— Генри, она уехала! Идем скорее!.. Идем!..

Генри слегка побледнел, потом встряхнулся, как бы приняв окончательное решение, взял шляпу и торопливо вышел в сад вслед за Пейкерсом.

Джесси уже ждала их около забора.

Поздоровавшись с Генри и Пейкерсом, она прежде всего спросила, доверчиво глядя на Мортонa:

— Ну, скажите же, что вы придумали? Я всю ночь не спала: мне вчера мачеха сказала, что она вернется вместе с Педросо и чтобы я готовилась к свадьбе...

Генри вздрогнул, потом взял девушку за руку:

— Верите вы мне, мисс Джесси? — ласково спросил он.

— О да! Ведь вы друг Пейкера!.. Впрочем, мне кажется, — добавила она, немного покраснев, — я бы вам и так верила.

— Так слушайте же! Я долго думал о вашем положении и единственный выход — это вам надо выйти замуж за кого-нибудь... но только надо устроить все это скоро, пока ваша мачеха в отъезде.

— Господи! — всплеснула руками молодая девушка. — Я готова на все, лишь бы уйти из этого ада... Кругом интриги, заговоры, грязь... Я б охотно вышла замуж за самого бедного, самого незначительного человека, лишь бы не за Педросо. Но такого нет, а времени у нас мало... Да и отец, зная планы мачехи, ни за что не согласится на мою свадьбу.

— Значит, надо, во-первых, найти такого человека, которому бы отец не отказал в вашей руке, а во-вторых, необходимо все это сделать быстро... Послушайте, — вдруг горячо заговорил Генри. — Я хочу вас во что бы то ни стало спасти... Бежать вам нет смысла, вас все равно найдут, такие негодяи не скоро отказываются от планов. Надо, чтобы они окончательно потеряли всякую надежду воспользоваться вашими деньгами, тогда только они оставят вас в покое... Вы сказали, что мне верите... Даю вам слово, что то, что я вам сейчас предложу, это единственный и лучший

выход для вас... Мой отец служил вместе с генералом Джонсоном когда-то в Индии... Они были товарищами, вместе участвовали во многих боях, испытывали лишения, голодали... Если я буду просить вашей руки, он мне не откажет... У него нет для этого никаких оснований... Разрешите мне просить у генерала вашу руку... Клянусь вам, что я буду для вас только братом... Через год под каким-либо предлогом можно будет выхлопотать развод и вы будете свободны, а в течение этого года я буду защищать вас от всех и вам не будут страшны ни мачеха, ни Педрозо...

Ошеломленная девушка не знала, что ответить.

— Время дорого... Если вы согласны, я сегодня же сделаю визит сэру Джонсу на правах сына его друга...

— Соглашайтесь же, соглашайтесь!.. — присоединился Пейкерс, размахивая руками и весь красный от волнения. — Генри не способен обманывать... Я за него ручаюсь, как за самого себя... Я ведь говорил, что Генри что-нибудь придумает... Это единственный выход... И как только он не пришел мне в голову?.. Соглашайтесь же!..

Мисс Джесси глазами, полными слез, взглянула на Пейкерса, потом на Генри:

— Какие вы хорошие, добрые!.. — только и нашлась сказать она и, разрыдавшись, бросилась от забора.

Через час Генри с Пейкерсом входили в виллу генерала.

Сэр Джонс принял Генри очень радушно, долго расспрашивал об отце, вспоминал боевую жизнь и в конце концов так разошелся, что приказал принести бутылку шампанского.

В это время в комнату, как будто случайно, вошла мисс Джесси и генералу пришлось волей-неволей, вопреки инструкциям, полученным от уехавшей жены, познакомиться ее с Мортоном, который, воспользовавшись случаем, оставил Пейкерса слушать рассказы сэра Джонса, а сам, отойдя с Джесси в дальний угол комнаты, быстро заговорил:

— Делайте вид, что вы мною заинтересовались... Когда я буду бывать, старайтесь встречаться со мной и быть около меня... Если сэр Джонс будет сердиться, не обращайтесь

внимания... Исполняйте все то, что я буду вам говорить и я ручаюсь, что вырву вас из рук мачехи...

— Хорошо... — тихо ответила девушка. — Я сделаю все, что вы скажете... Спасибо вам... Бог вас вознаградит за это.

Все остальное время она не отходила от Генри. Генерал, не чувствуя над собой гнета бывшей мисс Гибсон и давно уже не проводивший так спокойно и так весело время, взял слово с Мортонна, что он будет навещать старого друга его отца, пока гостит в этих краях.

— Жалко, жена уехала... Очень жалко... — несколько раз повторил он. — Она была бы рада видеть вас...

Когда Генри уходил, провожаемый генералом, в передней его остановил старый камердинер сэра Джонса:

— Извините, сэр, — обратился он к Генри, — вы не сын генерала Мортонна?

— Да, это мой отец, — ответил Генри.

— Господи, сэр! Как я рад вас видеть!.. Я знал вашего отца, служил когда-то под его командой в Индии, прежде чем меня перевели в дивизию генерала Джонса. Я знал вас, когда вы еще были совсем, совсем маленьким.

Глаза старика, умильно глядевшего на Генри, наполнились слезами.

Генри протянул руку старому ветерану и хотел было выйти, как вдруг, что-то вспомнив, вернулся:

— Как ваше имя?

— Джемс, сэр.

— Так вот, Джемс, зайдите сегодня ко мне... Я живу у Пейкерса, это близко. Мне нужно поговорить с вами... Я буду ждать.

— Обязательно, обязательно приду, сэр! — обрадовался старик. — Старого Джемса не придется ждать, когда ему приказывает Мортон...

Вечером, окончив дела, Джемс пришел в квартиру Пейкерса. Генри встретил старика приветливо, обласкал его и, как бы между прочим, расспрашивая об обязанностях, спросил, кто отправляет на почту корреспонденцию генерала.

— Эта обязанность лежит на мне, — ответил Джемс.

— А что вы скажете, Джемс, о новой супруге генерала?

— Ох, не говорите, сударь!.. Не пристало слуге отзываться плохо о господах, но вам я скажу... Это зло нашего дома... С того дня, как генерал женился, все пошло вверх дном... А та с первых же шагов невзлюбила нашу барышню, стала наговаривать на нее генералу... Ах, да лучше не говорить!.. Совсем извела ее, бедняжку!..

— Джемс, — торжественно заговорил Генри, — вы знали моего отца, знали меня, когда я еще был совсем маленьким, вы любите, как я вижу, мисс Джесси... Исполните же одну нашу небольшую просьбу.

— Располагайте мною, сэр! Располагайте, как вам угодно!..

— Я вам открою тайну, Джемс, — продолжал Генри. — Мы с Джесси любим друг друга и я хочу на ней жениться... Я вам говорю прямо, потому что доверяю вам... И мы с Джесси просим у вас услуги. Я боюсь, что жена генерала, узнав о моем приезде, поспешит сюда, чтобы помешать нашей свадьбе... Единственный выход — это чтобы она не знала ничего... Сэр Джонс, конечно, будет ей писать... Поэтому я вас прошу, все письма генерала к его жене не отправляйте на почту, а задержите дня на четыре... Хорошо?.. Ведь я прошу у вас не преступного, а... только забыть на четыре дня... отложить исполнить поручение генерала... — и, видя колебания Джемса, добавил: — Для Джесси, для меня, для вашего бывшего начальника генерала Мортон...

— Сударь, для другого бы я это никогда не сделал... Не исполнить в точности приказание сэра Джонса!.. Но для вас, для мисс Джесси... я сделаю это...

Генри молча крепко пожал руку Джемса, понимая, что делается на душе у старика, за несколько десятков лет ни разу не нарушавшего своих обязанностей.

Бывая ежедневно у генерала, Генри постоянно виделся с Джесси, говорил с ней, гулял и сэр Джонс, вначале косившийся на их сближение, к концу недели перестал обращать внимание, как будто бы так и должно быть,

Выждав ровно неделю и став за это время своим в доме генерала, Генри на восьмой день, одевшись особенно тщательно, явился утром к сэру Джонсу и попросил принять его.

Удивленный таким официальным визитом, генерал провел Мортон в кабинет и, предложив сесть, вопросительно посмотрел на него.

— Сэр, — начал Генри, — хотя я не так давно в вашем доме, но вы знали хорошо моего отца, знали меня маленьким, поэтому я и осмеливаюсь высказать вам то, зачем я пришел... Мне двадцать восемь лет, я имею хорошее состояние, положение мое обеспечено... Сэр, я пришел просить у вас руки вашей дочери и думаю, что вы не откажете мне в этом, хотя бы во имя вашей дружбы с моим отцом и... еще потому, что, насколько вы могли заметить, мисс Джесси против этого брака ничего не имеет...

Удивленный генерал, никак не ожидавший подобного предложения, молча смотрел на Генри, не зная, что ответить.

— Сэр, — продолжал тот, — я бы не осмелился так быстро, едва войдя в ваш дом, обратиться к вам с такой просьбой, но обстоятельства заставляют меня спешить... Я получил срочную командировку в Индию и очень бы хотел, чтобы эта поездка была вместе с тем нашим свадебным путешествием с мисс Джесси.

— Дорогой Генри, — взволнованно ответил старый генерал, — я бы против вас безусловно ничего бы не имел... Наоборот, брак дочери с сыном моего старого друга генерала Мортон может быть только желательным...но я не могу решить этого важного вопроса без жены... и боюсь, что она имеет другие виды на Джесси... Положительного я ничего вам не могу сказать в настоящую минуту... Подождите приезда жены...

— Но ведь это же невозможно!.. — воскликнул с отчаянием в голосе Генри. — Через неделю я должен во что бы то ни стало уехать, а ваша супруга вернется не ранее месяца...

— Что делать, что делать, дорогой Генри!.. Повторяю, я бы от всей души дал согласие на этот брак, но не могу обойти мистрис Джонс, которая так любит и так заботится о Джесси...

— Но войдите же в мое положение, сэр!.. Сэр, я вполне понимаю вас и вовсе не хочу обойти право матери госпожи Джонс, но ведь есть выход! — воскликнул Генри, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. — Пошлите вашей супруге телеграмму, подробно изложив все обстоятельства и я покорно буду ждать решения мистрис Джонс, которая, я уверен, не откажет мне.

— Кто знает?.. Кто знает?.. — забормотал генерал. — Впрочем телеграмму я пошлю, но только предупреждаю вас, чтобы не было разочарования, дорогой Генри, на успех я не надеюсь...

— Пошлите, генерал!.. Кстати, Пейкерс через час едет на станцию. Он отправит телеграмму и я буду покоен, зная, что депеша послана...

— Какие вы торопливые, молодые люди!.. Подай вам все сейчас!.. — засмеялся генерал, садясь к столу. — Ну, давайте составлять телеграмму вместе.

Через некоторое время Пейкерс уехал на станцию по своим делам, передав телеграмму генерала Генри, который, сидя в кабинете, в усадьбе Пейкерса, составлял ответ на бланке, добытом еще ранее Пейкерсом у знакомого почтово-телеграфного чиновника.

Составив две телеграммы, Генри стал их внимательно перечитывать:

Одобряю выбор Джесси, радуюсь хорошей партии, быть на свадьбе не могу — немного больна, благословляю, желаю полного счастья, целую тебя.

Мери.

Другая телеграмма была на имя Джесси:

Благословляю, желаю счастья, крепко целую. Мать.

Оставшись, по-видимому, довольным своим произведением, Генри снял сюртук и, закулив сигару, прилег на диван.

— Черт возьми! — внезапно вскочил он. — Я, кажется, начинаю хотеть поскорее устроить эту свадьбу не ради од-

ной только Джесси... Какая глупость!..

И, нервно швырнув сигару в угол, Генри снова лег на диван и закрыл глаза.

Через день, когда Мортон сидел у генерала, слуга доложил о приезде Пейкерса, вернувшегося со станции, куда он поехал утром получать выписанную из Лондона новую молотилку.

Войдя в комнату и поздоровавшись с генералом, Пейкерс передал ему почту, захваченную со станции, среди которой сэр Джонс тотчас же увидел две телеграммы.

Быстро распечатав одну из них и пробежав ее глазами, генерал удивленно посмотрел на Генри и, видимо довольный, сказал:

— Могу вас порадовать, дорогой мой. Жена соглашается на ваш брак с моей дочерью... Что же касается меня, то я могу только от всей души обнять вас...

Сэр Джонс с чувством обнял улыбающегося Генри.

— Не откажите же, генерал, передать мое предложение мисс Джесси...

— А вот пусть лучше она сама ответит... — перебил его сэр Джонс, видя входящую дочь. — Джесси, мистер Мортон просит твоей руки... Ни с моей, ни со стороны матери, от которой я только что получил телеграмму, препятствий не встречается... Что мне ответить?..

— Скажите, что я принимаю предложение... — тихо ответила молодая девушка, опустив глаза вниз.

Через три дня состоялась свадьба и, когда молодые, напутствуемые пожеланиями, остались одни, Джесси обратилась к мужу с вопросом:

— До сих пор вы мне не говорили, мистер Генри, каким образом вам удалось получить согласие моей мачехи, как вам удалось заставить ее послать такую телеграмму?

— Ну, это было нетрудно... — рассмеялся Генри, — потому что телеграмму написал я сам в кабинете у Джона Пейкерса...

Перед отъездом Мортон имел продолжительный разговор с Джемсом и Пейкерсом в кабинете последнего, дав им подробные инструкции и указав, куда посылать теле-

граммы в случае чего-либо важного.

Всю дорогу Генри окружал Джесси таким вниманием, такой заботливостью, что она начинала чувствовать себя положительно счастливой и жизнь за последнее время в доме отца под вечным гнетом мачехи стала казаться ей далеким, неприятным сном.

— Мисс Джесси, — сказал ей Мортон на другой день после отъезда, — перед лицом света мы муж и жена, только что повенчавшиеся... Для того, чтобы нам лучше играть роль, давайте называть друг друга просто по именам...

Джесси тотчас же согласилась и ей было странно и вместе с тем невыразимо приятно называть так этого сильного человека, ее мужа перед лицом света и защитника, брата и друга в действительности...

В Париже молодые супруги устроились в комфортабельной гостинице, заняв два смежных номера, соединяющихся между собой дверями.

Джесси, не выезжавшая никуда из Англии, была в восторге от шумной, бьющей ключом жизни современного Вавилона. Она по целым дням ходила в сопровождении Генри по магазинам, закупая тысячи ненужных вещей, радуясь и восторгаясь всем и всеми, как ребенок, вырвавшийся на свободу после душной комнаты.

Несколько раз, с благодарностью сжимая сильную руку Генри своими маленькими ручками, она говорила, задыхаясь от волнения:

— Генри, я так счастлива!.. Так счастлива!.. И вы такой добрый, такой хороший!..

Как-то раз, гуляя по улицам Парижа, по обыкновению, с мужем, Джесси остановилась около роскошной витрины ювелирного магазина и залюбовалась на кулон из цветного золота. Кулон действительно был прелестен.

— Генри, какая прелесть! Посмотрите!.. Какая дивная игра камней... Ой-ой, шестнадцать тысяч франков!.. — разочарованно dokonчила Джесси, взглянув на выставленную цену. — Нет, я не буду так много тратить денег. Пойдемте, Генри!.. А все-таки кулон одна прелесть...

Генри, не отвечая, отошел от магазина и, когда на следующий день Джесси проснулась, она увидела на столике около кровати изящный футляр с понравившейся ей вещью.

Тронутая таким вниманием со стороны Генри, она стала горячо благодарить его, радуясь не столько самому подарку, как той заботливости, которой окружал ее этот в сущности чужой ей человек, предугадывая каждое ее желание.

— Моя девочка! — ласково ответил Мортон. — Молодость бывает только один раз в жизни, а счастливых минут так мало достается на долю каждого, что, право, не стоит проходить мимо них... тем более в таких мелочах... Вы радуетесь, приобретя вещь, которая вам понравилась, я счастлив, видя вашу радость... Мы оба довольны, а это самое главное... Лучше одевайтесь, да поедem за город! В такую погоду, право, грех сидеть дома!..

Неделя в Париже для Джесси прошла незаметно и она с сожалением согласилась оставить этот город изящества, веселья и наслаждений для того, чтобы поехать в солнечную Италию, куда ее настойчиво торопил Генри.

В Париже Мортон вел обширную переписку, посылая и получая массу писем и телеграмм и эти занятия мужа несколько злили Джесси. Ей казалось, что противные дела отнимают у нее Генри, к которому она так привыкла, подкупленная его вниманием и добротой, что не могла обходиться без него минуты. И, когда, погруженный в работу, Генри предлагал ей пройтись одной, Джесси капризно отвечала:

— Без вас, Генри, мне будет скучно... Лучше я посижу около вас, пока вы работаете, а потом пойдем вместе.

Генри в этих случаях проводил рукой по волосам или встряхивал головой, как будто для того, чтобы отогнать какую-то назойливую мысль, и продолжал работать.

В этот день Джесси с утра была какая-то странная. Несколько раз она подходила к мужу, как бы желая о чем-то попросить, но каждый раз уходила, ничего не сказав. Наконец, перед вечером, пользуясь наступившими сумерками, когда не так ясно видно выражение лица, она решила и, выбрав минуту, обратилась к Мортону просящим тоном:

— Вы не рассердитесь, Генри, если я вас попрошу о чем-то?

Генри с удивлением взглянул на нее:

— Разве я когда-нибудь сердился на вас, Джесси, и, наконец... я на это не имею права...

— Я вас хочу попросить о чем-то... только стыдно...

— В чем дело?

— А... Вот что... Сведите меня в кафе-шантан, Генри!.. — вдруг решила она. — Я читала в объявлениях, что здесь есть кафе-шантаны... Мне бы так хотелось посмотреть!..

— Только-то!.. — рассмеялся Генри, начавший уже беспокоиться. — Хорошо, сегодня пойдем...

— Так я побегу одеваться, — обрадовалась Джесси.

— Подождите, Джесси! Сейчас там и лакеев-то нет даже... Пойдем часов в одиннадцать, во всяком случае, не раньше...

— Как долго ждать! — надулась Джесси. — Почему так поздно?

— А видите ли, Джесси, шантаны в Париже начинают работать главным образом после закрытия театров. К этому времени подгоняются и лучшие номера, так что раньше идти не стоит.

В двенадцатом часу Джесси и Мортон заняли небольшой столик против сцены и заказали себе ужин, приказав заморозить бутылку шампанского.

Зал был залит электричеством, между столиками ходили пестро и нарядно одетые женщины с накрашенными лицами и подведенными глазами и перекидывались шутками с сидящими мужчинами. Иные подсаживались к подпившей компании и, бесцеремонно похлопывая по плечу или ноге сидящего рядом, просили угостить чем-нибудь.

— Генри, что это за женщины? — спросила Джесси, с широко раскрытыми глазами наблюдавшая эти сцены и старавшаяся не проронить ни одной мелочи.

— Это феи шантана, — отвечал Мортон.

— И они все... продажные?..

— Почти все.

— Господи, как противно!.. Как я их ненавижу!..

— Напрасно, Джесси!.. — серьезно возразил Мортон. — Это скорее несчастные женщины... И винить надо не их, а общество, выбросившее их на рынок. Есть спрос, есть предложение... Общество требует живого товара, создает его и... клеймит презрением... произведение своих же рук. Это нелогично!.. Многие из этих милых, но погибших созданий, как их называют, очень хорошие, порядочные люди, и душа у них такая же, как и у нас с вами, Джесси... только они пали, а общество, виновное в их падении, вместо того, чтобы поддержать их, еще более втоптывает в грязь.

В это время заиграл оркестр и поднялся занавес. Джесси, не имевшая никакого представления о кафе-шантанах, вся обратилась в слух, с трепетом ожидая чего-то страшного, ужасного разнузданного...

Дома, прощаясь с Генри, она разочарованно проговорила:

— А в сущности, в кафе-шантанах ничего особенного не бывает... А я ждала чего-то... страшного...

На следующий день, с грустью расставаясь с Парижем, молодые супруги уехали в Италию, куда Генри призывали неотложный дела.

* * *

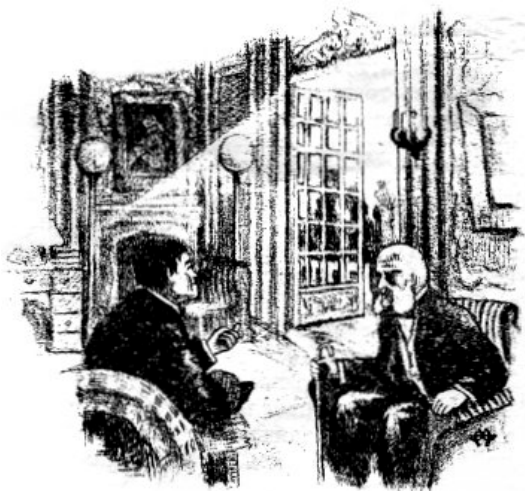
После отъезда молодых супругов, Джон Пейкерс, пользуясь отсутствием бывшей мисс Гибсон и в точности выполняя инструкции, полученные им от Генри, стал ежедневно посещать генерала, ведя с ним нескончаемые разговоры на всевозможные темы.

Как-то раз за чашкой кофе, ловко наведя тему разговора на авантюристов и падших женщин, Пейкерс предложил рассказать генералу одну интересную, по его словам, историю, случившуюся не так давно.

— Несколько лет тому назад, — начал Пейкерс, — я знал одну женщину по имени Мери... Тейлор... Дочь содержательницы публичного дома и ее любовника. Мери с ран-

них лет поражала своей развращенностью и испорченностью... когда умерла ее мать, обобранная любовником, и дело пришлось ликвидировать за долги, Мери осталась без всяких средств. Скоро ей удалось пристроиться к небогатому торговцу, обобрав которого, она бежала в Гавр. Опускаясь все ниже, она, наконец, очутилась на панели и Бог знает чем бы кончила, если бы ей не встретился один господин, который под пьяную руку устроил ее в шантан. В шантане Мери, будучи недурно сложенной и обладая довольно красивой наружностью, имела успех и через самое непродолжительное время выступала уже солисткой-танцовщицей. Но ей хотелось большего... Ей хотелось иметь богато обставленную квартиру, выезды, бриллианты... В это же приблизительно время она познакомилась с одним испанцем, выступавшем в том же кафе-шантане и сделала его любовницей. Раз, заманив к себе богатого провинциала, Мери напоила его и обобрала при помощи любовника. Потерпевший не испугался скандала и в результате оба мошенника отсидели в тюрьме. Выйдя из заключения, Мери снова поступила в шантан. Здесь при помощи одной шантанной певицы ей удалось заманить к себе богатого скупщика лошадей и обобрать его. К несчастью, одурманенный очнулся в тот момент, когда испанец очищал его карманы. Испанец начал его душить, но потерпевший был человек сильный и повалил испанца на пол. Тогда Мери, схватив кинжал, висевший на стене, ударила им в спину скупщика, который без крика повалился на полубесчувственного испанца. Завладев крупной суммой денег, преступники бежали в Лондон, где Мери, скрываясь от полиции, приняла вид вполне приличной, обиженной судьбой женщины, а испанец поступил для вида на службу в какую-то контору. Так прошло месяца три. В это время Мери, отлично играя роль, приобрела некоторые знакомства, говоря, что она вдова офицера, погибшего в колониях. В одном доме ей удалось познакомиться с богатым помещиком, человеком уже пожилым, вдовцом, редко ездившим в Лондон и потому отставшим от общества. Было пущено в ход все: улыбки, вздохи, закатывание глаз и старый провинциал

в конце концов так расчувствовался, что предложил ловкой авантюристке руку и... состояние, не наводя даже справок о ее прошлом. Выйдя замуж, Мери ввела своего любовника в дом мужа под видом кузена и обманывала с ним влюбленного старика под самым его носом.

Генерал стал слушать внимательнее.

— Она уговорила мужа, — продолжал Пейкерс, — сделать завещание в ее пользу и намеревалась было устранить его так, как устранила скупщика, но тут ей показалось этого мало... Дело в том, что у помещика была дочь-невеста, милое, кроткое, безобидное существо, без памяти любившее отца. У девушки был капитал, около миллиона фунтов стерлингов, оставленный ей матерью. Мери Тейлор решила завладеть этими деньгами во что бы то ни стало. План ее был прост: выдать замуж девушку за испанца, который сумеет перевести все деньги на свое имя... Когда все это будет сделано, убрать ловким способом помещика... Мало ли случайностей бывает... Ликвидировать все дела и уехать вместе с любовником куда-нибудь в Испанию или Америку, оставив на произвол судьбы бедную обобранную девушку или убив ее... Вот что бывает, генерал, — закончил Пей-

керс, — когда берешь в дом неизвестного человека, не навоя справок о его прошлом...

— Ну, а дальше?.. Что дальше?.. — взволнованно спросил сэр Джонс. — Чем вся эта история окончилась?..

— Дальше, право, не знаю... Кажется, негодяи попались...

Генерал задумался и не заметил, как Пейкерс, взяв шляпу, тихо вышел из комнаты.

На другой день генерал, несколько осунувшийся и побледневший, зашел к Пейкерсу.

— А знаете, — сказал он, натянуто улыбаясь, — в вашей истории, которую вы мне вчера рассказали, есть много общего с моей женитьбой... вообще с моим положением... тоже взрослая дочь... испанец...

— Что вы, генерал! Разве тут можно сравнивать! Мистрис Джонс такая святая женщина... — ответил Пейкерс.

— Правда, правда!.. — радостно закивал головой сэр Джонс. — А все-таки в общих чертах есть... некоторое сходство...

— А знаете, я вчера получил письмо от одного приятеля из Лондона. Он недавно женился на очень интересной вдове, познакомившись с ней случайно в одном доме и не навоя справок о ее прошлом. И что же вышло? Представьте, она оказалась бежавшей из тюрьмы воровкой, которую разыскивала полиция... В один прекрасный день ее арестовали и мой приятель теперь не знает, что делать...

Генерал, нервно теребя седеющие усы, несколько раз прошелся по комнате, и сославшись на дела, попрощался с Пейкерсом и вышел, забыв палку, с которой он никогда не расставался, а Пейкерс, сев за стол, написал телеграмму Генри:

Генерал подготовлен. Можно действовать. Джон.

Приехав в Италию, Генри стал усиленно заниматься делами к великому сожалению Джесси, которая со всем пылом молодости увлекалась и спокойным величием моря, и жгучими лучами итальянского солнца... Она готова была целыми часами сидеть на берегу, любуясь, как одна волна, догоняя другую, разбивалась о скалистый берег около ее ног, как сотни белых чаек с пронзительными криками кружились над волнами, как постепенно увеличивались далекие точки парусов, приближаясь к берегу. Все это доставляло ей наслаждение неизведанного и она сердилась, когда Генри не мог сопутствовать ей, говоря:

— Без вас, Генри, и море не то, и чайки не так красивы!

Как-то раз Генри сидел вместе с Джесси за утренним кофеом, когда раздался стук в дверь и слуга доложил, что какая-то женщина желает видеть мистера Мортонa.

— Просите! Просите!.. — обрадовался Генри. — Наконец-то!.. Джесси! — обратился он к жене. — У меня тут маленькое деловое свидание... Может, вы выйдете на минуточку...

Джесси неохотно поднялась с кресла и, когда выходила из комнаты, увидела в противоположных дверях входящую высокую женщину с рыжими волосами и накрашенным лицом, и это больно кольнуло ее.

— Здравствуйте, Бетси! Я вас ждал с нетерпением, — приветствовал Генри вошедшую женщину. — Почему вы так долго не ехали?

— Как он смеет называть ее так... по имени?.. Кто она? А если... — мелькнула у Джесси мысль и она, упав на кушетку, залилась горькими слезами, первыми со дня ее свадьбы с Мортоном.

* * *

Старый генерал сидел в утреннем халате и просматривал газету, когда Джемс вошел в кабинет, неся на серебряном подносе почту.

— Без вас, Генри, и море не то и чайки не так красивы...

Прежде всего генералу бросилось в глаза письмо, лежащее наверху и адресованное на имя его жены. Грязный конверт, безграмотно написанный адрес невольно обращали на себя внимание.

— От кого бы это могло быть?.. — задал себе вопрос сэр Джонс и, не получая ответа, взял письмо в руки. Письмо было плохо заклеено и одного движения пальца было достаточно, чтобы его распечатать, но причиняя вреда конверту.

Подозрения, навеянные рассказами Пейкерса, сразу пришли в голову генерала и он уж взялся было за письмо, чтобы прочесть его, но сейчас же положил, говоря про себя:

— Что за глупости!.. Ведь может же прийти в голову!..

До обеда генерал несколько раз подходил к столу, где лежала корреспонденция жены, но каждый раз, ловя себя на желании прочесть письмо, быстро выходил из комнаты.

А мысли одна за другой приходили в голову сэру Джонсу, рисуя всевозможные картины. Рассказ Пейкерса о Мери Тейлор припоминался в деталях и ему невольно мерещилась связь между Мери Тейлор и его женой.

Наконец, успокаивая себя тем, что конверт почти расклеился и жена не заметит ничего, генерал решительно

взял письмо и, без труда вскрыв его, стал читать. По мере чтения лицо его бледнело, руки дрожали и он был близок к обмороку.

Дорогая Мери! — гласило письмо. — Я только что вышла из тюрьмы, в которой отсидела ровно два года после этой истории со скупщиком. Твое счастье, что ты успела уехать, так как нож-то пустила в дело ты и тебе бы не поздоровилось... Случайно узнала о твоём замужестве и поздравляю тебя. Ты всегда была ловкая, хитрее нас всех... Я теперь сижу на мели, поэтому думаю, ты не откажешь прислать своей бывшей подруге и соучастнице на первое время фунтов пятьдесят. Ведь у тебя теперь денег куры не клюют. Адрес прилагаю.

Как поживает твой Педро? Я думаю, вы катаетесь, как сыр в масле, за спиной твоего старого наизаконнейшего мужа... Ну и ловкая же ты! Жду денег.

Твоя Бетси Тейлор.

Генерал схватился руками за голову, письмо выпало из его рук и отлетело в дальний угол комнаты; шатаясь, подошел он к креслу и опустился на него, бессознательно проводя рукой по лицу... Его жена... Бетси Тейлор... История, рассказанная Пейкерсом...

Несколько часов просидел сэр Джонс неподвижно и, когда поднялся, лицо его выражало твердую решимость. В нем проснулся прежний генерал Джонс, когда-то бесстрашно водивший свою дивизию под градом пуль и снарядов в самые опасные места битвы.

В тот же день сэр Джонс приказал Джемсу перевести пятьдесят фунтов по адресу, написанном на грязном клочке бумаги, от имени его жены, а сам пошел к Пейкерсу, с которым имел продолжительный разговор, просидев у него до поздней ночи.

В Италии, так же как и в Париже, Джесси почти не сидела дома. В сопровождении Генри она все время проводила на берегу моря, гуляла, каталась на лодке, ездила за город. Излюбленным местом для прогулок Джесси была набережная, откуда открывался чудный вид на море, испещренное сотнями стоявших на якоре всевозможных судов, начиная от гигантских океанских кораблей и кончая маленькими изящными яхтами, красивыми и нарядными, как парижанка.

Прогуливаясь как-то по набережной, Джесси и Генри дошли до площади, на которой помещался небольшой сквер, наполненный играющими детьми, оглашавшими воздух радостными криками. Вдруг в конце улицы раздались крики, послышался выстрел. Генри инстинктивно загородил собой Джесси, готовый защищать ее от всех и каждого. Из-за угла показалась большая желтая собака, несущаяся прямо на Генри. За ней на некотором расстоянии бежали несколько человек, которые громко кричали:

— Спасайтесь! Спасайтесь!.. Бешеная собака!..

Деваться было некуда. С одной стороны море, с другой большая открытая площадь. Поблизости ни одной будки, ни одного столба, за которым можно бы было спрятаться.

— Стойте на месте, Джесси, и ничего не бойтесь!.. — быстро проговорил Генри, снимая плащ и свертывая его в комок.

Сделав несколько шагов по направлению к бегущему зверю, Генри остановился и, когда собака с яростным визгом, бросилась на него, он быстрым движением всунул ей в рот свернутый плащ и, схватив другой рукой обезумевшее животное за горло, перевернул его на спину и прижал к земле, употребляя нечеловеческие усилия, чтобы удержать на месте. Для обыкновенного человека такая задача была бы невыполнимой, но Генри обладал колоссальной силой, а мысль, что около него стоит Джесси, которая подвергается опасности, удесят�яло эту силу.

Придавив собаку коленом, Генри одной рукой держал ее, а другой старался не дать ей освободиться от плаща, который собака при первом прыжке с яростью схватила зуба-

ми. Стальные мускулы Генри напряглись и рельефными комками выделялись на обтягивающей его тело рубашке. Вся его фигура, немного изогнутая и напряженная, олицетворяла собой силу и он в эту минуту походил на римского гладиатора, борющегося перед ложем Нерона.

Мало-помалу движения собаки стали слабее и наконец, сделав последнее конвульсивное движение, она вытянулась неподвижным пластом под державшим ее Мортонем.

Выждав еще несколько минут, Генри встал, вздохнул полной грудью и, утирая лоб, веселым голосом обратился к Джесси:

— Еще минута и я готов был выпустить этого проклятого зверя... Но что с вами, Джесси? Успокойтесь!.. Собака теперь не опасна!..

— Но, она вас... не укусила?.. — прерывающимся от волнения и страха голосом спросила Джесси.

— Нет!.. Я отделался благополучно.

— Боже, как я боялась за вас, Генри!.. Слава Богу, что вы невредимы!.. Вы мне спасли жизнь, Генри...

Джесси сделала шаг, чтобы взять руку Генри, но тот ее остановил словами:

— Только не прикасайтесь ко мне!.. Я весь забрызган пеной бешеного животного.

Джесси побледнела как полотно.

— Ведь вы можете заболеть... заразиться...

— Ну, даст Бог, этого не случится... Но, во всяком случае, надо принять меры... Пойдемте домой. Хорошая ванна и чистый костюм не лишнее... Да и время уже обедать.

Собравшаяся толпа устроила Мортону овацию, шумно восторгаясь его мужеством и силой и Джесси, слушая это, высоко подняла голову, гордясь и подвигом Генри и тем, что Генри с ней.

Придя домой, Джесси от волнения почувствовала себя плохо. К вечеру болезненное состояние усилилось и открылся жар. Приглашенный доктор ничего определенного сказать не мог, прописал хину и уехал. Генри, взволнованный, ходил по комнате, поминутно подходя к больной и прикладывая ей руку ко лбу. Когда Джесси, немного успокоив-

шись, заснула, Мортон придвинул большое кресло к кровати и сел на него, взяв за руку жену. Просыпаясь несколько раз в течение ночи, Джесси сквозь сон видела склонившегося к ней мужа и снова засыпала, едва слышно шепча:

— Генри!.. Мой Генри!..

Проснувшись утром и увидев сидящего около кровати Мортон, Джесси с недоумением посмотрела на него, но потом, вспомнив все, улыбнулась.

— Как вы чувствуете себя, Джесси? — с беспокойством спросил Мортон.

— Хорошо... А вы... разве не ложились?.. сидели около меня?

— Ну, это пустяки!.. Слава Богу, что вы-то здоровы!

— Какой вы добрый... Генри!.. — только и могла ответить Джесси и в порыве благодарности, схватив руку мужа, поднесла к губам.

Лихорадка, вызванная волнением предыдущего дня, прошла бесследно и за обедом Джесси по-прежнему щебетала, радуясь и своей молодости и близости Генри.

Спустя несколько дней, получив длинное письмо от Пейкерса, Мортон вошел в комнату Джесси и обратился к ней:

— Джесси, мне удалось вырвать вас из рук двух негодяев, желавших воспользоваться вашим состоянием, но этого недостаточно. Надо постараться во что бы то ни стало спасти вашего отца... Вы, помните, сердились на меня и в Париже и здесь, когда я, чересчур долго занимаясь делами, не мог сопровождать вас... Я работал в этом направлении и вот последний акт драмы приближается и в нем вы должны принять участие, которое выразится в том, чтобы вы написали небольшое письмо вашей мачехе под мою диктовку.

— Мачехе?.. — удивленно спросила Джесси.

— Да, мачехе... Согласны вы?

— Но зачем?.. Впрочем, раз вы просите, я, конечно, сделаю все...

— Так пишите же и не расспрашивайте ни о чем... Когда-нибудь я все вам расскажу, но... не теперь...

Джесси взяла лист бумаги и конверт.

— Пишите, — сказал Мортон, немного подумав:

Дорогая мама! Я очень счастлива с моим Генри, который меня так любит. Он сделал завещание в мою пользу, а он, оказывается, гораздо богаче меня. Мы сейчас в Италии, проводим время очень весело. Пишите нам.

Ваша благодарная дочь Джесси.

— Какое завещание, Генри? — спросила Джесси, когда окончила писать...

— Так нужно!.. Потом я расскажу, зачем... Впрочем, вы написали неправду только наполовину, потому что я действительно сделал завещание... Вот, возьмите его и сохраните. Жизнь человеческая слишком ненадежна и зависит от массы случайностей...

— Генри... — с чувством произнесла Джесси. — Если вы умрете, то и я умру... Я без вас не буду жить...

Прошла неделя. За это время Мортон купил прелестную уединенную виллу на берегу моря, которую подарил жене и тотчас же переселился туда.

Джесси в восторге от подарка целыми днями суежилась, переставляя, передвигая мебель, украшая стены и стараясь придать возможно более уютный вид помещению, в котором жил ее Генри. Смеясь, она говорила мужу, что он теперь гостит у нее, в ее собственном доме и Генри, видя радость жены, радовался сам, хотя иногда, вспоминая сэра Джонса, складка ложилась между его бровями и он надолго задумывался.

Как-то перед вечером Джесси читала книгу на веранде, а Генри, сидя около нее, любовался на открывавшееся перед ним море, когда вошел слуга и подал телеграмму. Генри быстро пробежал ее глазами и из груди его облегченно вырвалось:

— Наконец-то!..

Джесси встала и через плечо сидящего мужа прочла:

Педрозо выехал. Сопровождает агент. Будь осторожен. Джон.

— Что это значит, Генри? — спросила она. — Почему будь осторожен?..

Мортон, только что заметивший подошедшую жену, нервным движением быстро спрятал телеграмму, потом, придя в себя, улыбнулся и спокойно сказал:

— Какая вы любопытная, Джесси!.. Я ведь вам обещал все рассказать... только потом... Ну, уж если вы так хотите, — добавил он, видя протестующий жест жены, — то это значит, что ваш отец скоро будет в такой же безопасности, как и мы... Только, пожалуйста, никому ни одного слова про эту телеграмму, которую вы случайно прочитали, иначе все мои планы рухнут и все придется начинать сначала...

— Но почему вы не хотите рассказать мне всего... сейчас?

— Джесси, поверьте, только серьезные причины заставляют меня скрывать от вас мой план... Подождите, через каких-нибудь два или три дня вы узнаете все. Ведь это не такой уже большой срок...

Прошло три дня, во время которых Мортон часто уходил из дома, возвращаясь поздно ночью, чего с ним раньше никогда не случалось. Джесси каждый раз дожидалась его прихода, беспокоясь и волнуясь за него, когда он возвращался поздно.

В этот день Генри ушел с утра и, вернувшись только вечером, не заходя в свою комнату, прошел прямо к Джесси и предложил ей проехать с ним ужинать в ресторан, на что она, проскучав целый день, охотно согласилась.

Перед уходом Генри вынул из письменного стола револьвер, тщательно зарядил его и спрятал в карман.

Когда они вошли в ресторан, зал был уже почти полон и оркестр музыки довольно сносно исполнял увертюру из «Кармен». Генри долго оглядывался, выбирая место, и, наконец, заметив в углу небольшой стол, занял его и тотчас же потребовал шампанского и коньяку. Джесси, зная, что Мортон ничего не пьет, удивленно спросила:

— Это все будете пить вы, Генри?..

— Мне так хорошо с вами, дорогая Джесси, — подчеркнуто громко ответил Мортон, — что, право, лишний стакан вреда не принесет...

Сидевший за соседним столом жгучий брюнет с окладистой черной бородой, в больших золотых очках, вздрогнул при этих словах Мортон и пристально посмотрел на него.

Заказав ужин и быстро опорожнив бутылку, Генри потребовал вторую, наполнил стаканы и слегка захмелевшим голосом громко сказал, обращаясь к жене:

— За нашу любовь, Джесси!

Джесси, не понимая, что это все значит и не представляя себе Генри в нетрезвом виде, машинально отпила глоток.

— Джесси, посидите одну минуту одна, мне надо поговорить по телефону... — сказал Мортон и, не дожидаясь ответа, нетвердыми шагами направился к телефонной будке в конце зала, но по дороге зацепил ногой стул, который с шумом повалился. Подняв стул и пьяным голосом рассыпавшись в извинениях, он прошел дальше и, когда вернулся на свое место, Джесси наклонилась к нему:

— Посмотрите, Генри, на того господина за соседним столиком, в очках и с черной бородой... Если бы не очки и борода, я бы подумала, что это Педрозо...

— Молчите!.. Ни слова!.. — и тут же громко добавил:— Пустяки!.. Вот лучше еще стакан вина и потом домой...

Выпив принесенную бутылку, Генри совсем опьянел и, сильно пошатываясь, вышел вслед за Джесси, которая никак не могла прийти в себя от всего виденного.

Господин в очках тоже встал вслед за ними.

В передней Генри так щедро дал швейцару на чай, что тот поклонился ему чуть не до земли и, поддерживая подгулявшего барина под руку, бережно усадил его в автомобиль, в котором Генри развалился в небрежной позе сильно выпившего человека, не обращая внимания на Джесси. Но лишь только автомобиль завернул за угол, Генри моментально изменился. Хмель как рукой сняло.

— Гордон? — крикнул он шоферу. — Полный ход! Домой! Джесси, — обратился он, ласково склонившись к молодой женщине, — неужели вы могли подумать хотя бы на одну минуту, что я пьян, что я позволил себе напиться до такой степени, да еще в вашем присутствии. Сегодня разы-

...Генри, сильно пошатываясь, вышел вслед за Джесси...

грывается последний акт той драмы, в которой мы принимаем участие, и по пьесе я должен казаться совершенно пьяным... Теперь слушайте. Приехав домой, вы, не заходя в вашу комнату, поднимитесь во второй этаж в библиотеку и останьтесь там, заперев двери на ключ... И что бы вы ни услышали, сидите покойно, никоим образом ни отпирая дверей никому, кроме меня... Огонь погасите... Ведь вы исполните все в точности? Помните, от этого зависит многое...

Когда Генри входил в дверь виллы, пропустив вперед Джесси, мимо с головокружительной скоростью промчался автомобиль и Мортон, довольно потирая руки, узнал в сидящем в машине человеке того господина с черной бородой, который помещался за соседним столом в ресторане.

Войдя в дом, Джесси в точности исполнила приказания Генри и прошла прямо в библиотеку, заперев за собой дверь.

Мортон зажег лампу в своей комнате, затем, не торопясь, вышел в сад и тихонько свистнул. Почти тотчас же из

тени появились два человека в форме полицейских и подошли к Генри.

— Согласно вашей просьбе, мы уже более часа ждем здесь, — обратился один из них. — Скажите, в чем дело?

Генри провел обоих полицейских в гостиную и стал что-то шептать им. Потом вошел к себе в кабинет и, встав между окном и лампой так, чтобы его силуэт был виден на улице, стал раздеваться, сильно пошатываясь. Сняв куртку и жилет, Генри загасил лампу и впотьмах, свернув ковер, лежащий около стола, положил его на кровать и прикрыл одеялом, придав форму спящего человека. Сам же спрятался у изголовья.

Прошел час. Вдруг до чуткого уха Мортон донеслось слабое царапанье по стеклу окна. Еще минута, легкий стук от выдавливаемого окна. Окно бесшумно раскрылось и в комнату впрыгнул какой-то человек. На момент комната озарилась светом от электрического фонаря и фигура бесшумно приблизилась к кровати.

Генри замер, держа в одной руке револьвер, а другой нервно сжимая выключатель электрической лампы.

Человек подошел вплотную к кровати и поднял руку. Послышался стук от удара и звук разрываемой материи.

В ту же минуту Генри повернул выключатель и, сделав громадный прыжок, набросился на стоявшего около кровати человека, который растерялся от внезапного света.

Быстро выдернув руку, человек ударил Генри чем-то в грудь, но в ту же минуту тяжелой массой опустился на пол, сдавленный, как стальными тисками, мощными объятиями Мортон.

Пришедшие полицейские быстро связали пойманного, сняв с него привязную бороду и очки. Ковер, положенный на кровать, оказался насквозь пробитым кинжалом негодяя.

— Позабавились, дон Педрозо... Довольно!.. — проговорил Генри. — Скоро придет очередь и Мери... Кстати, и за убийство скупщика рассчитаетесь...

Педрозо сделал попытку броситься на Мортон, но, сдерживаемый сильными руками полицейских, только хри-

пел в бессильной ярости, дико вращая глазами.

Как только арестованного увели, Генри бросился наверх, чтобы успокоить Джесси, но, дойдя до половины лестницы, вдруг почувствовал такую слабость, что принужден был сесть на ступеньке. Опускаясь, он внезапно ощутил острую боль в левом плече и тут только понял, что ранен. Сбрав всю свою силу воли и поддерживаемый мыслью, что чем дольше он не придет к Джесси, тем дольше она будет волноваться, Генри скорее дополз, чем дошел до библиотеки и, когда Джесси отворила дверь, он упал в кресло, радостно смотря на молодую женщину и повторяя:

— Слава Богу, теперь всякая опасность для вас миновала!.. Теперь я за вас спокоен!..

— Генри, что это?.. Вы ранены?.. Вы весь в крови!.. — в ужасе вскрикнула Джесси, увидев кровь на рубашке Мортона.

— Пустое!.. Зато вы в безопасности!..

Но тут Джесси, комната, все поплыло перед глазами Генри и он, соскользнув с кресла, опустился на пол, поддерживаемый обезумевшей женой, думавшей, что он умирает.

Приглашенный доктор нашел рану хотя глубокой, но не опасной, сделал перевязку и посоветовал никоим образом не вставать с постели.

Джесси всю ночь провела в изголовье мужа и на следующий день, когда Генри проснулся, она, нежно прижавшись к его руке щекой, зашептала:

— Как я вчера испугалась за вас, Генри!.. Я думала, что что-то оборвалось внутри меня... Если бы вы умерли, я умерла бы с вами...

Сильная натура Генри быстро взяла перевес над болезнью и через три дня он уже чувствовал себя совсем здоровым и, если бы не строгое предписание доктора, боявшегося, что рана может открыться, он бы давно уже встал.

— Генри, — обратилась к нему Джесси, видя, что он чувствует себя вполне хорошо. — Расскажите мне, что значила эта сцена в ресторане и как вы могли предугадать нападение на вас Педрозо?

— А видите ли, Джесси, это очень просто!.. Когда вы написали под мою диктовку письмо и отправили его вашей мачехе, я рассчитывал, что, прочитав о завещании и о моем богатстве, которое после моей смерти должно перейти к вам, преступники сделают новую попытку ограбить вас, предварительно устранив меня для того, чтобы вы стали обладательницей и моего состояния...

— Если бы я знала, что мое письмо подвергнет вас опасности, я бы никогда не написала его... — с чувством сказала Джесси.

— Как я предполагал, так и вышло... — продолжал Мортон. — По получении вашего письма, Педрозо тотчас же выехал в Италию, имея наш адрес, и сделал попытку убить меня. Пейкерс, предупрежденный обо всем, телеграфировал мне об отъезде Педрозо из Англии и послал своего агента следить за ним... От этого агента, шаг за шагом проследившего Педрозо до Италии, я и узнал о часе его приезда и о том, где он остановился. Сцена же в ресторане подвинула развязку. Педрозо, думая, что я сильно пьян, решил не откладывать выполнение возложенной на него задачи, тем более, что подворачивался такой удобный случай... Вот и все... Конец же вы знаете...

Через несколько дней Мортон получил телеграмму от Пейкерса:

Мери Гибсон арестована за убийство скупщика и за попытку отравить сэра Джонса, пойманная на месте преступления камердинером генерала. Брак недействителен. Мери Гибсон оказалась законной женой Педрозо.

Джон.

Сообщив телеграмму обрадованной Джесси, Мортон грустно проговорил:

— Теперь всякая опасность для вас и для вашего отца устранена... Вы можете покойно вернуться домой, не боясь никаких преследований... Моя роль окончена... Можно начинать хлопоты о разводе, чтобы вернуть вам свободу, ко-

торой вы временно были лишены в силу необходимости... чтобы спасти себя и отца...

Джесси молча вышла из комнаты, не говоря ни слова.

Когда Генри окончательно выздоровел и мог уже вставать с кровати и ходить, он утром вышел из дома и вернулся через некоторое время с целой связкой бумаг.

— Джесси, — обратился он к жене, — выслушайте меня внимательно... Вот здесь отчет о вашем состоянии, которое вы передали мне в день вашей свадьбы. Теперь всякая опасность миновала и я возвращаю его вам в целости с процентами за все время...

— Позвольте, Генри, а как же расходы... что я тратила на себя... Кулон, например... эта вилла...

— Ведь вы были же моей женой... — улыбнулся Генри. — А разве не должен муж исполнять капризы жены?.. Ну, так слушайте дальше: вот эта бумага, мое согласие на развод... Вам я советую вернуться к отцу... Вы еще молоды... встретите кого-нибудь, полюбите...

— А вы, Генри?.. — печально спросила Джесси.

— Что касается меня, я получил предложение участвовать в одной экспедиции в Африке, куда и уезжаю на днях...

— Вы твердо решили ехать в Африку, Генри?

— Да, бесспорно!

— Ну, так и я поеду с вами!.. — с внезапной решимостью заявила Джесси.

— Опомнитесь, Джесси!.. Куда вы поедете?.. Там опасности, лишения, труды...

— Зато я буду с вами...

— Джесси, ради Бога, не мучайте меня...

— Но я не хочу с вами расставаться, Генри!.. Я не могу!

— Джесси, да поймите, наконец, — горячо заговорил Мортон. — Я бегу от вас... Бегу от себя... потому что... потому что я чувствую, что не могу быть вам только братом... потому что чувство более глубокое захватило меня... Простите, Джесси, что я говорю вам так... Я бы этого никогда не сказал, если бы вы не принудили меня... Вот от этого чувства я и бегу, так как дал слово вам еще там, в Англии, вер-

нуь свободу...

Джесси радостно слушала, не перебивая, и, когда Мортон окончил, она вдруг вся вспыхнула и подошла к нему вплотную.

— Так вы... любите меня, Генри?.. — прерывающимся голосом спросила она.

— Ну, да, если хотите... Люблю, люблю больше жизни, больше счастья, больше воздуха!.. Но не мучайте меня, Джесси... Вы видите, что мне тяжело... Пора покончить эту сцену...

— Да, пора!.. — серьезно проговорила Джесси, бросаясь в объятия Мортонa. — Только... ты, мой Генри, в Африку не поедешь!..

ПИСЬМО

Николай Степанович Ардатов зашел в комнату жены. Комната была пуста. Смятая, еще неубранная кровать свидетельствовала о том, что молодая женщина только недавно встала.

На туалете в беспорядке разбросаны шпильки, гребешки, булавки. Гардероб полуоткрыт и из него выглядывает конец голубой шелковой юбки, обшитой кружевами. Два или три платья небрежно брошены на кровать.

По всему было видно, что хозяйка дома очень торопилась.

— Куда она могла уйти?.. — задал себе вопрос Ардатов и, минуту постояв, хотел было уже вернуться в свой кабинет, но тут его взгляд случайно упал на небольшой клочок бумаги, валявшийся на полу.

Николай Степанович машинально поднял его и хотел было положить на туалет, но внезапно остановился, видимо заинтересовавшись.

Клочок бумаги, поднятый им с пола, оказался оторванной половиной письма, исписанной красивым изящным почерком. Лист был небольшой, плотной дорогой бумаги, светло-фиолетового цвета и от него пахло духами.

Ардатов минуту поколебался, потом, видимо, любопытство превозмогло, — стал читать.

По мере чтения Николай Степанович постепенно бледнел, руки нервно мяли бумагу, лицо выражало целую гамму чувств, преобладающим из которых было страдание, стра-

дание человека, внезапно узнавшего что-то очень страшное, очень большое...

Окончив читать, Ардатов бессильно опустился на стул, выронив обрывок письма на пол... Затем снова поднял и начал перечитывать...

...так и будет, мой маленький Верунчик. Я с наслаждением вспоминаю наше последнее свиданье и с нетерпением жду момента снова увидеться с тобой, обнять тебя и крепко, крепко целовать твою милую головку... Боже! Воображаю, как тебе тяжело с твоим медведем, мой Верунчик. Моя маленькая, хрупкая, нежная Верочка и... в объятиях такого, как ты пишешь, страшного медведя... Я не могу себе представить...

На этом письмо оборвалось.

— Боже, Боже!.. — неясно мелькало в голове у Ардато-ва. — Его Верочка, его чистая святая Верочка, с таким наивным личиком, почти ребенок и... вдруг... «медведь»... Он — медведь!.. «Как ты пишешь»... Значит, она в своем письме называла его так... Она... Она, его Вера, обманывает... и, по-видимому, уже давно... Но с кем же?.. Кто же он?..

Николай Степанович начал перебирать в уме всех знакомых. С чувством острой боли ему вспоминались те незначительные мелочи, на которые он раньше не обращал внимания... Вот, с Семен Ильичем она как-то особенно кокетничала... На Бориса Ивановича на вечере в благородном собрании бросила странный взгляд... Он тогда не придавал значения, но теперь... теперь ему все ясно... И однако, как ни напрягал память Николай Степанович, а положительно остановиться ни на ком не мог...

Это было еще тяжелее.

Наконец, грузно поднявшись с кресла, он тяжелым шагом прошел в кабинет.

В душе его как-то все оборвалось... Чувствовалась пустота, бесцельность, ненужность...

Кое-как добравшись до кабинета, Ардатов плотно прикрыл дверь, бросился на кушетку и закрыл глаза. Тишина комнаты, подернутой полумраком от спущенной шторы, еще более усиливала горе, увеличивала и без того тяжелое настроение Ардатова.

Так он просидел минут двадцать, не стараясь да и не будучи в состоянии разобраться в своих переживаниях, все более и более погружаясь в какой-то бесцветный, тягучий, липкий туман...

Случившееся тяжелым кошмаром охватило его... Он ярко сознавал, что случилось... но мозг его не мог примириться с этим, не мог усвоить совершившегося, до того оно казалось ему невозможным...

Представить свою Верочку... Верочку, еще несколько часов тому назад так горячо ласкавшую его, в объятиях другог... того другого, которого он, еще не зная, ненавидел всеми силами своей души.

Ардатов встал с кушетки и прошелся по комнате.

Голова его пылала. В глазах мелькали зеленые круги, которые то увеличивались, то уменьшались, то принимали красноватый оттенок...

Он бессознательно подошел к зеркалу и поправил прическу, потом снова лег на кушетку, но тотчас же поднялся и сел, крепко охватил голову обеими руками. Он напрягал всю свою силу воли, чтобы понять случившееся, чтобы уяснить себе, что произошло, но не мог... Вот, вот он схватит нить, но внезапно мысль ускользала... Мозг, не будучи в состоянии совершить непосильную работу, отвлекался на мелочи...

— Изменила... променяла... на другого... его Верочка!.. маленькая Верочка!.. — шепчут губы и в то же время в голову лезет назойливая мысль:

— Какой странный изгиб ручки у кресла... Там две полоски... нет, три...

Внезапно он вспомнил жену в вечернем капоте, маленькую, соблазнительную, страстную, и ему захотелось ее, захотелось обнять, прижаться к ней, положить голову ей на грудь и забыть, забыть все, хотелось как, хочется ребенку,

испугавшемуся чего-нибудь, спрятаться на груди у няни...

Ему хотелось скрыться, уйти от того страшного, непонятного, которое вдруг насело на него и давило всей тяжестью горя...

Ведь свершилось... факт... она для него теперь чужая... И эта фраза: «твой медведь» жгла его мозг.

Она не только изменяла ему, но и смеялась над ним...

К острой боли поруганного чувства примешивалась боль оскорбленного самолюбия, оскорбленного вдвойне, и фактом измены, тем, что ему предпочли другого, значит, лучшего... и этой обидной фразой: «твой медведь»... Да разве он похож на медведя... Он молод, красив, хорошо сложен, говорят, неглуп... И, наверное, тот... другой... хуже его...

А кошмар все больше и больше овладевал его мозгом, все больше и больше сдавливал голову и резче, отчетливее обрисовывалось на темном беспросветном фоне непонятного сознания, что он никогда... никогда уж не будет ласкать свою Верочку... никогда не будет целовать ее маленькие теплые ручки, сидя вдвоем на этой вот кушетке... никогда не будет чувствовать ее гибкое молодое тело, так жадно всегда шедшее навстречу его ласкам...

Как он теперь встретится с ней, когда она придет домой... что скажет...

Ему хотелось оттянуть это объяснение, хотелось никогда больше не видаться с ней и, вместе с тем, страстно хотелось, чтобы она скорее пришла.

Ардатов чувствовал, знал, что он прав и ему хотелось видеть жену испуганной, униженной, несчастной...

Внезапно, как молния, промелькнула мысль:

— А вдруг она у него... Вдруг, в то время, когда он тут сидит, она ласкает другого... отдается...

И как только ему раньше эта мысль не пришла в голову?

Николай Степанович нервно вскочил с кушетки и бросился к дверям, но тотчас же остановился.

Куда он пойдет?... Ведь он не знает... не знает ни места, где они встречаются, ни его...

— Боже, как тяжело!.. — вырывалось у Ардатова нудным воплем. — Скорей бы!.. скорей что-нибудь!..

А что, он сам не знал, не отдавал себе отчета... хотя этого чего-то он ждал... жаждал всей душой...

Еще тяжелее, еще мучительнее становилось от сознания невозможности что-либо сделать, предпринять... Эта бездеятельность давила тяжелым камнем, прижимала книзу и все усилия сбросить тяжесть, прорваться сквозь мрак безысходности не приводили ни к чему.

Голова начала кружиться, холодный пот выступил на лбу... Машинальным движением Ардастов вынул платок, отер лоб и тотчас же, скомкав, разорвал его пополам.

Усилие, приложенное для этого и небольшая физическая боль от сопротивляющейся материи заставили его на минуту было прийти в себя, но только на минуту...

Он огляделся, как будто проснувшись от тяжелого сна, но тотчас же происшедшее еще резче, еще рельефнее представилось ему и еще острее и больнее отозвалось в сердце.

Со стоном Ардастов схватился за грудь и, бросившись ничком на кушетку, застыл в такой позе.

Ему было неудобно. Неловко согнутая нога болела, лицо неприятно колола щетина ковра, которым была покрыта кушетка, но он боялся пошевелиться, боялся сдвинуться с места...

Он испытывал физическую боль и эта боль хоть отчасти заглушала нравственную...

Нога отекала, во рту пересохло, голова горела... Невозможное, непонятное все больше насаждало на него... сознание мутилось... нелепые мысли родились одна за другой...

Ему представлялось, как Вера бросится перед ним на колени и будет умолять простить... Он протягивает ей руки, но внезапно жена превращается в чудовище... страшное, тяжелое, липкое... которое бросается на него... Он отталкивает, но чудовище медленно, неуклонно надвигается...

...Вот он уже чувствует смрадное дыхание... чувствует, как зубы прикасаются к его шее...

Он собирает всю силу воли и... вскакивает с дивана. Взгляд случайно падает на вазу, стоявшую на столе и по-

даренную ему когда-то в день ангела Верой... и снова все, что было, все, что он пережил с того момента, как нашел письмо, резкой картиной проносится и он со стоном снова падает на кушетку, стараясь уйти от всего, забыть все...

Но тщетно... Тяжелой кошмарной стеной стоит перед ним измена жены, и нет сил, нет возможности пробить эту стену... нет возможности сделать так, чтобы не было бы того, что было...

Опять нудное, тяжелое, гнетущее чувство, чувство бессилия, чувство невозможности бороться, глаза застилаются туманом, а мозг не в силах понять... Напряженно работая сверхчеловеческими усилиями, не может дать просвета в этой страшной, тяжелой стене...

Внезапно раздавшийся звонок прервал томительное ожидание Ардатова. Как под действием электрического тока, он быстро вскочил с кушетки, бросился к двери, затем обратно к столу и остановился с дико блуждающими глазами.

— Она!.. — хриплым шепотом вырвалось из груди и Николай Степанович не узнал своего голоса.

— Она!.. Сейчас войдет!.. «Медведь»... — внезапно мелькает мысль.

Порывистым движением Ардастов вынул из кармана гребенку и торопливо провел несколько раз по волосам, потом поправил усы и, устремив глаза на двери, стал напряженно ждать.

Послышались быстрые, легкие шаги, направляющееся к кабинету. Николай Степанович, не отрывая глаз от двери, сделал два шага назад и бессильно опустился в кресло перед столом.

Дверь отворилась и изящная маленькая блондинка в большой белой шляпе вошла в комнату, внеся с собой свежесть улицы и радость молодости, довольной и собой и жизнью.

— Коля, ты уже дома? Вот сюрприз!.. Здравствуй, милый!.. Что же ты?.. Но что с тобой? На тебе лица нет! Что случилось?..

Ардатов молчал, продолжая глядеть на жену.

— Коля, что с тобой? Что случилось?.. Ну скажи же!

Она бросилась к мужу и схватила его за руку... Ардатов грубо оттолкнул ее. Он чувствовал себя обиженным и правым, чувствовал, что все данные на его стороне, но вместе с тем не находил силы, не находил слов начать тяжелое объяснение.

Молодая женщина недоумевающе смотрела на него.

— Я знаю все... — наконец нашел фразу Николай Степанович и тотчас невольно подумал:

— Как пошло... Как в романе...

Но сейчас же поправился:

— Я знаю, что ты мне изменяешь... — и, видя отрицательный жест изумленной женщины, хотевшей что-то сказать, перебил, торопясь говорить:

— Не отрицай!.. Не лги!.. Я случайно в спальне нашел письмо от... от него... ты знаешь, про кого я говорю... В другой раз будь осторожнее, когда будешь обманывать его... — желчно попытался сострить Ардатов...

Молодая женщина побледнела:

— Но, Коля... — нерешительно начала было она.

— Подожди!.. — опять грубо перебил Николай Степанович. — Это письмо открыло мне глаза... В нем слишком ясно говорится о ваших отношениях с ним... о разных поцелуях и тому подобных гадостях... — продолжал Ардатов, сделав ударение на слове «гадостях»:

— Ты, конечно, понимаешь, что между нами теперь все кончено и... возврата... возврата того счастливого светлого прошлого... не может быть... никогда...

И вдруг ему стало до боли жаль эту маленькую женщину, растерянно смотревшую на него... Так безумно захотелось обнять ее... прижать к груди...

Но тут вспомнилось слово «медведь» и опять со злобой Ардатов закончил:

— И медведь... медведь... не будет уж больше стеснять тебя!..

— Но, Коля, какое письмо?.. где?.. — заговорила Вера. — Это какое-то недоразумение... Покажи мне его!..

— Изволь!.. Смотри, если сомневаешься!.. — И, вынув скомканный клочок фиолетовой бумаги, Ардатов показал его жене.

— Это письмо?.. от него?.. А я думала...

Та сначала с недоумением посмотрела на письмо, потом внезапно веселым голосом спросила:

— Это письмо?.. от него?.. А я думала...

И с громким смехом Вера выбежала из комнаты.

Ардатов, окончательно сбитый с толку смехом жены, ничего не понимал.

Через минуту вернулась Вера, держа в руках фиолетовый листок бумаги такого же формата, какой был у ее мужа.

— На, читай, Отелло!.. — продолжая смеяться, протянула она Ардатову вторую половину письма.

Тот машинально стал читать:

...рядом с твоим мужем, хотя ты пишешь, что твой медведь очень красивый, умный и любит тебя. Чувствую, что ты

счастлива и не буду больше отвлекать твоего внимания, которое, по-видимому, пока всецело принадлежит твоему мужу.

Еще раз крепко, крепко целую.

Твоя Маргарита Вильбуа.

Прочитав письмо, Ардатов дико посмотрел на улыбающуюся жену, потом, внезапно поняв все, бросился к ней и крепко обнял, повторяя:

— Вера!.. Моя Вера!..

Через полчаса, поправляя смятую прическу перед зеркалом, Вера довольно улыбнулась:

— Хорошо, что мужу попало письмо кузины... а если бы я потеряла письмо Аркадия Владимировича... Надо быть осторожнее!..

РАЗБИТЫЙ ТЕЛЕЦ

Миниатюра

...И бешено кружились люди в неистовой пляске вокруг Золотого Тельца, стоящего на высоком, сотканном из страданий, горя и слез пьедестале. Тупо смотрели неподвижные золотые глаза на беснующихся людей и презрение холодного металла отражалось в них. А люди, покорные рабы Золотого Тельца, с тупым обожанием взирали на него, видя в нем единственное стремление, единственную цель.

Вот женщина, молодая, красивая, в роскошном наряде жадно тянет к Золотому Тельцу свои выхоленные руки, украшенные драгоценностями. Алчностью горят ее воспаленные глаза и вся она полна одним желанием дотянуться по золотого Властелина, коснуться руками его холодного бездушного тела... Дорогое платье с широким вырезом на груди дерзко обнажает ее красивое тело, готовое принадлежать каждому, кто поможет ей в достижении овладеть божеством...

Рядом с женщиной полуотживший старик с отвислой губой и морщинистыми щеками жадно протягивает сухие,

жилистые руки с конвульсивно сжатыми пальцами через головы более счастливых. Он ничего и никого не видит, кроме блеска притягивающего металла и лишь минутами ненавистью и жадой убийства загораются его впалые глаза, когда кто-нибудь загораживает ему желанный путь. В каждом его движении, в каждом жесте читается решимость пойти на все, и великое и низкое, и благородное и подлое, лишь бы дотронуться до заповедного золота... Увлеченный блеском металла, он не видит, как сбоку прокрадывается к нему человек с ножом в руке, чтобы устранить его, занять место ближе к золотому телу гордого своей силой над страстями людей Тельца...

Вот юнец, почти мальчик, но уже узнавший жизнь и уже развращенный ею, нашептывает что-то отвратительной старухе с накрашенным лицом. Юнцу противна старуха. Минутами отвращение читается в его наглых глазах, но он старается подавить естественное чувство брезгливости и гадкая улыбка не сходит с его уст, коснувшихся уже чаши разврата... Нежно шепчет он что-то накрашенной старухе, горячей желанием позднего разврата, жмет ей руку, ожигает ее морщинистую шею горячим дыханием лживых уст, готовый отдать свою любовь и себя, лишь бы приблизиться к Золотому Тельцу...

Далее франт, одетый как модная картинка из французского журнала, мать с ребенком на руках, готовая бросить малютку, лишь бы пройти вперед, чиновник в форменном вицмундире, запачканном чернилами, толстый лабазник, поэт с длинными волосами, художник, писатель... Все они жадно тянутся к золоту, толкают, борются, ненавидят друг друга, готовы перегрызть горло каждому, вставшему на их дороге.

Бесчувственно смотрит на них Золотой Телец со своего высокого пьедестала. Он знает, это его рабы, послушные его велению, не имеющие другой воли, кроме его воли... Он их слишком знает, чтобы сомневаться в них, слишком презирает, чтобы бояться... И в величавом спокойствии всемогущего Властелина застыл Золотой Телец, едва слушая ис-

теричные выкрики окружающих его, торжественно поющих гимн поработившему их металлу.

Но вот внезапно беспокойством загорелись неподвижные глаза Золотого Тельца. Столько веков неподвижное тело его задвигалось, распрямилось и голова повернулась в сторону, смотря поверх продолжающей неистовствовать толпы. Гневно и беспокойно задвигались золотые брови Властелина и громкий вопль ненависти, злобы и страха впервые за десятки тысячелетий огласил мрачные своды старого мира. А вдали молча, не торопясь, уверенными шагами шел к Золотому Тельцу человек. В синей блузе, засаленном картузе, с мозолистыми грубыми руками, он терялся среди разношерстной толпы, окружавшей Тельца, но его-то именно испугался Властелин, привыкший видеть все человечество у своих золотых ног.

В дикой пляске безумства люди не замечали невзрачного пришельца и он, казалось, нисколько не смущался этим. Уверенным движением переложив тяжелый молот с одного плеча на другое, человек смело вошел в толпу, которая инстинктивно расступилась перед ним, давая ему дорогу. Безбоязненно прошел человек в блузе сквозь толпу и поднялся на пьедестал.

Тогда случилось нечто странное.

До сего времени казавшийся величественным и всемогущим Телец вдруг задрожал и мутные гнойные слезы покатались по его золотым щекам, обезображенным гримасой непривычного страдания. Толпа замерла, недоумевая, со страхом и удивлением смотря на столь непривычный для них вид дрожащего Властелина... Человек в блузе с мозолистыми руками расправил привычные к работе плечи, высоко поднял над головой тяжелый молот и с силой опустил его на Золотого Тельца...

Дрогнули темные своды старого мира от мощного удара человека с мозолистыми руками, раздались в обе стороны и сквозь образовавшийся пролом радостное солнце залило золотыми лучами пораженную толпу, ярко освещая и подкрадывающегося к старику убийцу, и прикрытые слоем пудры морщины старухи, и ложь на лице юнца...

А Золотой Телец, рассыпавшийся от мощного удара на мелкие куски, лежал на полу грудой никому не нужного мусора, из которого, извиваясь, выползали скорпионы ненависти, змеи алчности и пауки разврата...

Но они уже не были никому страшны, ибо их не скрывали больше золотые стенки Тельца и люди их, освещенных светлым солнцем, ясно видели и с гадливостью отворачивались от них...

ИДЕЯ

Миниатюра

Это было давно...

Когда Человек еще был молод, полон сил, полон веры в себя и в людей...

Впервые он увидел ее издали.

Звали ее Идеей.

Он показалась Человеку такой воздушной, такой неземной, такой прекрасной, что он, забыв все, отдался ей душой и единственным его стремлением стало — пойти за ней.

Вдали, в лучах заходящего солнца она промелькнула перед Человеком и скрылась, обещающая и манящая, отталкивающая и подавая надежду..

И с тех пор Человек потерял покой...

У Человека была семья.

Жена и дети требовали от него хлеба, пищи, сытой и покойной жизни, требовали его труда, его напряжения и он отдавал свой труд семье, которую любил...

Встреча с Идеей сразу же заставила его страдать.

С одной стороны, его притягивала неземная красота неизвестного, с другой, семья, с ее земными запросами, требовала его забот, его присутствия около нее...

И Человек долго думал, долго переживал... Он похудел, оброс бородой, глаза его ввалились... Наконец он принял решение. Стремление к Идее убило в нем все остальное. Естественную любовь свою к детям он вырвал с корнем из груди, мысль о семье заменило у него желание искать... найти ту, которая стала для него всем в жизни...

Решившись, он сразу просветлел, хотя в душе его, в небольшом уголке, где ютилась Совесть, что-то болело и ныло, как бы говоря:

— А вправе ли ты оставлять на голодную смерть жену и детей твоих, которых ты же создал?..

И Человек тщетно старался не слушать земного голоса Совести, заглушить его мыслями о небесной красоте Идеи, но... он был только Человек, а голос был так громок и силен...

После долгой внутренней борьбы он, наконец, решился окончательно идти разыскивать Идею, скорбный взгляд которой так глубоко проник ему в сердце.

Он продал все, что было у него, несмотря на слезы и рыдания жены и детей...

Изба, живность, столы, стулья, женины платья, шубки детишек, все перешло в руки ростовщика, и, собрав неизвестительную сумму, он ночью, чтобы его не видела семья, взял сучковатую палку, одел полушубок, котомку и тихо вышел из избы...

Так, ради Идеи, он разорил и бросил семью, оставив ее на голод, холод и нищету...

Наутро, не найдя мужа дома, несчастная, лишившаяся всего жена поняла, что тот совсем ушел... Она бросилась к двум своим братьям, жившим в той же деревне, умоляя их вернуть ей мужа.

Те, пожалев сестру, запрягли лошадей и поехали следом за Человеком, которого скоро нагнали.

Но ни увещевании, ни просьбы не привели ни к чему.

Человек, тупо уставившись в одну точку, на все доводы глухо и упрямо повторял:

— Так надо!.. Так надо!..

Тогда один из братьев потребовал, чтобы Человек отдал бы семье по крайней мере хоть часть вырученных им от продажи денег, так как, оставляя без копейки, он обрекал семью на голод и смерть...

Угрозой звучал голос справедливо рассерженного брата и Человеку почудилось, что тот посягает на его Идею, мешает Человеку в стремлении к ней...

Тогда, размахнувшись сучковатой палкой, он ударил брата по голове... Брызнула кровь... Несчастный упал на землю, корчась в предсмертных конвульсиях...

Другой брат бросился было на помощь, но ударом дубины Человек убил и его...

Ради Идеи Человек пролил кровь ближнего своего, убил братьев жены, лишив ее и детей последней поддержки...

Но об этом мало думал Человек, радуясь, что так легко отделался от братьев.

Вскочил он на их лошадь и, ударив вожжами, поспешил вперед, оставляя за собой кровь, страдания и слезы...

Торопился Человек вперед. Дни и ночи не спал и ехал, пока измученная непосильной работой несчастная лошадь не пала, смотря с укоризной потухающим взглядом, в котором виделась смерть, на безумного человека, погубившего ее.

Не обратил внимания Человек на страдания животного. Соскочил он с ненужной теперь телеги и, взвалив сумку на плечи, быстро зашагал вперед.

Долго шел он, изредка останавливаясь в деревнях, селах и городах, чтобы купить припасы, необходимые для жизни, пока у Человека не вышли все деньги, те деньги, ради которых он оставил голодать семью, обрек ее на голодную смерть...

Но это не смущало Человека, пожертвовавшего всем ради Идеи.

Зарабатывать себе пропитание он не хотел, так как это отняло бы у него время в его безумном стремлении вперед, поэтому он стал просить милостыню, выпрашивая жалкие куски, могущие поддержать его существование...

Ради Идеи он протягивал руку, унижаясь и пресмыкаясь перед имущими, посягая самолюбием, чтобы только не задерживаться, не отдалять желанной минуты...

Но пришли холодные дни. Милостыни не хватало, чтобы быть сытым и иметь теплый угол ночью.

Человек стал кашлять и слабеть.

Тогда он ночью вышел на большую дорогу и убил проезжавшего купца, отобрав у него толстый бумажник, обеспечивающий ему много дней сытой жизни.

Ради Идеи он убил и ограбил, отнял трудом нажитые деньги у ближнего своего...

Быстро теперь двигался Человек, погоня лошадей и не жалея так легко доставшихся денег.

Но, наконец, вышли и они и Человек принужден был пробираться дальше пешком.

Делал он попытки ограбить проезжавших, но неудачно. Ехавший оказался сильнее Человека. Защищаясь, он выбил Человеку глаз и сломал ему руку.

Окровавленный, терпя страшную боль, все же продолжал Человек идти вперед сквозь леса и кустарники, через реки и болота... Одежда его превратилась в лохмотья, весь оброс он волосами, грязь и болотная тина густой корой покрывали его тело, насекомые не давали ему спать.

Так долго шел он, пока, наконец, выйдя на опушку дремучего леса, через который он много дней пробирался, питаясь дикими ягодами и листьями деревьев, Человек не увидел перед собой город, ярко сверкавший золотыми главами церквей в прозрачном воздухе.

Силы Человека удесятерились и, забыв все невзгоды и страдания, он быстро пошел вперед.

Восторг замирал у него в груди, дыхание захватывало... Вот, наконец, та цель, ради которой он пожертвовал жизнью, выйдя из деревни молодым, красивым, полным сил и достигнув цели избитым жизнью стариком, сморщенным, седым, едва держащимся на ногах, с выбитым глазом и сломанной рукой...

Вот и ворота города.

Не останавливаясь, прошел Человек мимо и направился к главной улице, сопровождаемый подозрительными взглядами прохожих, в которых читалось отвращение...

Почти бегом достиг он площади и приблизился к красивому золотому дворцу, в котором жила Идея.

Стремительно бросился он к лестнице, но на первой ступеньке ноги его подкосились и, обессиленный, он упал на холодный мрамор, а в сердце его птицы достижения пели радостный гимн царице Идее...

Ползком Человек достиг двери и вошел в комнату.

В глубине на золотом троне сидела женщина и в ее чертах, расплывавшихся в полумраке, Человек смутно узнал ту, ради которой он всю жизнь неудержимо стремился вперед.

Человек подошел ближе, с восторгом простер руки и в ужасе остановился.

Перед ним вместо юной, прекрасной чистой красавицы Идеи сидела пожилая женщина, скрывавшая морщины стареющего лица под густым слоем белил и румян...

— Ты ли это, прекрасная Идея?.. — с горечью воскликнул Человек. — Ты ли это, бывшая прежде такой неземной, такой воздушной, такой недосыгаемой?..

— Да, это я!.. — спокойно ответила Идея. — Я ждала тебя, Человек...

Человек в отчаянии сделал шаг назад.

— Но... Но ты была тогда юной, прекрасной... А теперь... Впрочем, все равно!.. Я достиг... Я дошел до цели.. И так ли ты встречаешь теперь меня, отдавшего тебе все?.. К тебе стремился я, к тебе шел много лет, разбивая преграды, преодолевая все на трудном пути... Ради тебя я обрек семью на голод и нищету, загубил братьев, просил милостыню, убил и ограбил... Ради тебя я превратился в то, чем ты меня видишь теперь... Но все равно... Какая ты ни на есть, но я нашел тебя и теперь ты моя, моя по праву страданий...

— Нет, Человек... — грустно ответила Идея. — Нет!.. Не могу я быть твоей, ибо не тем путем шел ты ко мне... Между нами лежит непреодолимая пропасть... Между нами страдания и слезы семьи твоей, кровь, пролитая тобою, деньги, насильно отнятые грабежом у заработавших их... Не тем путем ты шел, Человек, и теперь ты дальше от меня, чем когда-либо...

— Но что же, что должен был делать я?.. — в отчаянии вскричал Человек. — А те страдания, которые я пережил?.. А те лишения, которые я перенес?.. Неужели они не дают мне права?!..

— Не ради меня, Человек, ты пережил все это, а ради себя... Ради твоей гордости ты переносил все, ради удовлетворения твоего Я ты шел вперед... Не тем путем стремился ты, Человек, чтобы завоевать меня... Ты должен был приготовить мне светлые хоромы, в которых самым чистым и светлым был бы ты... Свое Я должен был ты очистить от всего земного... А что сделал ты?.. Ты моим именем погряз в преступлениях и пороках, ты осквернил и себя и меня и хочешь теперь грязным, с лоскутьями сгнивших тряпок вместо души, с огрубевшим от озлобления сердцем подойти ко мне...

Царица Идея властно поднялась на троне и воодушевлением загорелись ее глаза:

— Посмотри! Раньше я была юной, светлой и прекрасной... Такой я казалась тебе, когда ты в первый раз увидел меня в лучах заходящего солнца... Теперь же, пройдя через жизнь, через грязь и пошлость людскую, ты иначе смотришь на меня, иначе видишь меня и я кажусь тебе уже не той... Уходи же, Человек, ты мне чужд...И... вини сам себя...

Молча поглядел человек в последний раз на Идею жадным взглядом, пытаясь найти в ней прежние черточки светлой царевны, но, не найдя ничего, безнадежно опустил голову на грудь и тихо вышел из дворца, ничего не понимая и не соображая, и только в голове у него неотвязно мелькали последние слова царевны Идеи:

...Вини сам себя, Человек!..

ЧЕЛОВЕК ХУЖЕ ЗВЕРЯ

Поэма в прозе

Льет свой холодный свет полная луна, освещая картину жизни первобытного человека. Вот он прокрадывается тихо вдоль болота, держа в руках тяжелую сучковатую дубину. Сзади него шаг в шаг идет его подруга жизни, покорными глазами следя за каждым жестом своего властелина.

Тело их покрыто густыми длинными волосами, предохраняющими кожу от царапин и ссадин и покрывающими мускулы, точно выкованные из стали.

Неуклюжи они на вид. С непомерно длинными руками и короткими ногами, напоминают больше лесных обезьян, чем людей. Походка не уверена и не тверда и видна привычка проводить большую часть времени на деревьях, спасаясь от когтей и зубов хищников, которых в те времена было очень много.

Тихо идут они и беспокойством горят их глаза. Много врагов притаилось во тьме кустарников, окаймляющих болото. Тут и гигантский плезиозавр и ингуадон и хищный бронтозавр... Они дремлют в теплой тине болота, но чуток их сон... а мясо человека так вкусно, гораздо вкуснее, чем мясо ящеров..

В воздухе носятся огромные тени птеродактилей, этих птиц-драконов, жадно подстерегающих добычу. Но их человек мало боится. С одним справится он при помощи своей дубины, от стаи же спрячется или в кустах, или в густой листве деревьев первобытного леса.

Человек дошел уже до конца болота. Через несколько шагов начнется большой лес с вековыми деревьями, на которых всегда можно найти спасение от прожорливых ящеров.

Там уже он ничего не боится. Там, на ветвях деревьев царство человека и оттуда он смеется и над гигантским пле-

зиозавром и над прожорливым ингуадоном и над хищным бронтозавром...

Человек, не предпринимая больше предосторожностей, делает несколько больших прыжков к ближайшему дереву, широко раскинувшему свои ветви. Еще один прыжок и он будет в своем царстве, под защитой ветвей и листьев родного ему леса. Еще один только прыжок!..

Вдруг упругое твердое тело, покрытое блестящей чешуей, проносится, как молния по воздуху и огромные когти впиваются в тело человека, раздирая его в клочья.

*...И огромные когти
впиваются в тело че-
ловека, раздирая его
в клочья...*

Человек знает, что он погиб. Покорно подчиняясь судьбе, закрывает он глаза, не пробуя защищаться.

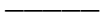
Да и что может сделать он со своей дубинкой против

бронтозавра, броня которого словно вылита из стали?

Подруга человека останавливается на одно мгновение в нерешительности, не зная, идти ли ей на помощь мужу или спастись. Но инстинктивное чувство самосохранения побеждает, страх охватывает ее всю и, дико визжа, с ловкостью обезьяны, взбирается она на высокое дерево, откуда скорее с любопытством, нежели с жалостью наблюдает, как гигантский бронтозавр пожирает ее друга.

Кости хрустят на могучих челюстях, кровь брызжет фонтаном и довольное похрюкивание ящера показывает, что пища ему по вкусу...

А луна льет свои холодные лучи на землю, освещая эту трагедию первобытного человека, и ее нежный голубоватый свет смешивается с яркими тонами пролитой крови...

То же место, но болото частью повысохло. Ящеры или ушли в другое пристанище, или перебиты человеком, который теперь уже не живет один в ветвистых верхушках деревьев, а соединился в группы, решив, что в массе ему легче защищаться от врагов.

Человек начал мыслить, результатом этого получилось начало его господства над всем живущим.

Он понял, что мелких ящеров ему нечего бояться, так как, нападая массой, он легко с ними справлялся, а от больших он защищал себя, устраивая жилища свои в местах, недоступных тяжелым, неуклюжим гигантам доисторического периода.

Начав мыслить, человек начал приспособляться. С верхушек деревьев спустился он на землю и устроил свои жилища в пещерах, на крутых склонах гор, выходивших к реке.

Сделал это он не инстинктивно, как раньше, а уже обдуманно. Крутые склоны гор не позволяли прожорливым

ящерам добираться до жилища человека, а близость реки обеспечивала ему воду.

Кроме того, в пещерах он мог поместиться более кучно, чем на верхушках деревьев и, в случае нападения какого-либо врага, отразить его.

Холодная, бесстрастная луна освещает поляну около болота, по которой причудливыми зигзагами протянулись тени от деревьев первобытного леса.

Вот пролетел птеродактиль, зорко высматривая добычу. На минуту задержался в высоте и, как стрела, пущенная из лука, бросился в гущу кустарников. Резкий предсмертный крик и торжествующая птица-дракон поднялась снова в воздух, держа в своих обгаренных кровью когтях трепещущее тело мелкого сумчатого животного.

Усевшись на поляне, начал дракон с жадностью пожирать полуживую жертву, с наслаждением упиваясь его горячей кровью... Кости хрустели на острых зубах хищной птицы, глаза горели жадностью и удовольствием.

Внезапно птеродактиль насторожился, с беспокойством огляделся кругом и, схватив в когти остатки ужина, грузно полетел через болото, недовольно фыркая и сопя.

На поляне показалась фигура человека.

Человек остановился, прислушался, потом, не заметив, по-видимому, ничего подозрительного, сделал несколько больших прыжков на середину поляны, издав глухое ворчание. Тотчас же из леса показалось несколько фигур, спешивших на призыв своего вожака.

Это были люди, шедшие толпой куда-то.

Но вот на противоположном конце поляны показалось тоже несколько фигур. Они были во всем подобны первым. Те же приплюснутые головы, низкий лоб, маленькие злые глаза, выдающиеся челюсти с большими, как у хищных зверей, острыми зубами.

Увидев первую группу, люди остановились, ожесточенно размахивая в воздухе дубинами, волнуясь и перебегая друг к другу.

Их свирепое ворчание и визг усиливались с каждой минутой, пока наконец, в припадке ярости, они не бросились

друг на друга, нанося удары дубинами, царапаясь, кусаясь и визжа от ярости...

Треск разбиваемых костей, крики боли и ярости наполнили до того времени тихую поляну. Мелкие звери попрятались в лесу и только несколько птеродактилей бесшумно кружились над убивающими друг друга людьми, ожидая конца битвы, чтобы полакомиться останками павших.

А луна по-прежнему безучастно лила свои холодные лучи на поляну, освещая страдания, кровь и смерть, освещая озверевшие фигуры начавших мыслить людей, сознательно убивавших друг друга...

Около болота на берегу реки построен замок, возвышающийся над лесом острыми шпицами своих башен. Бойницы грозно смотрят на лес, как бы вызывая его на бой.

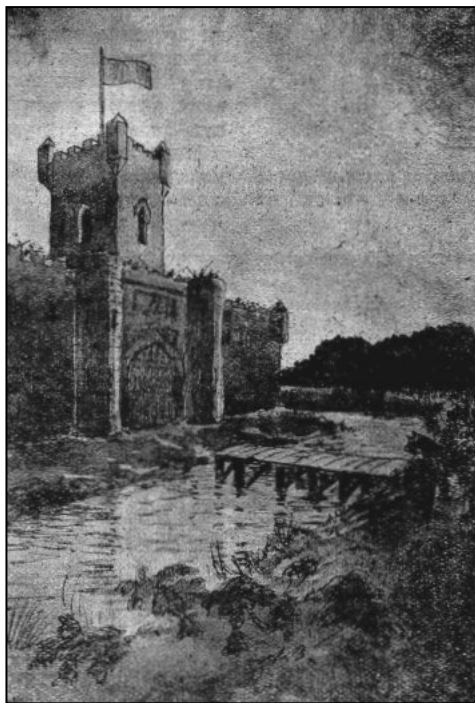
Замок окружен глубоким рвом, наполненным водой. От больших железных дверей идет широкая дорога, уходящая далеко в лес и теряющаяся в нем.

Мысль человека, беспрестанно работавшая много веков, создавала все новые орудия нападения и защиты.

Убей сам, если не хочешь быть убитым... Вот лозунг, перешедший к человеку от его предков и свято сохранившийся в течение многих тысячелетий.

Из леса показалась группа всадников. Люди и лошади закованы в железо, ярко блестящее в последних лучах заходящего солнца... В руках, вместо дубин, стальные мечи и копья... За всадниками появились пешие люди. Они тоже были в панцирях и шлемах, но более легких. Некоторые, кроме мечей и копий, несли лестницы и доски.

Люди вышли на поляну и выстроились в правильные колонны. Всадник, богаче других одетый, сделал знак рукой и все, как один, бросились к замку.

*...Люди вышли на поляну перед замком и выстроились
в правильные колонны...*

Тучи стрел полетели им навстречу из бойниц. Нападающие спотыкались, падали, снова поднимались и бежали, бежали беспрерывно вперед, пока, наконец, не достигли рва, наполненного водой.

Перекинув доски через ров, они приставили лестницы к стенам и полезли наверх, яростно визжа и воя и ничем не отличаясь в эту минуту от своих доисторических предков.

Со стен замка посыпались камни, полилась кипящая вода... Люди обваривались, калечились, падали, умирали., но все шли вперед, пока не ворвались в замок...

Солнце зашло, наступила ночь, но люди все продолжали убивать, не щадя ни женщин, ни детей.

Вот громадного роста воин со зверским лицом вырвал из рук молящей его матери грудного ребенка и, схватив его

за ноги, ударил головой о стену. Раздался треск раздробленного черепа, мозги и кровь брызнули на лицо воина, звук удара смешался с предсмертным воплем неповинного ребенка и нечеловеческим криком матери, которая в припадке умопомешательства бросилась на воина, стараясь вырвать из его сильных рук труп сына...

Воин со смехом ударил тяжелым мечом несчастную мать, кровь которой смешалась с кровью ее ребенка...

Взошедшая луна осветила холодным светом картину разрушения и смерти.

Так человек, господин живущего, властелин мысли шел вперед, отдаляясь от своих предков созданием орудий убийства и оставаясь верным им в своей жажде убивать...

На месте замка построен большой город с высокими многоэтажными домами. Все улицы запружены возбужденной толпой, которая суетится, кричит, стреляет...

Между домами баррикады, занятые вооруженными людьми. По улицам ходят отдельные группы с красными флагами, на которых написано «Liberté, Egalité, Fraternité...»

Люди убивают друг друга...

Во имя свободы они лишают другого свободного права жить..

Вот толпа обезумевшей черни, вооруженная палками и косами, с озверевшими лицами вытащила из дома мужчину и ребенка. Сначала хотели повести их куда-то, но потом переменили решение, набросились на мужчину и начали бить его... Мужчина упал окровавленный без чувств... Маленький, лохматый человек с испытанным лицом, в блузе без пояса большим камнем разбил ему голову. Кровь смешалась с мозгами и струйками потекла по дороге... Женщина, протягивая руки, бросилась на труп мужа... Кто-то ударил ее молотком... Острая коса впилась ей в спину и, обливаясь

кровью, упала она на труп мужа, конвульсивно обнимая его последним объятием смерти.

Остался ребенок.

— Люди! — обратился к толпе человек с добрыми глазами. — Пощадите ребенка!.. Он ведь не виноват еще ни в чем...

Но голос единственного человека в этой толпе озверевших людей, потерявших облик человеческий, потонул в злобных криках.

Толпа попробовала крови... Она жаждала ее проливать, проливать без конца...

Двое рабочих схватили грудного ребенка за ноги и разорвали его пополам. Отчаянный крик невинной жертвы слился с яростными криками торжествующей свою победу толпы...

Предводительствуемая двумя рабочими, размахивающими окровавленными останками разорванного ребенка, толпа двинулась дальше искать новых жертв, проливать новую кровь...

На площади построена большая странная машина. Два столба, посредине которых ходит блестящий острый нож. Толпа то и дело подводит к машине окровавленных, избитых людей. Нож поднимается вверх, голова жертвы вкладывается в особое отверстие. Человек в красной рубашке нажимает на рычаг и нож, падая с зловещим лязгом вниз, отсекает голову.

Под машиной целое озеро крови. Она работала с утра почти без перерыва.

Зашло солнце. Наступила ночь. Зажгли факелы. Машина при свете огней продолжала без отдыха свою кровавую работу, отсекая все новые головы.

Взошла луна и своим ровным тихим светом озарила работавшую машину, озеро крови, гору трупов с отрубленными головами, которые некому было убирать...

На месте полусаженного залитого кровью города выстроен другой, более красивый, более культурный.

По широким улицам двигаются трамваи, автомобили, экипажи. Подземные железные дороги в несколько минут переносят человека в самые отдаленные кварталы города, растянувшегося на десятки верст. Телеграф передает за тысячу верст волю человека...

...По широким улицам двигаются трамваи, автомобили, экипажи...

Мысль человека неуклонно работала, создавая все новые и новые машины, открывая новые горизонты для, казалось бы, счастливой, мирной жизни...

Толпа людей двигается по улицам. Газетчики выкрикивают последние новости. Торговцы с лотками предлагают товар проходящим. Магазины сверкают роскошными витринами.

Сотни детей играют в скверах под надзором нянек, оглашая воздух веселыми, радостными криками.

Вдруг высоко на небе появилось несколько точек, приближающихся к городу. Постепенно увеличиваясь, они начали принимать очертания гигантских птиц, летящих с сильным, отчетливо слышным внизу жужжанием.

Птицы над городом... Около одной из них блеснуло что-то и, отделившись, понеслось к земле. Другая, третья, четвертая тоже сбросили что-то.

Люди на улицах остановились, наблюдая невиданную

картину.

Но вот предмет, сброшенный с первой машины, достиг земли. Раздался оглушительный взрыв и осколки разорвавшейся бомбы с шипящим свистом понеслись в разные стороны, убивая и калеча находящихся поблизости людей.

Вторая бомба попала в сквер, наполненный играющими детьми... Маленькие, обезображенные тельца, залитые кровью, с оторванными руками и ногами... Детский плач, крики боли и ужаса наполнили за минуту перед тем мирный и счастливый город и толпа бросилась в паническом ужасе в разные стороны...

К востоку от города тянется ряд глубоких траншей, в которых сидят люди... Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч людей, вооруженных винтовками... Пулеметы и небольшие траншейные орудия притаились в особых углублениях, ожидая минуты выбросить из своих темных жерл смерть и ужас.

Шагах в шестистах впереди траншеи сделана вторая. Там тоже люди, у них тоже пулеметы и орудия, обращенные против первой траншеи.

На сотни верст тянутся эти темные линии взрытой земли, наполненные людьми, подстерегающими друг друга.

Тихое утро. Солнце только что поднялось на горизонте и мягкими тонами освещает между окопами зеленый ковер, пестреющий цветами. Бабочки, жуки, всевозможные козявки наполняют воздух, перелетая с цветка на цветок и отдаваясь, согретые живительными лучами горячего солнца, восторженному гимну любви, созидающему жизнь...

Поле живет, дышит, восторгаясь жизнью, любит, и только человек в этой симфонии теплого летнего утра полон желания убивать...

Вдали, позади одной из траншей, послышался заглушенный звук выстрела. Со свистом рассекая воздух, пронесся двенадцатидюймовый снаряд и упал в траншеи неприятеля. Тучи земли, окровавленные оторванные руки, ноги, головы, части туловища полетели кверху, засыпая окрестности.

За первым выстрелом последовал второй, третий, заговорили винтовки, затрещали пулеметы... Вскоре отдель-

ных выстрелов не стало слышно.. Все смешалось в одном нудном, тяжелом, липком звуке, полном ужаса...

Снаряды вырывали из окопов тысячи людей, но тотчас же их место занимали другие, с глазами, полными ужаса, недоумевая, зачем им надо умирать...

Десятки аэропланов носились в воздухе, управляя огнем артиллерии и сбрасывая бомбы. Местами волны удушливого ядовитого газа темно-красного цвета медленно, как утренний туман, ползли к траншеям, уничтожая на своем пути все живущее.

Ад из огня, свинца и железа продолжался без передышки целый день и к ночи достиг высшего напряжения. Снаряды засыпали траншеи огненным дождем, не давая опомниться находящимся в них...

Когда на небе появилась полная луна, десятки тысяч людей выскочили из окопов и с диким криком ярости бросились друг на друга. Скрежеща зубами, судорожно сжимая в руках винтовки с примкнутыми штыками, они сошлись на середине поляны и холодная сталь вонзалась в тела, обливая кровью зеленую траву.

Люди, уподобясь диким зверям, убивали друг друга, кололи, рубили...

Торжествующий гений разрушения рука об руку со смертью справлял свой кровавый праздник...

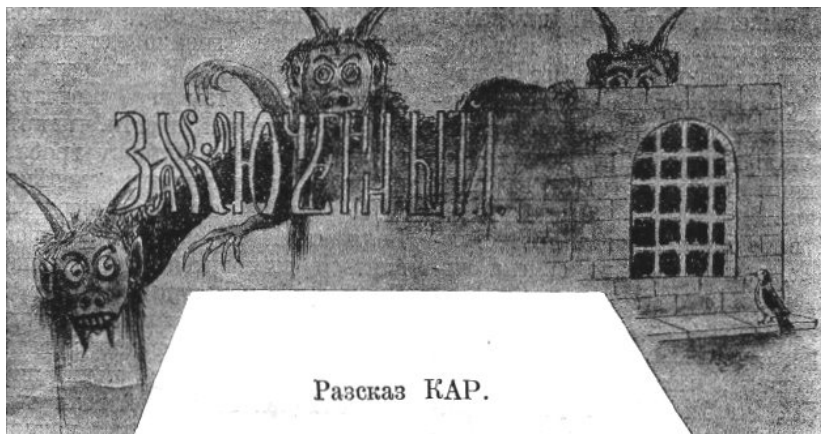
А луна лила свои бледные лучи, как и сотни, и тысячи и десятки тысяч лет тому назад, освещая убийство, кровь, страдания и слезы...

Так происходила до наших дней эволюция человека... И закон обезьяноподобного предка — «Убей, если не хочешь быть убитым» — оставался в силе, несмотря на развитие людей...

И человек, властитель мысли, господин мира, становился... хуже зверя...

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Рассказ

Вот уже пятый день лежал неподвижно он на жестких нарах одиночной камеры, заключенный за стремление оказать помощь обездоленным, вырвать из рук палачей право жизни над теми, потом и кровью которых созидалось благополучие угнетателей.

Молодой, сильный, полный жажды жизни, он не мог переносить одиночной камеры, клетки, выдуманной людьми для заключения себе подобных.

Темные мрачные стены гнетом безысходности давили живое сознание, заставляли вести глухую борьбу с протестующим «я», не желавшим мириться с совершившимся.

И только ежедневно небольшой луч солнца, появлявшийся на мгновенье, напоминал ему о жизни за каменными стенами темницы.

Здесь, в камере, так серо, однотонно... Сырые промерзшие стены, казалось, надвигаются, готовые поглотить осмелившегося сказать живое слово в этом царстве тоски и смерти. Каждый камень темных сводов, скудно освещаемый мерцающим светом из небольшого, величиной с форточку, окна, придушенного железной решеткой, чудилось, кричал страшным криком могильной тишины:

— Здесь нет надежды!.. Здесь власть Ужаса, власть Смерти!..

А там, за окном, яркое веселое солнце живительными лучами согревает ликующую землю, соединяя в аккорде света и тепла любовь матери и страсть любовницы.

Все живущее тянется к горячим лучам, купаясь в их волшебных струях и черпая новые силы жизни для борьбы с суровой действительностью.

И кажется, что нет на земле ни ненависти, ни злобы, нет эгоизма, предательства... Все живущее соединилось в одном неудержимом порыве любви, порыве чистых желаний слиться с ближним своим, отдать за него жизнь...

И в то время, когда протестующее «я» вырванного из списка живых человека не может, не хочет мириться с правом других на него, усталый, лихорадочно возбужденный мозг напрягает все усилия, чтобы вырваться из связывающей его оболочки и перенестись в царство света и радости.

Долго, упорно борется человек со своим «я» и не может побороть... Холодным потом покрывается его лицо. Мрачные стены принимают вид одухотворенных чудовищ, ужасные, уродливо искривленные лапы которых жадно тянутся к человеку, готовые охватить его, задушить, разорвать страшными, жаждущими крови когтями...

Темный свод принимает образ кошмарной безысходности, которая, как фантастический кровожадный дракон, медленно, не торопясь, опускается ниже, зная, что жертве нигде скрыться, некуда убежать от смертельных объятий.

В адской пляске безумия чудовища надвигаются тяжелой липкой стеной...

Все забывает человек и только одно ярко рисуется в его лихорадочно напряженном мозгу — это невозможность найти выход, невозможность бороться... И весь он, до последнего своего атома, проникнут желанием найти исходную точку, опираясь на которую, можно бы было сопротивляться.

Воля напрягается до невероятности, мозг громко стучит в отуманенной голове и человеку кажется, что там гномы отчаяния стучат молотами смерти, накрепко приколавывая крышку гроба, в котором лежит надежда человека.

Но борьба слишком неравная. Воля слабеет, желание сопротивляться становится все меньше... Чудовища радостно смотрят на изнемогающего человека и жадно оближаются противными липкими языками, предвкушая близкий пир.

Последней вспышкой воли человек пытается отогнать кошмарные видения. Они на мгновение отступают, но затем неудержимым потоком накидываются на человека, охватывают его, присасываются к измученному духовной борьбой телу.

Все заволакивается туманом... Чудовищ уже не видно... Мрачные стены тюрьмы расступились, открыв небольшую поляну, ярко освещенную солнцем.

В причудливых тонах зеленого ковра пестреют миллионы цветов, жадно тянущиеся своими нарядными венчиками к свету. Бесчисленные бабочки, жуки, насекомые, населяющие поляну, тянутся друг к другу, созидая жизнь и, в бессознательном безумном стремлении создавать, предаются страстному пиру любви и солнца...

И в этом вихре стихийных желаний, в этом опьяняющем аромате сладострастия, как легка и возможна кажется смерть, не с холодной беспощадностью срезающая использованную велениями природы жизнь, а с заботливостью матери ласковой рукой устраняющая ненужный атом, не могущий уже дать нового, более совершенного...

Но вот на поляне появилось двое детей — мальчик и девочка. Они бежали, держась за руки и весельем беспечного детства горели их чистые глазки...

Девочка запнулась за сухую ветку, мальчик тотчас же поддержал ее с серьезным видом мужчины, покровительствующего слабой беззащитной женщине...

Русые головки детей слились с ликующим фоном поляны, составив с ней как бы одно целое... И казалось, что только их, ради которых природа создала и поляну, и жизнь, и опьяняющую любовь, только их, этих конечных шагов ее неустанного творчества, не хватало, чтобы дать полную картину великого созидания, неизменно эволюционирующего начала...

А малытки весело кружились по поляне, гоняясь за нарядными бабочками, срывая яркие цветы, упиваясь беспечностью детства, не тронутого еще заботами и огорчениями жизни.

И человек узнал в них своих детей, которых он безумно любил.

Вспомнились ему маленькие ручонки, ласково теребившие его волосы, детский лепет, прислушиваясь к которому, он узнавал себя, свои слова и мысли, сказанные им когда-то и по-своему воспринятые начинавшим развиваться только умом... Вспоминались их невинные игры и забавы, в которых проявлялось будущее назначение каждого: любовь девочки к куклам — любовь будущей матери и героические поползновения, беспощадная борьба с плюшевыми львами мальчика — будущего мужчины, готового завоевать себе жизнь и бороться за счастье...

Неудержимым порывом человек потянулся к созданным им, тем, в которых продолжается он и будет продолжаться, пока это будет нужно эволюции...

Вот ему кажется, что он уже близко, близко к детям. Трепещущие руки готовы обнять малыток, прижать к обезумевшему от отчаяния и горя сердцу, слиться в чувстве единого «я», отживающего и начинающего жизнь... Он уже с чувством радостного умиления готов коснуться их, но... Внезапно все пропадает... Перед ним серые мрачные стены темницы... Сквозь узкое решетчатое окно тускло пробивается задушенная неволей полоска света.

И человек в отчаянии простирает руки к окну. В агонии безысходности он истерично, неестественным голосом громко кричит, как бы желая криком прорвать тяжесть отчаяния:

— Чуда!.. Дай мне чудо, Создатель Ликующего Мира!.. Вырви, возьми меня отсюда, где нет ни жизни, ни надежды!.. Сделай же чудо!..

И внезапно луч яркого солнца прорезал мрак темницы, на мгновение ослепив воспаленные глаза человека, прорезав, как молнией, его воспаленный мозг.

— Чудо!.. Вот чудо!.. Создав меня, Ты дал мне чудо!..

И в безумном рыдании вновь обретенной надежды упал человек на землю и высоко поднимались его сильные плечи, внезапно скинувшие с себя тяжесть отчаяния...

А липкие кошмарные чудовища одиночества, побежденные радостными птицами надежды, робко поджав хвосты, медленно удалялись, пока не слились с однотонностью каменных стен...

Примечания

В данной книге впервые собраны произведения Павла Сергеевича Красника (1884-1939). Уроженец Московской губернии, П. С. Красник окончил Александровское училище. Участвовал в русско-японской, Первой мировой (в чине капитана) и гражданской войнах. Был начальником штаба гарнизона в Троицке и корпусным интендантом в Челябинске.

Эмигрировал в Шанхай, где в 1920-1921 гг. совместно с Е. Семчевской редактировал иллюстрированный журнал «На чужбине» (6 номеров), заявленной целью которого было дать эмигрантам «легкое здоровое чтение». В этом журнале Красник, под псевдонимами «П. Карелин» и «Кар», опубликовал ряд фантастических повестей и рассказов; за подписью «П. Красников» в нескольких номерах журнала были также напечатаны «Истины о жизни: Очерки учения индийских йогов». Как можно предположить, еще один псевдоним Красника – «Керн» (так подписывался художник, иллюстрировавший произведения Карелина, причем рисунки «Керн» зачастую копировал из старых номеров журналов «Огонек», «Нива» и т.д.). Для иллюстраций использовались и взятые из различных журналов рисунки западных художников,

изначально никак не связанные с повестями и рассказами «П. Карелина».

Последний номер журнала «На чужбине» вышел в свет в декабре 1921 г. Затем Красник перебрался в Сидней и оттуда в Сан-Франциско, где на протяжении 14 лет, до продажи издания в 1938 г., редактировал газету «Русская жизнь». Скончался в Сан-Франциско в 1939 г.

Все тексты публикуются по первоизданиям с исправлением очевидных опечаток; орфография, пунктуация, а также некоторые устаревшие обороты приближены к современным нормам.

Тайна белого дома

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1921, № 4, апрель.

Индус

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1921, № 2, январь.

Таинственный остров

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1921, № 3, март.

Кольцо Изида

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1921, № 5, ноябрь; № 6, декабрь.

Джесси

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1920, № 1, октябрь.

Письмо

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1920, № 1, октябрь.

Разбитый Телец

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1921, № 2, январь.

Идея

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1921, № 4, апрель.

Человек хуже зверя

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1921, № 3, март.

Заклученный

Впервые: *На чужбине* (Шанхай), 1921, № 5, ноябрь.

Оглавление

Тайна белого дома	6
Индус	37
Таинственный остров	64
Кольцо Изида	105
Джесси	136
Письмо	176
Разбитый Телец	186
Идея	191
Человек хуже зверя	198
Заключенный	210
Примечания	216

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.